

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич

заместитель главного редактора, д.э.н., профессор, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН

БУКИНА Ирина Сергеевна

к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

главный редактор, д.э.н., профессор, руководитель Научно-исследовательского объединения Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ГОРЕГЛЯД Валерий Павлович

д.э.н., профессор, главный аудитор Банка России

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

д.г.н., профессор, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета

ИЛЬИН Владимир Александрович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

д.э.н., профессор РАН, заместитель директора по научной работе Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

КУРБАНОВ Рашад Афатович

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЕКСИН Владимир Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЛОБАНОВ Иван Васильевич

к.ю.н., доцент, ректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЫКОВА Людмила Никитична

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович

академик РАН, д.э.н., профессор, заведующий Сектором теоретических и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН

МАКАРОВ Валерий Леонидович

академик РАН, д.ф.-м.н., профессор, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН

ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович

академик РАН, д.э.н., профессор, руководитель научного направления «Математическая экономика» Центрального экономико-математического института РАН

ШВЕЦОВ Александр Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ШАКИРОВА Диана Фаридовна

ответственный секретарь

ОДИНЦОВА Александра Владимировна

ответственный редактор, д.э.н., доцент

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

FEDERALISM

Theory. Practices. History

3 (119), 2025, Vol. 30

EDITORIAL BOARD

ANDRICHENKO Lyudmila V.

Dr. Sc. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Center for Public Law Research
of Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation

BAKHTIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS,
Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Director of
Central Economics and Mathematics Institute
of the RAS

BUKHVALD Eugeny M.

Deputy Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Center of Federal Relations
and Regional Development of Institute
of Economics of the RAS

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of Institute of
Economics of the RAS

VALENTEY Sergey D.

Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head
of the Research Association of Plekhanov Russian
University of Economics

GOREGLIAD Valeriy P.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Auditor of Bank
of Russia

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor,
Director of the North Caucasus Research Institute
of Economic and Social Problems of Southern
Federal University

ILYIN Vladimir A.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc.
(Econ.), Professor, Honored Scientist of Russian
Federation, Scientific Director of Vologda Research
Center of the RAS

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Deputy
Director for Scientific Work of Institute for
Economic Forecasting of the RAS

KURBANOV Rashad A.

Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Head of the Department
of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian
University of Economics

LEKSIN Vladimir N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

LOBANOV Ivan V.

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Rector
of Plekhanov Russian University of Economics

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Institute of Economics of the RAS

MAEVSKIY Vladimir I.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Subcenter of Theoretical
and Applied Problems of Reproduction of Institute
of Economics of the RAS

MAKAROV Valeriy L.

Academician of the RAS,
Dr. Sc. (Physics and Mathematics), Professor,
Scientific Adviser of Central Economics and
Mathematics Institute of the RAS

POLTEROVICH Victor M.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of Scientific Research
“Mathematical Economics” of Central Economics
and Mathematics Institute of the RAS

SHVETSOV Alexander N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of
Federal Research Center “Computer Science and
Control” of the RAS

SHAKIROVA Diana F.

Secretary of the Board

ODINTSOVA Alexandra V.

Executive Editor, Dr. Sc. (Econ.),
Associate Professor

Founder:

Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

○ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРОХОРОВ П.Э.

- Эмпирический анализ маятниковой миграции в Московском регионе.
Опровержение устоявшихся представлений..... 5

ВОЛКОВА Н.Н., РОМАНЮК Э.И.

- Динамика индекса научно-технологического развития в разрезе
российских регионов..... 25

КОРЕПАНОВ Е.Н.

- Результативность научных исследований и разработок в федеральных
округах 44

○ МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

КИСКИН Е.В.

- Перераспределение полномочий как новая модель регулирования
компетенции муниципалитетов: необходим стратегический подход 60

○ БЮДЖЕТНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

ЛЫКОВА Л.Н.

- Налоговая реформа сквозь призму итогов первого полугодия 2025 г.
для региональных бюджетов..... 76

○ НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

КРИВОВ В.Д., ЛИСИЧКИНА А.А., САМУСЕВИЧ К.А.

- Применение стандарта благополучия в контексте целей в области
устойчивого развития, новых национальных проектов и Системы
национальных счетов 2025 г. 95

○ ДИАПАЗОНЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ПЕТРИКОВ А.В.

- Приоритеты и механизмы земельной политики в сельском хозяйстве
России 117

КОРНЮХИН А.А., ГАГАРИНА Г.Ю.

- Пути решения проблем развития экономики угледобывающих регионов
России 136

○ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ТРОФИМОВА Я.В.

- Основные подходы к конкретизации содержания финансовой
безопасности территорий 156

○ МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

ГАВРИЛЕНКО Ю.Е.

- Индекс условий труда и его влияние на занятость в регионах России ... 171

CONTENTS

○ SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS

PROKHOROV P.E.

Empirical Analysis of Commuter Migration in the Moscow Region.
Revisiting Established Paradigms 5

VOLKOVA N.N., ROMANIUK E.I.

Dynamics of the Scientific and Technological Development Index Among
Russian Regions 25

KOREPANOV E.N.

The Effectiveness of Scientific Research and Development
in Federal Districts..... 44

○ LOCAL AUTONOMY

KISKIN E.V.

Redistribution of Powers as a New Model for Regulating Municipal
Competence: a Strategic Approach is Required..... 60

○ FISCAL FEDERALISM

LYKOVA L.N.

Tax Reform Through the Prism of the First Half of 2025 Results for Regional
Budgets 76

○ SUPRANATIONAL PROBLEMS

KRIVOV V.D., LISICHKINA A.A., SAMUSEVICH K.A.

Application of the Well-Being Standard in the Context of the Sustainable
Development Goals, New National Projects and the System of National
Accounts 2025 95

○ RANGES OF SECURITY

PETRIKOV A.V.

Priorities and Mechanisms of Land Policy in Russian Agriculture 117

KORNYUKHIN A.A., GAGARINA G.Yu.

Ways to Solve the Problems of Developing the Economy of the Coal-Mining
Regions of Russia 136

○ ANALITICAL NOTES

TROFIMOVA Ya.V.

The Main Approaches to Specifying the Content of Financial Security of
Territories 156

○ YOUNG SCIENTISTS

GAVRILENKO Iu.E.

The Index of Working Conditions and Its Impact on Employment in the
Regions of Russia 171

П.Э. ПРОХОРОВ

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАЯТНИКОВОЙ МИГРАЦИИ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ. ОПРОВЕРЖЕНИЕ УСТОЯВШИХСЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Ежедневная маятниковая трудовая миграция формирует рынок труда Москвы. Однако ее экономические и бюджетные последствия для системы межбюджетных отношений остаются недостаточно изученными. В статье на основе микроданных выборочного обследования рабочей силы Росстата за 2024 г. проводится комплексный анализ социально-экономического портрета маятниковых мигрантов и их сравнение с коренным населением Москвы. Эмпирически подтверждены три гипотезы: 1) мигранты моложе и в большей степени представлены мужчинами; 2) среди них наблюдается «профессиональный парадокс» — в 2–4 раза выше доля работающих не по специальности; 3) их занятость концентрируется в отраслях с высокой долей неформальных трудовых отношений. Выявлено эмпирическое доказательство фундаментальной налоговой асимметрии: мигранты уплачивают НДФЛ в бюджет Москвы, в то время как расходы на воспроизводство их человеческого капитала несут регионы их постоянного проживания. Это создает системную неэффективность и требует корректировки механизмов межбюджетного регулирования. Результаты обосновывают необходимость целевых компенсационных механизмов для снижения таких диспропорций.

Ключевые слова: маятниковая трудовая миграция, человеческий капитал, профессиональное несоответствие, межбюджетные отношения, Московская агломерация, налоговые дисбалансы, выборочное обследование рабочей силы.

JEL: R23, J21, H70, I25

Маятниковая трудовая миграция (МТМ) — один из наиболее значимых, но наименее изученных феноменов современной российской экономики. В условиях резко выраженной концентрации экономической активности, инвестиций и высокопроизводительных рабочих мест в крупнейших агломерациях МТМ становится ключевым механизмом адаптации рынка труда, позволяющим населению периферийных территорий сохранять привязанность к месту жительства и одновременно

получать доступ к карьерным возможностям в региональных центрах. По оценкам А.А. Соколовой, МТМ составляет 75,3% от всех видов возвратной трудовой миграции в России, что делает ее доминирующей формой трудовой мобильности [1, с. 55].

Особую значимость этот феномен приобретает в Московской агломерации — крупнейшем экономическом кластере страны, в который ежедневно вливаются более 1,5 млн чел. [2, с. 112]. Этот поток не просто дополняет рынок труда Москвы, но и формирует его структуру, определяет нагрузку на транспортную инфраструктуру и влияет на социально-экономическую динамику столичного региона.

Несмотря на значительный прогресс в изучении МТМ, научное понимание этого феномена остается фрагментарным. Существующие исследования фокусируются либо на географии потоков [3, с. 53], либо на социально-демографических портретах [1, с. 69], либо на методах измерения [4, с. 1125]. Глубокий анализ внутренней структуры мигрантов — распределений их характеристик, диспропорций внутри групп, наличия статистически значимых подгрупп — *остается недостаточно изученным*, что ограничивает возможности для разработки точечной, эффективной политики в области занятости, транспорта и социальной поддержки для муниципальных властей.

Постановка задачи

В современной литературе под межрегиональной трудовой миграцией понимается перемещение трудоспособного населения между субъектами Российской Федерации с целью трудоустройства [5, с. 166]. В рамках этого понятия выделяется маятниковая трудовая миграция — регулярные ежедневные или еженедельные поездки между местом проживания и работы в разных административных единицах [1, с. 58; 6, с. 64].

Важно отличать МТМ от отходничества и вахтовой работы, которые имеют иную периодичность и социально-экономические детерминанты [7, с. 34]¹.

Исследования последнего десятилетия показывают, что маятниковая миграция — это *не маргинальное, а системообразующее явление для мегаполисов*. На примере Москвы работы Р.А. Бабкина, А.Г. Махровой и Ю.Ю. Шитовой доказали, что административные границы города давно не соответствуют границам его экономического влияния. Формируется так называемый «реальный город» — территория, объединенная интенсивными трудовыми взаимосвязями, которая простирается далеко за пределы МКАД [8, с. 5; 9, с. 249].

География миграции имеет четкую зональную структуру:

- ядро (0–50 км от МКАД), которое является зоной максимальной интенсивности ежедневных поездок. Основные доноры — города ближнего Подмосковья: Балашиха, Люберцы, Химки, Мытищи;

¹ МТМ рассматривается как стратегия, позволяющая сохранить привязанность к дому при доступе к доходам в крупных центрах.

- периферия (50–150 км) с доминированием удлинённых формы занятости (полуотходничество). Формируются центры второго порядка (Сергиев Посад, Домодедово), которые сами привлекают трудовые потоки, но при этом теряют часть населения в Москву [10, с. 155].

Интересно, что в последние годы наблюдается тенденция к расширению зоны влияния Москвы. Потоки мигрантов фиксируются из городов, расположенных на расстоянии 150–200 км (Тула, Калуга, Тверь), что свидетельствует о *формировании Центрально-Российского мегалополиса* [11, с. 1210].

Особый научно-практический интерес у российских ученых вызывает описание характеристик маятниковых мигрантов. Работы А.А. Соколовой и А.Ю. Усковой с коллегами показывают, что типичного портрета мигранта не существует — он сильно варьируется в зависимости от региона проживания и расстояния до центра [1, с. 52; 4, с. 1128].

Тем не менее можно выделить несколько характерных черт маятниковых мигрантов. Среди маятниковых трудовых мигрантов преобладают представители мужской части населения [1, с. 70]. Маятниковая миграция — явление преимущественно молодежное. Пик приходится на группы 25–34 и 35–44 лет [12, с. 73]. При этом в отдалённых городах (более 60 км от Москвы) среди коммьютеров доминируют молодые люди (25–34 года), что может быть связано с физической выносливостью, необходимой для длительных поездок [4, с. 1130]. Анализ пространственной мобильности в крупнейших агломерациях подтверждает, что именно молодые трудоспособные мужчины составляют ядро ежедневных миграционных потоков [13, с. 115]. Стереотип о том, что маятниковые мигранты — это низкоквалифицированные работники, *не подтверждается*. Доля лиц с высшим образованием среди них значительна и в ряде случаев, например, в Московской области, даже превышает долю среди коренного населения Москвы [1, с. 65].

Исторически изучение маятниковой трудовой миграции сталкивалось с серьёзными методологическими трудностями из-за отсутствия надёжных и регулярных данных. Ситуация кардинально изменилась с развитием цифровых технологий. Сегодня в научном обороте используются три основных типа источников.

1. Официальная статистика Росстата по выборочным обследованиям рабочей силы. Выборочные обследования рабочей силы остаются ключевым источником для анализа социально-демографических характеристик маятниковых мигрантов (пол, возраст, образование, ОКЗ, ОКВЭД). Однако этот источник имеет ограничения: низкая детализация на уровне муниципалитетов и отсутствие геометрик, таких как время в пути.

2. Данные мобильных операторов стали революционным инструментом в работах Р.А. Бабкина и А.Г. Махровой [3, с. 53; 8, с. 8; 14, с. 50]. Путём анализа перемещений абонентов (например, где человек находится ночью — «дом», а днём — «работа») можно с высокой точностью карто-

графировать потоки, определять зоны трудового тяготения. Этот метод позволил впервые достоверно оценить оперативные масштабы явления.

3. Данные социальных сетей (VK). Научный коллектив А.Ю. Усковой, Н.М. Логачевой, Ю.В. Саломатовой, Н.И. Саломатова предложил инновационный подход, собирая данные о местах жительства и работы из профилей пользователей [4, с. 1122]. Это дало возможность получить информацию о половозрастной структуре мигрантов на уровне отдельных городов-спутников, хотя и с некоторой погрешностью из-за неполной достоверности данных, предоставляемых пользователями о себе.

Таким образом, современные исследования опираются на синтез источников, что позволяет получить более полную картину явления при помощи разных подходов к количественной оценке.

Цель и задачи исследования

В существующих работах можно выделить один значительный пробел: почти все исследования оперируют агрегированными показателями (средние, доли, суммы). Даже работы, использующие микроданные, редко проводят глубокий анализ распределений характеристик мигрантов и их внутренней структуры.

Целью настоящего исследования является восполнение этого пробела путем проведения глубокого анализа социально-экономического портрета маятниковых мигрантов Москвы с акцентом на распределения характеристик. Опираясь на микроданные ОРС Росстата за 2024 г., мы перейдем от описания средних значений к пониманию внутренней структуры этой ключевой для столичного рынка труда категории населения.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Определить и обосновать ключевые социально-экономические характеристики, подлежащие анализу.

2. Провести сравнительный анализ распределений этих характеристик между маятниковыми мигрантами и коренным населением Москвы.

3. Выявить статистически значимые подгруппы внутри самой категории маятниковых мигрантов.

4. Оценить размер эффекта выявленных различий, чтобы перейти от констатации статистической значимости к пониманию практической значимости результатов

5. Построить модель логистической регрессии для идентификации факторов, которые наиболее сильно предсказывают вероятность быть маятниковым мигрантом для лиц от 15 лет и старше при прочих равных факторах.

Научная новизна данного исследования заключается в проверке трех конкретных гипотез, вытекающих из теории рынка труда и региональной экономики.

Гипотеза 1 (демографическая дифференциация). Маятниковые трудовые мигранты статистически значимо отличаются от коренного

населения Москвы по ключевым демографическим характеристикам: они моложе и в большей степени представлены мужчинами. Эта гипотеза основана на работах Р.А. Бабкина, отмечающего гендерную сегрегацию на рынке труда столичного региона [2, с. 115].

Гипотеза 2 («профессиональный парадокс»). Среди маятниковых мигрантов с высшим образованием доля работающих не по специальности статистически значимо выше, чем среди москвичей с аналогичным уровнем образования. Эта гипотеза подтверждается эмпирическими данными Е.Я. Варшавской и М.Б. Денисенко и указывает на наличие барьеров для полной интеграции мигрантов на столичном рынке труда [15, с. 65].

Гипотеза 3 (налоговая асимметрия). Вследствие «профессионального парадокса» и концентрации мигрантов в определенных отраслях (строительство, транспорт), возникает структурная неэффективность, выражающаяся в искажении налоговых потоков между регионами. Налоги на доходы физических лиц (НДФЛ), уплачиваемые мигрантами, аккумулируются в бюджете Москвы, в то время как расходы на социальную инфраструктуру (образование, здравоохранение), сформировавшую их человеческий капитал, несет регион их постоянного проживания. Эта гипотеза опирается на исследования А.А. Соколовой [16, с. 67], Е.В. Мальцевой и А.А. Плахова [17, с. 88].

Проверка этих гипотез позволит не только описать феномен маятниковой миграции, но и количественно оценить его экономические и управленческие последствия для системы межбюджетных отношений в Российской Федерации.

Материалы и методы

В качестве источника эмпирической информации в исследовании использованы микроданные выборочного обследования рабочей силы (ОРС), проводимого Федеральной службой государственной статистики (Росстат) на постоянной основе с 2003 г. Остановимся подробнее на достоинствах микроданных ОРС как информационного источника для нашего исследования.

Во-первых, ОРС — единственный источник, позволяющий идентифицировать маятниковых мигрантов на индивидуальном уровне. В отличие от агрегированных данных переписей населения или административной статистики, ОРС содержит информацию о месте проживания и месте работы каждого респондента, что позволяет точно выделить тех, кто работает в одном субъекте Российской Федерации, а проживает — в другом [14, с. 48; 16, с. 55]. Данные мобильных операторов хоть и позволяют оценить географию потоков, но не содержат социально-экономических характеристик мигрантов [4, с. 1125; 8, с. 7]. Данные социальных сетей страдают от нерепрезентативности выборки и неполноты информации [4, с. 1122].

Во-вторых, ОРС обеспечивает репрезентативность на уровне субъектов Российской Федерации. Выборка строится по сложной многоступен-

чатой схеме и взвешивается для обеспечения соответствия генеральной совокупности. Это позволяет получать статистически значимые оценки даже для относительно небольших групп, таких как маятниковые мигранты, работающие в конкретной отрасли или имеющие определенный уровень образования [5, с. 170].

В-третьих, ОРС предоставляет исчерпывающий набор переменных. Помимо базовых демографических характеристик, в нем содержатся данные об уровне образования, профессиональной деятельности, отрасли занятости, типе трудовых отношений, соответствии работы полученной профессии. Все это критически важно для анализа «профессионального парадокса» и других аспектов миграционного поведения [16, с. 65].

Для проведения анализа были использованы данные ОРС за 2024 г. Они отражают *современное состояние рынка труда столичного региона*, что критически важно для практических результатов исследования. Из общего объема выборки были отобраны лица, имеющие статус занятого в Москве в 2024 г. Объем выборки составил 34 169 записей о респондентах или 8,4 млн взвешенных наблюдений по всем регионам России.

Ключевым шагом в исследовании является корректная идентификация маятниковых трудовых мигрантов. Для этого был создан бинарный индикатор «migrant_type»:

- «migrant_type = 1» – респондент является маятниковым мигрантом (проживает за пределами Москвы, работает в Москве);
- «migrant_type = 0» – респондент является коренным москвичом (проживает и работает в Москве).

Маятниковые трудовые мигранты идентифицированы по критерию «место постоянного проживания не совпадает с местом основной работы». Такой подход в контексте микроданных ОРС состоятелен, поскольку он строго соответствует общепринятому определению маятниковой миграции как регулярных поездок между местом постоянного проживания и местом работы, расположенными в разных административных единицах [6, с. 50; 16, с. 58; 18, с. 1260]. Например, А.А. Соколова [16, с. 60] и Е.А. Единак, Д.М. Ксенофонтов [5, с. 168] в своих исследованиях также используют переменную «место работы ≠ место жительства» для выделения межрегиональных трудовых мигрантов в структуре ОРС. Этот подход позволяет избежать смешения с другими формами возвратной миграции (вахтовой, отходнической), которые характеризуются иной периодичностью перемещений [7, с. 45].

Таким образом, признак, используемый в исследовании для количественных оценок («migrant_type») является методологически состоятельным и содержательно точным целевым признаком для анализа.

Для обеспечения прозрачности и воспроизводимости исследования ниже приведено подробное описание всех переменных, использованных в анализе:

- целевой признак:
 - «migrant_type» – бинарный индикатор маятникового мигранта;

- демографические характеристики:
 - «nas_pol» (пол);
 - «nas_vozr» (возраст в годах);
 - «nasbrach» (семейное положение);
- образовательный уровень:
 - «nasobraz» (уровень образования);
 - «spec_obrl» (специальность по диплому, ОКСО-2016);
- характеристики занятости:
 - «okz_osnl» (профессиональная группа, ОКЗ-2014);
 - «vid_osnl» (вид экономической деятельности, ОКВЭД-2);
 - «rbvr_fos» (фактическая продолжительность рабочей недели);
 - «distant» (удаленная работа);
 - «tip_dg» (тип оформления трудовых отношений);
 - «sv_prof» (соответствие работы полученной профессии);
- веса:
 - «vesa_ob» — годовой вес респондента, необходимый для распространения результатов выборки на генеральную совокупность. Все статистические расчеты проведены с учетом этих весов, что обеспечивает репрезентативность выводов для занятых Москвы.

Анализ проводился на агрегированном уровне, без использования индивидуальных идентификаторов респондентов. Исследование включает два основных этапа: 1) описательный анализ с проверкой статистических гипотез; 2) многомерное моделирование.

Все методы выбраны с учетом рекомендаций Росстата по работе с микроданными и необходимости учета весов наблюдений. Для сравнения характеристик маятниковых мигрантов и коренного населения Москвы применены следующие методы.

Анализ количественных переменных («nas_vozr», «rbvr_fos»):

1. Взвешенный U-критерий Манна-Уитни (аппроксимация взвешенным t-критерием). Использован для проверки гипотезы о том, что распределения возраста и продолжительности рабочей недели у мигрантов и москвичей статистически различны. Аппроксимация через взвешенный t-критерий применена в связи с отсутствием реализации прямого взвешенного U-критерия в стандартных библиотеках Python. Метод реализован с помощью функции «ttest_ind» из библиотеки statsmodels.stats.weightstats.

2. Размер эффекта — Cohen's d. Для количественной оценки величины различий между группами рассчитан стандартизированный размер эффекта (Cohen's d). В исследовании использована следующая авторская интерпретация: $|d| < 0,2$ — малый эффект, $0,2 \leq |d| < 0,5$ — средний эффект, $|d| \geq 0,5$ — большой эффект.

3. Взвешенные описательные статистики. Расчет средних значений, медиан, стандартных отклонений с использованием класса DescrStatsW из statsmodels.

Анализ категориальных переменных («nas_pol», «nasobraz», «okz_osnl», «vid_osnl», «distant», «tip_dg», «sv_prof» и др.):

1. Взвешенный критерий хи-квадрат (χ^2). Применен для проверки гипотезы о независимости двух категориальных признаков (например, тип мигранта и пол). Расчет выполнен с помощью функции «chi2_contingency» из `scipy.stats` на основе взвешенных таблиц сопряженности.

2. Размер эффекта — Cramer's V. Использован для оценки силы связи между категориальными переменными. Интерпретация: $V < 0,1$ — очень слабая связь, $0,1 \leq V < 0,3$ — слабая связь, $0,3 \leq V < 0,5$ — умеренная связь, $V \geq 0,5$ — сильная связь.

Многомерное моделирование. Для выявления факторов, наиболее сильно предсказывающих вероятность быть маятниковым мигрантом для лиц от 15 лет и старше, при контроле влияния других переменных построена взвешенная логистическая регрессия. Зависимой переменной является бинарный индикатор «migrant_type» (1/0).

В модель вошли следующие независимые переменные, отобранные на основе результатов описательного анализа и экономической содержательности [15, с. 68; 16, с. 65]:

- «nas_pol_Мужчины» — пол (бинарный);
- «sv_prof_Нет» — работает не по специальности (бинарный);
- «vid_osn1_Строительство», «vid_osn1_Государственное управление» — сфера занятости по ОКВЭД-2 (бинарный);
- «tip_dg_Устной договоренности» — тип оформления (бинарный);
- «rbvr_fos» — продолжительность рабочей недели (количественный).

Модель построена с использованием класса Logit из библиотеки `statsmodels`. Веса наблюдений («vesa_ob») учтены через параметр `weights`. Качество модели оценивалось по псевдо R-квадрату МакФаддена (Pseudo R^2). Интерпретация результатов проведена через отношение шансов (Odds Ratio, OR), которое показывает, во сколько раз изменяется шанс быть мигрантом при изменении предиктора на одну единицу (для бинарных — при переходе от 0 к 1).

Все аналитические процедуры выполнены в строгом соответствии с методологическими рекомендациями Росстата по работе с микроданными ОПС. В частности, из анализа исключены комбинации разрезов (например, одновременное использование ОКЗ и ОКВЭД), которые могут привести к нерепрезентативным оценкам на уровне отдельных категорий. Результаты представлены исключительно в агрегированном виде.

Результаты

Анализ количественных и категориальных переменных позволил сформировать многомерный портрет маятниковых мигрантов, работающих в Москве, и выявить статистически значимые различия между ними и коренным населением столицы.

Подтверждение демографической дифференциации (гипотеза 1)

Первая гипотеза предполагала, что маятниковые трудовые мигранты статистически значимо отличаются от коренного населения Москвы по ключевым демографическим характеристикам — возрасту и полу.

Эта гипотеза получает полное подтверждение. Средний возраст маятниковых мигрантов составляет 41,01 года, что статистически значимо ниже (U-критерий Манна-Уитни, $p < 0,001$) среднего возраста коренных москвичей (43,07 года). Размер эффекта по Коэну (Cohen's $d = -0,182$) указывает на малую, но устойчивую разницу.

В таблице 1 представлено сравнение количественных характеристик трудовых мигрантов и занятых москвичей.

Т а б л и ц а 1

Описательная статистика и размеры эффекта для количественных переменных

Переменная	Группа	Среднее	Медиана	Размер эффекта (Cohen's d)
Возраст «nas_vozr», лет	Маятниковые мигранты	41,01	40	-0,182
	Коренное население	43,07	42	
Фактическая продолжительность рабочей недели «rbvt_fos», часов	Маятниковые мигранты	38,97	40	-0,045
	Коренное население	39,21	40	

Источник: расчеты автора по: данные ОРС.

На рисунке представлена гистограмма относительных частот возраста («nas_vozr») по коренным жителям Москвы, занятым на основной работе в городе, и маятниковым трудовым мигрантам. Она демонстрирует смещение распределения мигрантов влево (в сторону более молодого возраста) по сравнению с москвичами, подтверждая, что, во-первых, маятниковая миграция — феномен преимущественно молодого и среднего возраста. Во-вторых, что маятниковая миграция — это феномен преимущественно активного трудоспособного возраста, что согласуется с выводами Ю.Ю. Шитовой [6, с. 65] и А.Ю. Усковой с соавторами [4, с. 1130], отмечающими, что длительные поездки требуют физической выносливости.

Гендерная асимметрия является еще более яркой чертой. Среди маятниковых мигрантов доля мужчин составляет 68,1%, в то время как среди коренного населения Москвы этот показатель равен 50,8%. Связь между статусом мигранта и полом является слабой (Cramer's $V = 0,132$), но статистически надежной ($\chi^2 = 146087,69$, $p < 0,001$). Логистическая регрессия (см. табл. 4) подтверждает, что для мужчин увеличиваются шансы быть маятниковым мигрантом более чем в два раза ($OR = 2,166$). Этот гендерный разрыв является устойчивой чертой, отмеченной в работах Е.Я. Варшавской и М.Б. Денисенко [15, с. 68] и Н.М. Логачевой с соавторами [18, с. 1265].

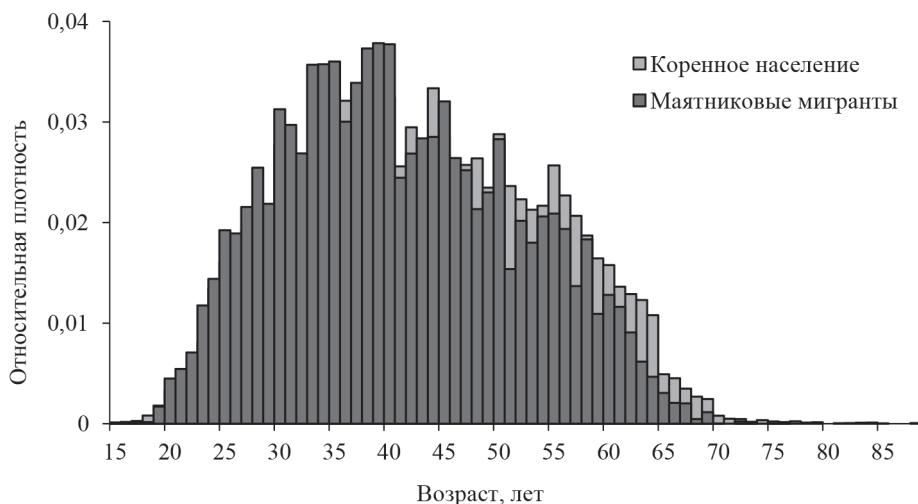

Рис. Плотность распределения возраста: маятниковые мигранты и коренное население Москвы (2024 г.).

Источник: расчеты автора по: данные ОРС.

В таблице 2 представлены результаты χ^2 -теста и размеры эффекта для категориальных переменных.

Т а б л и ц а 2

Результаты статистических тестов и размеры эффекта для категориальных переменных

Переменная	Описание	χ^2 - статистика	Cramer's V	p -value
nas_pol	Пол	146087,69	0,132	< 0,001
nasobraz	Уровень образования	239951,89	0,060	< 0,001
okz_osn1	Профессиональная группа, ОКЗ-2014	215928,11	0,057	< 0,001
vid_osn1	Вид экономической деятельности, ОКВЭД-2	473017,28	0,053	< 0,001
distant	Удаленная работа	16182,08	0,025	< 0,001
tip_dg	Тип оформления трудовых отношений	24482,72	0,031	< 0,001
sv_prof	Соответствие работы полученной профессии	487325,86	0,139	< 0,001
kat_trud1	Категории населения по статусу в сфере труда (МКСвТ-18)	2359,54	0,017	< 0,001
kat_risk	Категории населения по типу экономического риска (МКСЗ-18Р)	2227,90	0,016	< 0,001

Источник: расчеты автора по: данные ОРС.

В целом эти результаты свидетельствуют о том, что столичный рынок труда в значительной степени зависит от притока молодой мужской рабочей силы из регионов-доноров, что отражает его структурные потребности в отраслях с высокой долей физического труда.

Эмпирическое подтверждение «профессионального парадокса» (гипотеза 2)

Вторая гипотеза, касающаяся несоответствия уровня образования и выполняемой работы, также полностью подтверждается. Анализ показывает, что проблема «профессионального парадокса» носит системный характер.

Особую остроту проблеме придает выявленное шестикратное превышение вероятности работы не по специальности среди мигрантов ($OR = 6,01$), что свидетельствует о системной неэффективности использования человеческого капитала. Наиболее значимым результатом является выявление «профессионального парадокса» для специальности «Образование и педагогические науки»: доля работающих не по специальности среди мигрантов составляет 24,5% против 3,3% у москвичей ($V = 0,204$).

Итак, хотя общая доля мигрантов с высшим образованием (60,0%) даже несколько выше, чем у москвичей (57,7%), связь между статусом мигранта и уровнем образования сама по себе очень слаба (Cramer's $V = 0,060$, см. табл. 2). Это говорит о том, что образование само по себе не является ключевым предиктором миграции, но приобретает значение в сочетании с другими факторами.

Однако при анализе соответствия профессии полученному образованию картина радикально меняется (см. табл. 3). Среди всех занятых с высшим образованием доля работающих не по специальности (включая категории «Нет» и «Скорее, нет») составляет 42,7% для мигрантов и всего 15,3% для коренных жителей. Эта разница является статистически значимой ($\chi^2 = 487325,86$, Cramer's $V = 0,139$, $p < 0,001$), что подтверждает наличие системных барьеров на рынке труда.

Для более детального анализа этих системных барьеров был проведен углубленный анализ соответствия места основной работы профессии по диплому по 10 самым массовым специальностям, в которые вошли (по совокупному числу занятых коренных жителей и маятниковых мигрантов):

- 1) экономика и управление — 1 383 тыс. чел.;
- 2) клиническая медицина — 544 тыс. чел.;
- 3) юриспруденция — 420 тыс. чел.;
- 4) техника и технологии строительства — 344 тыс. чел.;
- 5) сервис и туризм — 339 тыс. чел.;
- 6) образование и педагогические науки — 335 тыс. чел.;
- 7) техника и технологии наземного транспорта — 329 тыс. чел.;
- 8) машиностроение — 253 тыс. чел.;
- 9) промышленная экология и биотехнологии — 238 тыс. чел.;
- 10) информатика и вычислительная техника — 221 тыс. чел.

Углубленный анализ по десяти самым массовым специальностям (см. табл. 3) выявляет наиболее острые точки напряжения:

- в сфере «Образование и педагогические науки» доля мигрантов, работающих не по профилю, достигает 24,5% против всего 3,3% у москвичей;
- в области «Экономика и управление» этот показатель составляет 23,3% против 8,1%;
- в юриспруденции – 18,9% против 5,9%;
- в машиностроении – 41,6% против 20,3%.

Эти цифры свидетельствуют не о случайном неудачном трудоустройстве, а о *наличии структурных барьеров*, таких как недостаток профессиональных сетей, дискриминация по месту проживания или сложности с признанием квалификации. В результате человеческий капитал, инвестированный регионами-источниками, используется неэффективно.

Логистическая регрессия (см. табл. 4) количественно подтверждает это явление. Шанс быть маятниковым мигрантом для человека, работающего не по специальности, *в 6 раз выше* ($OR = 6,014$), чем для того, кто работает по диплому.

Т а б л и ц а 3

Доля работающих не по специальности по ТОП-10 специальностям

Специальность	Доля (не по специальности), %		χ^2	Cramer's V	p -value
	Мигранты	Москвичи			
Экономика и управление	23,3	8,1	61169,85	0,121	< 0,001
Клиническая медицина	4,9	1,9	5705,26	0,059	< 0,001
Юриспруденция	18,9	5,9	18774,58	0,122	< 0,001
Техника и технологии строительства	22,9	8,0	17550,09	0,130	< 0,001
Сервис и туризм	33,9	9,5	15977,19	0,125	< 0,001
Образование и педагогические науки	24,5	3,3	41862,91	0,204	< 0,001
Техника и технологии наземного транспорта	39,1	9,7	40453,04	0,202	< 0,001
Машиностроение	41,6	20,3	15082,57	0,141	< 0,001
Промышленная экология и биотехнологии	43,6	10,1	28216,38	0,199	< 0,001
Информатика и вычислительная техника	13,9	7,0	4403,44	0,081	< 0,001

Источник: расчеты автора по: данные ОПС.

Налоговая асимметрия как экономический эффект (гипотеза 3)

Поскольку данные о заработной плате в ОРС отсутствуют, для демонстрации экономического эффекта мы применяем косвенный, но методологически обоснованный подход, основанный на анализе структурного дисбаланса в занятости и его бюджетных последствиях [19, с. 115].

Продолжительность рабочей недели у мигрантов (38,97 ч.) незначительно, но статистически значимо ниже (Cohen's $d = -0,045$, $p < 0,001$), чем у москвичей (39,21 ч.). Это может свидетельствовать о более частом использовании неполного рабочего дня или неформальных форм занятости. Вероятно, мигранты часть времени тратят на дорогу до дома в ущерб работе, что в свою очередь может сказываться на производительности труда (см. табл. 1).

Логистическая регрессия (см. табл. 4) показывает, что мигранты в 4,4 раза чаще заняты в строительстве ($OR = 4,400$) и в 1,67 раза чаще работают на основе устной договоренности без официального оформления ($OR = 1,666$). Эти отрасли и формы занятости характеризуются повышенными рисками для работников и потенциальными потерями для бюджетной системы.

Т а б л и ц а 4

Факторы, влияющие на вероятность быть маятниковым мигрантом для лиц от 15 лет и старше: результаты логистической регрессии

Признаки	Отношение шансов	95%-ный доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница
Константа	0,102	0,083	0,125
nas_pol_Мужчины	2,166	2,030	2,310
sv_prof_Нет	6,014	5,639	6,415
vid_osn1_Строительство	4,400	4,039	4,793
vid_osn1_Государственное управление	0,955	0,824	1,107
tip_dg_Устной договоренности	1,666	1,217	2,280
nas_vozr	0,998	0,996	1,001
rbvr_fos	0,995	0,991	0,999

Источник: расчеты автора по: данные ОРС.

Это подтверждает выводы Р.А. Бабкина и А.Г. Махровой, отмечающих концентрацию мигрантов в отраслях с высокой физической нагрузкой и гибким графиком [11, с. 1210]. В то же время шанс быть мигрантом, например, для работника госуправления, статистически не отличается от базового уровня ($OR = 0,955$, $p = 0,544$), что говорит о закрытости этой сферы для мигрантов.

Анализ профессиональных групп («okz_osn1») в разрезе мигрантов показал, что квалифицированные рабочие (особенно в строительстве и транспорте) составляют ядро мигрантского пула. Это согласуется с данными Е.Я. Варшавской и М.Б. Денисенко, отмечающих формирование «мигрантских ниш» в сегменте неквалифицированного и квалифицированного труда низкой квалификации [15, с. 60].

Ключевое экономическое следствие заключается в следующем: все налоговые отчисления, в первую очередь *налог на доходы физических лиц* (НДФЛ), *уплачиваются мигрантами в бюджет города Москвы*. В то время же инвестиции в их человеческий капитал — *расходы на образование и здравоохранение* — *были произведены бюджетами регионов их постоянного проживания* (Московской, Тульской, Владимирской и других областей). Это *создает фундаментальную асимметрию в межбюджетных отношениях*. Москва аккумулирует налоговые доходы от использования «импортированного» человеческого капитала, в то время как регионы-доноры несут затраты на его воспроизводство без прямой компенсации.

Внутренняя дифференциация группы мигрантов

Дополнительный анализ показывает, что группа маятниковых мигрантов не является однородной.

1. Удаленная работа. Мигранты, работающие удаленно, имеют более высокую продолжительность рабочей недели (39,64 ч. против 38,97 ч.; Cohen's $d = 0,084$, $p < 0,001$), что опровергает стереотип о неполной занятости в этом формате.

2. Гендерно-отраслевая структура. Анализ связи «Пол × Отрасль» внутри группы мигрантов показал очень слабую связь (Cramer's $V = 0,094$), что свидетельствует об отсутствии выраженной гендерной сегрегации по отраслям среди самих мигрантов.

3. Универсальность «парадокса». Важно отметить, что «профессиональный парадокс» затрагивает наиболее образованную часть. Связь «Соответствие профессии × Уровень образования» среди мигрантов демонстрирует слабую зависимость (Cramer's $V = 0,104$). Это указывает на то, что «профессиональный парадокс» затрагивает мигрантов с разным уровнем образования, но особенно остро — наиболее квалифицированных.

Выявленные закономерности *имеют серьезные экономические последствия*.

Для регионов-доноров маятниковая миграция означает значительные бюджетные потери, т.к. их жители платят НДФЛ в Москве. Например, Владимирская область ежегодно недополучает около 1,6 млрд руб. [1, с. 61; 5, с. 170]. В масштабах всей Московской метрополии совокупный ущерб для региональных бюджетов может составлять десятки миллиардов рублей, что делает маятниковую миграцию не просто социальным, а полноценным фискальным вызовом. Для самих мигрантов длительные поездки создают «налог на географию» — значительные временные и физические издержки, которые негативно сказываются на здоровье, повышая риски сердечно-сосудистых заболеваний и стресса [20, с. 15].

Таким образом, проведенный комплексный анализ микроданных ОРС за 2024 г. позволил не только эмпирически подтвердить все три сформулированные в работе научные гипотезы, но и количественно описать структуру и масштабы явления маятниковой трудовой миграции в Московской агломерации. Полученные данные свидетельствуют о том, что *мигранты формируют демографически и социально-экономически специфическую группу*, характеризующуюся молодым возрастом, гендерной асимметрией, высокой долей несоответствия профессии полученному образованию и концентрацией в отраслях с повышенной уязвимостью занятости. Эти особенности в совокупности создают устойчивый механизм, который трансформирует человеческий капитал, воспроизводимый в регионах-источниках, в налоговые и экономические выгоды для столичного центра, порождая системную неэффективность на уровне всей системы межбюджетных отношений.

Заключение

Настоящее исследование позволило не только описать социально-демографический портрет маятниковых трудовых мигрантов Московской агломерации, но и количественно подтвердить ряд ключевых гипотез, имеющих важное теоретическое и практическое значение для экономики и системы государственного управления.

Полностью подтверждена гипотеза 1 о демографической дифференциации. Маятниковые мигранты представляют собой молодую (средний возраст 41,0 года) и преимущественно мужскую (68,4%) группу, что отражает структурные потребности столичного рынка труда в физически активной рабочей силе. Эта специфика подчеркивает их роль как ключевого ресурса для функционирования экономики центра притяжения.

Эмпирически подтверждена гипотеза 2 о «профессиональном парадоксе». Показано, что мигранты с высшим образованием в 2–4 раза чаще работают не по специальности, чем их московские коллеги. Эта проблема особенно остро стоит в таких стратегически важных сферах, как образование, экономика и юриспруденция. Данное открытие свидетельствует о наличии на рынке труда системных барьеров, препятствующих полной реализации человеческого капитала мигрантов.

И, наконец, главным выводом работы является подтверждение гипотезы 3 о налоговой асимметрии как ключевом экономическом эффекте маятниковой миграции. Нами установлено, что концентрация мигрантов в определенных отраслях и их статус как налогоплательщиков в Москве при постоянном проживании в других регионах *создают фундаментальную асимметрию в межбюджетных отношениях*. Москва аккумулирует налоговые доходы от использования «импортированного» человеческого капитала, в то время как регионы-источники несут затраты на его воспроизводство. Этот механизм усиливает центр-периферийные диспропорции и снижает эффективность государственных инвестиций в образование на периферии.

По нашему мнению, полученные результаты имеют не только теоретическое, но практическое значение. Сделанные выводы позволяют разработать систему мер, направленных на переход от пассивного наблюдения за миграционными потоками к активному государственному регулированию, поскольку маятниковая трудовая миграция — это не просто социальный феномен, а сложный экономический и управленческий вызов, ответ на который требует комплексного, межуровневого подхода. Здесь просматривается система мер включающая, минимум, три направления.

Первое. Разработка точечных программ профессиональной переподготовки для мигрантов с высшим образованием, работающих не по специальности (например, для экономистов, трудоустроенных в строительстве).

Второе. Апробация механизмов введения компенсационных трансфертов между регионами для выравнивания бюджетных эффектов от маятниковой миграции. Например, инициировать эксперимент по перераспределению 10–15% НДФЛ от маятниковых мигрантов в пользу бюджетов регионов их постоянного проживания.

Третье. Переход к политике инвестирования в развитие локальных рынков труда в регионах-донорах, чтобы создать условия для удержания квалифицированных кадров на местах.

Решение этих задач потребует и усилий со стороны научного сообщества, в т.ч. по преодолению ограничений, возникающих при изучении феномена маятниковой миграции. К таким ограничениям прежде всего относится отсутствие в ОРС данных о заработной плате и географической привязке на уровне муниципалитетов. Это не позволяет провести прямую оценку потерь в ВРП или точно локализовать регионы-источники с наибольшими бюджетными потерями. Кроме того, анализ носит кросс-секционный характер и не позволяет установить причинно-следственные связи.

Для решение перечисленных задач необходимо, во-первых, разработать гибридные методологии, сочетающие ОРС с *big data* (данными мобильных операторов, вакансий), для получения более детальной картины миграционных потоков и их экономических характеристик.

Во-вторых, провести панельные исследования для отслеживания карьерных траекторий мигрантов и оценки долгосрочного влияния «профессионального парадокса» на их доходы и социальное положение.

В-третьих, смоделировать сценарии реформы межбюджетных отношений, направленные на компенсацию регионам-источникам их затрат на воспроизводство человеческого капитала, например, через механизм перераспределения части НДФЛ.

Список литературы

1. Соколова А.А. Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 4. С. 52–70.
2. Бабкин Р.А. Пространственная структура Московской метрополии // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2. С. 110–130.
3. Бабкин Р.А. Обзор отечественных подходов к оценке маятниковой трудовой миграции // Региональные исследования. 2023. № 3. С. 52–64.
4. Ускова А.Ю., Логачева Н.М., Саломатова Ю.В., Саломатов Н.И. Возможности социальных сетей в исследовании особенностей трудовой маятниковой миграции городов-миллионников России // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 4. С. 1121–1134.
5. Единак Е.А., Ксенофонтов Д.М. Межрегиональная трудовая миграция в России: моделирование и оценка последствий // Проблемы прогнозирования. 2023. № 5. С. 166–183.
6. Шитова Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция в Московской области: методический и прикладной анализ // Экономический журнал ВШЭ. 2006. № 1. С. 63–79.
7. Туракаев М.С. Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 4. С. 34–58.
8. Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Города Московского столичного региона: официальные и реальные // Региональные исследования. 2022. № 1. С. 4–16.
9. Махрова А.Г., Бабкин Р.А., Кириллов П.Л. Пространственно-временные особенности маятниковых миграций в Московском регионе // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2 (63). С. 249–256.
10. Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А. Анализ долгосрочной динамики факторов, определяющих маятниковую трудовую миграцию в Подмоскowie // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4. С. 151–162.
11. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область: территориальная структура постсоветских трансформаций // Известия РАН. Серия географическая. 2023. № 8. С. 1207–1223.
12. Мкртчян Н.В. Возрастной профиль внутрироссийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения // Региональные исследования. 2018. № 1 (59). С. 72–81.
13. Глушкова А.В. Пространственная мобильность трудовых ресурсов в крупнейших городских агломерациях России // Экономика и предпринимательство. 2023. № 7. С. 112–120.
14. Денисенко М.Б., Варшавская Е.Я. Методологические подходы к измерению трудовой мобильности в России // Население и экономика. 2022. Т. 6. № 3. С. 45–67.
15. Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б. Мигранты на рынке труда Москвы // Вопросы экономики. 2025. № 1. С. 44–70.
16. Соколова А.А. Социально-демографический портрет маятникового трудового мигранта // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 64. С. 61–82.
17. Мальцева Е.С., Плахов А.В. Влияние маятниковой трудовой миграции на налоговые доходы бюджетов муниципальных образований // Вестник ОрелГИЭТ. 2014. № 4 (30). С. 85–89.
18. Логачева Н.М., Ускова А.Ю., Саломатова Ю.В. Особенности маятниковой трудовой миграции в агломерациях России // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 4. С. 1258–1270.

19. Карпова А.А., Сафонов П.А. Фискальные эффекты маятниковой миграции в российских агломерациях // Вопросы экономики. 2023. № 8. С. 112–130.
20. Shitova Yu.Yu. The Impact of Long-Distance Travel to Work on the Health of Commuting Labour Migrants: a Literature Review // Population and Economics. 2024. Vol. 8. N 1. P. 37–51.

References

1. Sokolova A.A. Masshtaby mayatnikovoi trudovoi migratsii v regionah Rossii [The Scale of Labor Commuting in the Regions of Russia], *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territorial Development], 2023, Vol. 27, No. 4, pp. 52–70. (In Russ.).
2. Babkin R.A. Prostranstvennaya struktura Moskovskoi metropolii [Spatial Structure of the Moscow Metropolis], *Federalizm* [Federalism], 2024, Vol. 29, No. 2, pp. 110–130. (In Russ.).
3. Babkin R.A. Obzor otechestvennykh podkhodov k otsenke mayatnikovoi trudovoi migratsii [Review of Domestic Approaches to Assessing Labor Commuting], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2023, No. 3, pp. 52–64. (In Russ.).
4. Uskova A.Yu., Logacheva N.M., Salomatova Yu.V., Salomatov N.I. Vozmozhnosti sotsial'nykh setei v issledovanii osobennostei trudovoi mayatnikovoi migratsii gorodov-millionnikov Rossii [The Potential of Social Networks in the Study of Labor Commuting Features of Russian Million-Popular Cities], *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2023, Vol. 19, No. 4, pp. 1121–1134. (In Russ.).
5. Edinak E.A., Ksenofontov D.M. Mezhhregional'naya trudovaya migratsiya v Rossii: modelirovanie i otsenka posledstviy [Interregional Labor Migration in Russia: Modeling and Assessing the Consequences], *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2023, No. 5, pp. 166–183. (In Russ.).
6. Shitova Yu.Yu. Mayatnikovaya trudovaya migratsiya v Moskovskoi oblasti: metodicheskii i prikladnoi analiz [Pendulum Labor Migration in the Moscow Region: Methodological and Applied Analysis], *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [HSE Economic Journal], 2006, No. 1, pp. 63–79. (In Russ.).
7. Turakaev M.S. Vremennaya trudovaya migratsiya v Rossii: aktual'nye voprosy i sotsiologicheskie issledovaniya [Temporary Labor Migration in Russia: Current Issues and Sociological Research], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2021, Vol. 24, No. 4, pp. 34–58. (In Russ.).
8. Mahrova A.G., Babkin R.A. Goroda Moskovskogo stolichnogo regiona: ofitsial'nye i real'nye [Cities of the Moscow Metropolitan Region: Official and Real], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2022, No. 1, pp. 4–16. (In Russ.).
9. Mahrova A.G., Babkin R.A., Kirillov P.L. Prostranstvenno-vremennye osobennosti mayatnikovoyh migratsii v Moskovskom regione [Spatio-Temporal Features of Pendulum Migrations in the Moscow Region], *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2024, No. 2 (63), pp. 249–256. (In Russ.).
10. Shitova Yu.Yu., Shitov Yu.A. Analiz dolgosrochnoi dinamiki faktorov, opredelyayushchih mayatnikovuyu trudovuyu migratsiyu v Podmoskov'e [Analysis of Long-Term Dynamics of Factors Determining Pendulum Labor Migration in the Moscow Region], *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2016, No. 4, pp. 151–162. (In Russ.).
11. Mahrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Moskovskaya oblast': territorial'naya struktura postsovetских трансформаций [Moscow Region: Territorial Structure of Post-Soviet Transformations], *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2023, No. 8, pp. 1207–1223. (In Russ.).

12. Mkrtchyan N.V. Vozrastnoi profil' vnutrirossiiskoi trudovoi migratsii i inyh form prostranstvennoi mobil'nosti naseleniya [Age Profile of Intra-Russian Labor Migration and Other Forms of Spatial Mobility of the Population], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 2018, No. 1 (59), pp. 72–81. (In Russ.).

13. Glushkova A.V. Prostranstvennaya mobil'nost' trudovykh resursov v krupneishih gorodskikh aglomeratsiyah Rossii [Spatial Mobility of Labor Resources in the Largest Urban Agglomerations of Russia], *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2023, No. 7, pp. 112–120. (In Russ.).

14. Denisenko M.B., Varshavskaya E.Ya. Metodologicheskie podhody k izmereniyu trudovoi mobil'nosti v Rossii [Methodological Approaches to Measuring Labor Mobility in Russia], *Naselenie i ekonomika* [Population and Economy], 2022, Vol. 6, No. 3, pp. 45–67. (In Russ.).

15. Varshavskaya E.Ya., Denisenko M.B. Migranty na rynke truda Moskvy [Migrants in the Moscow Labor Market], *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2025, No. 1, pp. 44–70. (In Russ.).

16. Sokolova A.A. Sotsial'no-demograficheskii portret mayatnikovogo trudovogo migranta [Socio-Demographic Portrait of a Commuter Labor Migrant], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University], 2023, No. 64, pp. 61–82. (In Russ.).

17. Mal'tseva E.S., Plahov A.V. Vliyanie mayatnikovoi trudovoi migratsii na nalogovye dohody byudzhetrov munitsipal'nykh obrazovaniy [The Impact of Commuting Labor Migration on Tax Revenues of Municipal Budgets], *Vestnik OrelGIET* [Bulletin of OrelGIET], 2014, No. 4 (30), pp. 85–89. (In Russ.).

18. Logacheva N.M., Uskova A.Yu., Salomatova Yu.V. Osobennosti mayatnikovoi trudovoi migratsii v aglomeratsiyah Rossii [Features of Commuting Labor Migration in Russian Agglomerations], *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2024, Vol. 20, No. 4, pp. 1258–1270. (In Russ.).

19. Karpova A.A., Safonov P.A. Fiskal'nye efekty mayatnikovoi migratsii v rossiiskikh aglomeratsiyah [Fiscal Effects of Commuting in Russian Agglomerations], *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2023, No. 8, pp. 112–130. (In Russ.).

20. Shitova Yu.Yu. The Impact of Long-Distance Travel to Work on the Health of Commuting Labour Migrants: a Literature Review, *Population and Economics*. 2024, Vol. 8, No. 1, pp. 37–51.

EMPIRICAL ANALYSIS OF COMMUTER MIGRATION IN THE MOSCOW REGION. REVISITING ESTABLISHED PARADIGMS

Daily commuter labor migration significantly shapes Moscow's labor market. However, its economic and fiscal implications for intergovernmental fiscal relations remain underexplored. Using microdata from the Russian Labor Force Survey (RLFS) for 2024, this study provides a comprehensive analysis of commuter migrants' socioeconomic profiles compared to Moscow's native population. Three hypotheses are empirically confirmed: 1) migrants are younger and predominantly male; 2) they experience a "professional paradox" with 2–4 times higher rates of working outside their specialty; 3) their employment concentrates in sectors with high informal labor relations. The research reveals fundamental tax asymmetry: migrants pay personal income tax to Moscow's budget, while their human capital reproduction costs are borne by their home regions. This creates systemic inefficiency and necessitates adjustments to intergovernmental transfer mechanisms. The findings justify targeted compensation mechanisms to mitigate these disparities.

Keywords: commuter labor migration, human capital, professional mismatch, intergovernmental fiscal relations, Moscow agglomeration, tax imbalances, labor force survey.

JEL: R23, J21, H70, I25

Дата поступления – 25.07.2025

Принята к печати – 11.08.2025

ПРОХОРОВ Павел Эдуардович

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Количественные методы исследования регионально-го развития»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Prohorov.PE@rea.ru

PROKHOROV Pavel E.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher at the Scientific Laboratory “Quantitative Methods of Regional Development”;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Prohorov.PE@rea.ru

Для цитирования:

Прохоров П.Э. Эмпирический анализ маятниковой миграции в Московском регионе. Опровержение устоявшихся представлений // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3 (119). С. 5–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-5-24>

Н.Н. ВОЛКОВА, Э.И. РОМАНЮК

ДИНАМИКА ИНДЕКСА НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РАЗРЕЗЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

К числу важных, но малоисследованных проблем в отечественной науке и практике относится определение взаимосвязи между процессом инновационного развития российской экономики и динамикой научно-технологического развития экономик субъектов Российской Федерации. В условиях же ориентации отечественной экономики на обеспечение технологического суверенитета важность оценки вклада каждого региона в научно-технологическое развитие страны возрастает многократно. Цель статьи — анализ динамики научно-технологического развития регионов за ряд лет. Он проводился на основе опубликованных на сайте Росстата статистических данных за 2019, 2022 и 2023 гг. Авторами также использовались статистические данные, размещенные на сайте Министерства науки и высшего образования. В основу исследований положен предложенный в предыдущих работах авторский агрегированный индекс. Была обнаружена довольно устойчивая зависимость между структурой экономики и научно-технологическим развитием (НТР). Регионы с более диверсифицированной структурой экономики имеют более высокий индекс НТР. Ожидаемо высокий уровень тесноты связи оказался у доли научной деятельности в регионе и НТР, особенно у подиндекса, отвечающего за финансирование науки.
Ключевые слова: технологический суверенитет, региональный агрегированный индекс, регион, региональное развитие, научно-технологическое развитие.

JEL: O30, R11

Настоящая статья — продолжение исследований проблем регионального научно-технологического развития, начатых в 2019 г. Исследование основывается на авторской методике расчета индекса НТР с целью определения агрегированного индекса НТР в региональном разрезе. Целью данной работы являлось сравнение регионального агрегированного индекса за ряд лет. В качестве реперных точек были выбраны 2019, 2022 и 2023 гг. Начальный период — 2019 г. соответствует относительно спокойному времени. Далее были годы пандемии коронавируса — 2020–2021 гг. Следующий исследуемый год — 2022 г. пришелся на начало СВО, массированное введение санкций, в т.ч.

в технологической сфере, а 2023 г. является последним, для которого доступна статистическая информация в региональном разрезе на период написания статьи.

Региональные аспекты научно-технологического развития

В научной литературе и официальных документах часто используются понятия «научно-технологическое развитие», «технологический суверенитет», «технологическое лидерство». По нашему мнению, несмотря на их тесную связь, они отражают разные стороны процессов в научно-технологической сфере.

В предыдущей работе [1] подробно рассматривалось взаимодействие между НТР и технологическим суверенитетом. Поэтому, не останавливаясь детально на данном вопросе, отметим только, что технологический суверенитет (ТС) *предполагает независимое создание и использование товаров и услуг в технологической сфере*¹. Одним из путей достижения ТС как раз и является научно-технологическое развитие.

С нашей точки зрения, *понятие ТС неприменимо к регионам*. Можно говорить о региональном НТР лишь как о вкладе субъекта Российской Федерации в достижение ТС страны, поскольку регион не обладает субъектностью в полной мере и, следовательно, имеет лишь ограниченный суверенитет. Это замечание было сделано в работе наших коллег [2], с которым авторы полностью согласны.

Понятно, что в современном мире ТС не может быть полным во всех областях. В приведенном выше определении, данном в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (далее — Стратегия), говорится о стратегически значимых сферах деятельности, для которых становится важным технологическое лидерство в этих сферах.

В конце 2024 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», определяющий технологическое лидерство как технологическую независимость России, выражающуюся «в разработке отечественных технологий и создании продукции с использованием таких технологий, с сохранением национального контроля над критическими и сквозными технологиями на основе собственных линий разработки технологий..., а также превосходство таких технологий и продукции над зарубежными аналогами». Данный Закон дополняет и конкретизирует концепцию технологического развития, представлен-

¹ «Суверенитет Российской Федерации в технологической сфере... — способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров... в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства» (Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Принята Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145).

ную в Стратегии, и связывает прогноз НТР государства с созданием и внедрением собственных технологий².

Применительно к регионам достижение технологического лидерства предполагает решение ряда задач, в т.ч. на региональном уровне. Для этого как на федеральном, так и региональном уровнях необходимо, в частности, создание комфортных условий для ведения высокотехнологичного бизнеса, налаживание сотрудничества между научными исследованиями и производством, поддержка малого инновационного бизнеса³. Так, на сайте Правительства России отмечается, что «в регионах действуют центры Национальной технологической инициативы, научно-образовательные, биоресурсные, селекционно-семеноводческие центры. Продолжается и реализация проектов класса “мегасайенс”»⁴.

В государственной программе «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» предполагается достижение гармонизации уровня научно-технологического развития различных регионов Российской Федерации с учетом их сложившейся и (или) новой специализации⁵. Для реализации этого необходимо как минимум иметь возможность измерять достигнутый уровень НТР в каждом отдельном регионе и определять его динамику, а также учитывать его специализацию.

В предыдущих работах нами рассматривались оба вопроса: и измерение уровня научно-технологического потенциала [1], и кластеризация регионов в зависимости от его специализации [3]. Однако в них рассматривалась сложившаяся на определенный период времени ситуация. Для выработки более качественных управленческих решений необходимо рассмотреть динамику процесса.

Как уже было сказано выше, уровень НТР регионов был проанализирован в 2019, 2022 и в 2023 гг. Возникает вопрос: какие изменения в технологическом развитии регионов произошли в исследуемом периоде?

Состав агрегированного индекса

Сразу отметим, что глубина проводившегося ретроспективного анализа была *ограничена статистической базой*. Региональная статистика по интересующему нас вопросу поступает с большим запозданием. Более того, она меняется год от года, поэтому реконструкция ретроспективных данных не всегда возможна по причине их отсутствия. Отметим также, что в процессе исследования менялся набор показателей, используемых для расчета агрегированного индекса.

² Минэкономразвития дало определение понятию «технологическое лидерство». URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_dalo_opredelenie_ponyatiyu_tehnologicheskoe_liderstvo.html

³ Платформа по развитию корпоративных инноваций. URL: <https://generation-startup.ru/>

⁴ Михаил Мишустин провел стратегическую сессию о развитии российской науки. URL: <http://government.ru/news/55433/>

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”».

Составляющие интегрального индекса НИР

Научно-технологический потенциал (НТП)		Научно-технологическая инфраструктура и инфраструктура науки (НИ)		Результативность научной и инновационной деятельности (РНИД)		Уровень шифрования (УЦ)	
Числовой потенциал	Затраты на научно-технологическое развитие	Научно-технологическая инфраструктура	Инфраструктура науки	Результаты инновационной деятельности	Кооперационные связи	Доступ к сети Интернет	Использование бизнесом
Число исследователей в области STEM на 10 тыс.	Внутренние текущие затраты на НИР, в % к ВРП	Организации, выполнявшие НИР***, на 1 000 организаций в регионе	Наличие научного оборудования у организаций, выполняющих НИР, по полной учетной стоимости на конец года	Кол-во выданных патентов заявок к кол-ву работников занятых ИиР	Доля инновационных исследований, созданных в результате инновационной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, в ВРП	Объем информации, переданной абонентам сети оператора при доступе к сети Интернет, на 1 пользователя фиксированной и мобильной связи	Уд. вес орг. (в общ. числе орг. предпринимательского сектора), исп. фиксированный широкополосный интернет, со скоростью > 2 Мбит/сек.
Численность персонала, занятого НИР* на 10 тыс. занятых	Внебюджетные средства к бюджетным ассигнованиям в составе внутренних затрат на ИиР	Число научно-исследовательских подразделений в организациях на 1 000 орг. в регионе	Уд. вес научного оборудования в общей стоимости машин и оборудования организации, выполняющих НИР	Кол-во созданных патентов, заявок к об-ществу кол-ву орг., осуществляющих технологические инновации	Число завершенных (3 года) кооперационных инновационных проектов к числу инновационных предпр. и орг.	Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет, на 100 чел.	Уд. вес орг. (в общ. числе орг. предпринимательского сектора), исп. мобильный широкополосный интернет, со скоростью > 2 Мбит/сек.
Численность персонала с ученой степенью доктора наук, на 10 тыс. занятых	Затраты на инновационную деятельность, в % к ВРП	Уд. вес МП**, осуществляющих технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных МП по субъектам Российской Федерации, %	Наличие уникальных стендов и установок для проведения НИР, опытно-конструкторских работ по полной учетной стоимости на конец года	Доля инновационных предпр. в общей числ. предпрятий	Доля организаций, инновационные связи, в общем числе инновационных предпрятий, в % к общему числу инновационных организаций	Число активных абонентов радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, на 100 абонентов	Доля орг., исп. российское ПО**** в общем числе организаций
Численность персонала с ученой степенью кандидата наук, на 10 тыс. занятых	Внутренние затраты на ИиР в области цифровых технологий, в % к ВРП	Капитальные затраты на ИиР в области цифровых технологий, в % к ВРП	Отношение средней заработной платы в науке к средней заработной плате по региону	Кол-во исп. технологических инноваций, созданных к общ. кол-ву орг., осуществлявших технологические инновации			Число отгруженных изделий со спецификацией с указанием по цифровым технологиям к числ. специалистов по цифровым технологиям
							Индекс цифровизации бизнеса по субъектам Российской Федерации

*) ИиР — исследования и разработки; **) МП — малые предприятия; ***) НИР — научно-исследовательская работа; ****) ПО — программное обеспечение.

Рис. Составляющие интегрального индекса НИР

Источник: [1, с. 57–59].

На *рисунке* представлена последняя версия (2023 г.) агрегированного индекса. Поскольку в 2019 г. для расчета индексов использовалась несколько иная система показателей⁶, в данном исследовании индексы за все годы были для сопоставимости подсчитаны по единой методике, и были пересчитаны индексы за 2019 и 2022 гг.

В каждом из годов производилась нормализация показателей по методу минимакса, а затем ранжирование регионов внутри каждого из них в исследуемом периоде. Такой прием облегчает обработку больших массивов региональных данных, хотя и несколько огрубляет результаты, поскольку минимальные и максимальные значения показателей различны в каждом из годов. Тем не менее внутри года ранги регионов не меняются, *что позволяет проводить их сравнение и делать предварительные выводы.*

В дальнейшем предполагается продолжить исследование и рассчитывать полностью динамические индексы как геометрические средние по всем рассматриваемым параметрам отношений ненормализованных признаков последующего года к предыдущему.

Анализ результатов

Результаты расчетов представлены в *таблицах 1 и 2*. В *таблице 1* приводятся значения агрегированных индексов в 2019, 2022 и 2023 гг., а в *таблице 2* — изменение позиции региона в рейтингах за период (рейтинг в 2023 г. по отношению к рейтингу в 2022 и 2019 гг.). В *таблице 1* регионы упорядочены по убыванию агрегированного индекса в каждом из годов, в *таблице 2* — по убыванию индекса в 2023 г.

Какие выводы следуют из анализа *таблиц 1 и 2*? Прежде всего в рейтингах за все три рассматриваемых года позиции первых трех (Москва, Санкт-Петербург, Московская область) и последних двух субъектов Российской Федерации (Ненецкий АО, Республика Ингушетия) остались неизменными. При этом Москва имеет отрыв в значении агрегированного индекса от ближайшего региона — Санкт-Петербурга почти в 2 раза: 1,56 в 2019 г., 1,85 — в 2022 г. и 1,86 — в 2023 г. Причем разрыв к концу периода возрастает. Разница в агрегированных индексах между Санкт-Петербургом и Московской областью не столь значительна, но также увеличивается к концу периода.

Отрыв лидеров от ближайшего следующего региона также *возрастает.*

Так, значения индексов в 2019 г. для Московской области и Санкт-Петербурга были почти одинаковыми — различие в 1,03 раза, а в 2023 г. оно составило уже 1,12 раза. Для регионов, замыкающих рейтинги, также велики разрывы в индексах с субъектами Федерации, предшествующими им. Например, значение индекса для Ненецкого АО в 2019 г. в 1,25 раза меньше, чем у Республики Алтай, в 2022 г. в 1,44 раза меньше, чем у Чукотского АО, а в 2023 г. в 1,46 раза, чем в Республике Калмыкии. Как видно, разрыв также возрастает.

⁶ Об изменении системы показателей более подробно см.: [1].

Агрегированный индекс по регионам в исследуемом периоде

Регионы	2023		Регионы		2022		2019	
	Агр. индекс	Рейтинг			Агр. индекс	Рейтинг	Агр. индекс	Рейтинг
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Москва	0,806	1	Москва	0,797	1	Москва	0,750	1
Санкт-Петербург	0,435	2	Санкт-Петербург	0,430	2	Санкт-Петербург	0,482	2
Московская область	0,386	3	Московская область	0,403	3	Московская область	0,468	3
Новосибирская область	0,292	4	Нижегородская область	0,317	4	Нижегородская область	0,372	4
Нижегородская область	0,290	5	Республика Татарстан	0,310	5	Новосибирская область	0,313	5
Республика Татарстан	0,286	6	Новосибирская область	0,295	6	Республика Татарстан	0,306	6
Томская область	0,284	7	Томская область	0,271	7	Свердловская область	0,283	7
Свердловская область	0,254	8	Свердловская область	0,250	8	Томская область	0,278	8
Тюменская область	0,219	9	Челябинская область	0,234	9	Тюменская область	0,265	9
Челябинская область	0,213	10	Пермский край	0,204	10	Краснодарский край	0,253	10
Краснодарский край	0,198	11	Краснодарский край	0,200	11	Челябинская область	0,221	11
Пермский край	0,184	12	Тюменская область	0,195	12	Пермский край	0,220	12
Ростовская область	0,180	13	Самарская область	0,185	13	Ростовская область	0,219	13
Ульяновская область	0,179	14	Ростовская область	0,185	14	Самарская область	0,218	14
Самарская область	0,178	15	Ульяновская область	0,182	15	Ульяновская область	0,215	15

Источник: расчеты авторов.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Калужская область	0,176	16	Калужская область	0,178	16	Воронежская область	0,208	16
Российская Федерация	0,166	17	Российская Федерация	0,169	17	Республика Башкортостан	0,201	17
Республика Башкортостан	0,166	18	Воронежская область	0,161	18	Красноярский край	0,198	18
Тульская область	0,160	19	Красноярский край	0,158	19	Российская Федерация	0,184	19
Воронежская область	0,158	20	Республика Башкортостан	0,157	20	Калужская область	0,183	20
Ярославская область	0,157	21	Ярославская область	0,150	21	Приморский край	0,172	21
Красноярский край	0,155	22	Тульская область	0,149	22	Саратовская область	0,168	22
Саратовская область	0,146	23	Саратовская область	0,148	23	Иркутская область	0,165	23
Приморский край	0,140	24	Владимирская область	0,143	24	Кировская область	0,162	24
Ленинградская область	0,139	25	Ленинградская область	0,142	25	Республика Саха (Якутия)	0,162	25
Владимирская область	0,134	26	Омская область	0,142	26	Ярославская область	0,159	26
Пензенская область	0,134	27	Приморский край	0,139	27	Владимирская область	0,158	27
Иркутская область	0,132	28	Иркутская область	0,136	28	Тульская область	0,156	28
Омская область	0,127	29	Алтайский край	0,132	29	Пензенская область	0,150	29
Мурманская область	0,123	30	Липецкая область	0,131	30	Кемеровская область	0,148	30
Кемеровская область	0,122	31	Мурманская область	0,128	31	Омская область	0,147	31
Республика Карелия	0,122	32	Ставропольский край	0,123	32	Мурманская область	0,146	32
Волгоградская область	0,121	33	Республика Саха (Якутия)	0,120	33	Белгородская область	0,146	33
Удмуртская Республика	0,121	34	Республика Карелия	0,120	34	Удмуртская Республика	0,144	34
Ставропольский край	0,119	35	Республика Мордовия	0,119	35	Липецкая область	0,143	35

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Республика Саха (Якутия)	0,118	36	Белгородская область	0,119	36	Волгоградская область	0,141	36
Курская область	0,117	37	Волгоградская область	0,118	37	Хабаровский край	0,141	37
Хабаровский край	0,116	38	Удмуртская Республика	0,118	38	Алтайский край	0,140	38
Алтайский край	0,114	39	Хабаровский край	0,118	39	Ленинградская область	0,137	39
Белгородская область	0,114	40	Кемеровская область	0,118	40	Республика Карелия	0,135	40
Смоленская область	0,114	41	Пензенская область	0,115	41	Республика Дагестан	0,133	41
Республика Коми	0,114	42	Курская область	0,114	42	Тверская область	0,132	42
Липецкая область	0,111	43	Тверская область	0,114	43	ХМАО – Югра	0,132	43
Медиана	0,108	44	Медиана	0,110	44	Медиана	0,132	44
Калининградская область	0,106	45	Республика Коми	0,110	45	Ставропольский край	0,132	45
Ямало-Ненецкий автономный	0,106	46	Калининградская область	0,109	46	Магаданская область	0,132	46
Кировская область	0,105	47	Смоленская область	0,106	47	Чувашская Республика	0,131	47
Карачаево-Черкесская Республика	0,103	48	ЯНАО	0,103	48	Камчатский край	0,128	48
Архангельская область	0,102	49	Костромская область	0,103	49	Смоленская область	0,128	49
ХМАО – Югра	0,102	50	Рязанская область	0,102	50	Рязанская область	0,128	50
Ивановская область	0,102	51	Кировская область	0,102	51	Ивановская область	0,123	51
Костромская область	0,102	52	Чувашская Республика	0,102	52	Архангельская область	0,122	52
Тверская область	0,102	53	Карачаево-Черкесская Республика	0,102	53	Республика Коми	0,121	53
Рязанская область	0,101	54	Камчатский край	0,101	54	Тамбовская область	0,121	54

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Магаданская область	0,098	55	Ивановская область	0,100	55	Республика Мордовия	0,120	55
Чувашская Республика	0,096	56	Магаданская область	0,100	56	Курская область	0,119	56
Республика Мордовия	0,095	57	ХМАО – Югра	0,099	57	Оренбургская область	0,115	57
Камчатский край	0,094	58	Архангельская область	0,099	58	Новгородская область	0,115	58
Оренбургская область	0,094	59	Брянская область	0,095	59	Вологодская область	0,114	59
Брянская область	0,093	60	Тамбовская область	0,095	60	Чеченская Республика	0,113	60
Вологодская область	0,092	61	Оренбургская область	0,093	61	Брянская область	0,113	61
Новгородская область	0,088	62	Вологодская область	0,093	62	ЯНАО	0,113	62
Тамбовская область	0,088	63	Орловская область	0,092	63	Калининградская область	0,113	63
Орловская область	0,087	64	Новгородская область	0,092	64	Орловская область	0,109	64
Кабардино-Балкарская Республика	0,087	65	Республика Бурятия	0,091	65	Сахалинская область	0,102	65
Республика Бурятия	0,086	66	Курганская область	0,091	66	Курганская область	0,100	66
Амурская область	0,084	67	Амурская область	0,084	67	Амурская область	0,099	67
Астраханская область	0,080	68	Астраханская область	0,081	68	Республика Бурятия	0,096	68
Курганская область	0,080	69	Республика Крым	0,079	69	Астраханская область	0,095	69
Севастополь	0,078	70	Севастополь	0,077	70	Республика Калмыкия	0,089	70
Республика Крым	0,075	71	Республика Северная	0,076	71	Республика Марий Эл	0,089	71
Республика Северная Осетия	0,074	72	Псковская область	0,076	72	Карачаево-Черкесская Республика	0,088	72

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сахалинская область	0,073	73	Сахалинская область	0,075	73	Псковская область	0,087	73
Псковская область	0,073	74	Забайкальский край	0,073	74	Костромская область	0,087	74
Республика Марий Эл	0,072	75	Республика Марий Эл	0,073	75	Кабардино-Балкарская	0,084	75
Забайкальский край	0,070	76	Кабардино-Балкарская	0,070	76	Забайкальский край	0,083	76
Республика Дагестан	0,070	77	Республика Хакасия	0,069	77	Севастополь	0,078	77
Республика Хакасия	0,069	78	Республика Алтай	0,067	78	Республика Северная	0,077	78
Республика Тыва	0,067	79	Республика Дагестан	0,066	79	Республика Крым	0,075	79
Еврейская автономная область	0,058	80	Еврейская автономная область	0,052	80	Республика Хакасия	0,075	80
Чукотский АО	0,053	81	Чеченская Республика	0,051	81	Еврейская автономная область	0,065	81
Республика Алтай	0,050	82	Республика Адыгея	0,051	82	Республика Тыва	0,063	82
Чеченская Республика	0,050	83	Республика Тыва	0,050	83	Республика Адыгея	0,061	83
Республика Адыгея	0,048	84	Республика Калмыкия	0,050	84	Республика АГЛтай	0,059	84
Республика Калмыкия	0,046	85	Чукотский АО	0,043	85	Чукотский АО	0,047	85
Ненецкий АО	0,031	86	Ненецкий АО	0,030	86	Ненецкий АО	0,047	86
Республика Ингушетия	0,022	87	Республика Ингушетия	0,026	87	Республика Ингушетия	0,037	87

Т а б л и ц а 2

Изменение позиции в рейтинге по регионам

Регионы	Изменение рейтинга		Регионы	Изменение рейтинга		Регионы	Изменение рейтинга	
	2023 к 2022	2023 к 2019		2023 к 2022	2023 к 2019		2023 к 2022	2023 к 2019
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Москва	0	0	Мурманская область	-1	-2	Оренбургская область	-2	2
Санкт-Петербург	0	0	Кемеровская область	-9	1	Брянская область	1	-1
Московская область	0	0	Республика Карелия	-2	-8	Вологодская область	-1	2
Новосибирская область	-2	-1	Волгоградская область	-4	-3	Новгородская область	-2	4
Нижегородская область	1	1	Удмуртская Республика	-4	0	Тамбовская область	3	9
Республика Татарстан	1	0	Ставропольский край	3	-10	Орловская область	1	0
Томская область	0	-1	Республика Саха (Якутия)	3	11	Кабардино-Балкарская Респ.	-11	-10
Свердловская область	0	1	Курская область	-5	-19	Республика Бурятия	1	-2
Тюменская область	-3	0	Хабаровский край	-1	1	Амурская область	0	0
Челябинская область	1	-1	Алтайский край	10	1	Астраханская область	0	-1
Краснодарский край	0	1	Белгородская область	4	7	Курганская область	3	3
Пермский край	2	0	Смоленская область	-6	-8	Севастополь	0	-7
Ростовская область	-1	0	Республика Коми	-3	-11	Республика Крым	2	-8

Источник: расчеты авторов.

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ульяновская область	-1	-1	Липецкая область	13	8	Республика Северная Осетия	1	-6
Самарская область	2	1	<i>Медиана</i>	0	0	Сахалинская область	0	8
Калужская область	0	-4	Калининградская область	-1	-18	Псковская область	2	1
<i>Российская Федерация</i>	0	-2	ЯНАО	-2	-16	Республика Марий Эл	0	4
Республика Башкортостан	-2	1	Кировская область	-4	23	Забайкальский край	2	0
Тульская область	-3	-9	Карачаево-Черкесская Респ.	-5	-24	Республика Дагестан	-2	36
Воронежская область	2	4	Архангельская область	-9	-3	Республика Хакасия	1	-2
Ярославская область	0	-5	ХМАО – Югра	-7	7	Республика Тыва	-4	-3
Красноярский край	3	4	Ивановская область	-4	0	Еврейская авт. область	0	-1
Саратовская область	0	1	Костромская область	3	-22	Чукотский автономный округ	-4	-4
Приморский край	-3	3	Тверская область	10	11	Республика Алтай	4	-2
Ленинградская область	0	-14	Рязанская область	4	4	Чеченская Республика	2	23
Владимирская область	2	-1	Магаданская область	-1	9	Республика Адыгея	2	1
Пензенская область	-14	-2	Чувашская Республика	4	9	Республика Калмыкия	1	15
Иркутская область	0	5	Республика Мордовия	22	2	Ненецкий автономный округ	0	0
Омская область	3	-2	Камчатский край	4	10	Республика Ингушетия	0	0

Далее следует довольно плотная группа субъектов Федерации, имеющих агрегированный индекс, близкий друг к другу, но довольно большой отрыв от лидеров. К примеру, агрегированный индекс Новосибирской области ниже индекса Московской области почти в полтора раза (1,49 — в 2019 г., 1,37 — в 2022 г. и 1,32 — в 2023 г.).

В *таблицах 1 и 2* приведены также значения индекса в целом по России, а также его медианное значение. Во все исследуемые годы агрегированный индекс по Российской Федерации в целом находится довольно близко к началу *таблицы 1*. Причем он поднялся на 2 позиции в 2022 и 2023 гг. по отношению к 2019 г. Это свидетельствует о том, что общероссийский индекс формирует небольшая группа продвинутых регионов. Этот вывод подтверждается и тем, что медианное значение падает с 0,132 в 2019 г. до 0,108 в 2023 г. (в 2022 г. значение индекса было равно 0,110).

Однако *наибольший интерес* для анализа представляют те регионы, которые резко изменили свои позиции в указанном периоде. Это хорошо видно в *таблице 2*.

Так, резкие изменения произошли в средней части таблицы. Например, Ленинградская область поднялась с 39-го места в рейтинге в 2019 г. до 25-го места в 2023 г.; Курская — с 56-го в 2019 г. до 37-го в 2023 г.

Значительные изменения в рейтинге (больше 10 позиций) произошли в 8 субъектах Федерации: в Ленинградской, Курской областях, Республике Коми, Калининградской области, Ямало-Ненецком автономном округе, Республиках Крым и Карачаево-Черкессия, а также в Костромской области. Значительное снижение рейтинга произошло в 6 регионах: в Липецкой, Кировской и Тверской областях, а также Республиках Дагестан, Чеченская и Калмыкия. Еще в трех субъектах Федерации произошли значительные колебания рейтинга. В Мордовии он сначала подскочил вверх, затем резко снизился; а в Пензенской и Кемеровской областях сначала произошло снижение рейтинга, а затем его рост.

Попробуем выявить причины таких резких изменений рейтингов. Прежде всего на рейтингах отразились геополитические события, произошедшие за эти годы.

Так, в Республике Крым, по-видимому, происходил восстановительный рост после присоединения ее к Российской Федерации. В 2023 г. по сравнению с 2019 г. «Затраты на инновационную деятельность (технологические инновации), рассчитанные в процентах к ВРП», *выросли в 15,7 раза*⁷, а «Капитальные затраты на научные исследования и разработки, в процентах к стоимости основных фондов» — *более чем в 20 раз*⁸.

В Ленинградской области выросли показатели, характеризующие научное оборудование (в 5,7 раза) и его долю в основных фондах

⁷ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Росстат. М., 2024. С. 465. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/4-inn_2024.rar; [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/4-inn_2020\(2\).rar](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/4-inn_2020(2).rar)

⁸ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Росстат. М., 2024. С. 501, 918.

(в 2,2 раза)⁹. Кроме того, в Ленинградской области также, как и практически во всех регионах, вырос показатель «Доля инновационной продукции (товаров, услуг), созданной с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, в ВРП». Рост последнего может быть объяснен необходимостью преодоления последствий наложенных на Россию санкций.

Кроме упомянутого выше показателя роста использования результатов интеллектуальной деятельности российских правообладателей, повышение рейтинга Республики Коми возможно было вызвано ростом капитальных затрат на научное оборудование. Так, капитальные затраты на научное оборудование в Республике выросли с 12,3 млн руб. до 184,5 млн руб. в 2023 г. Кроме того, в Республике Коми находятся филиалы «Лукойла» («Лукойл-Коми») и «Газпрома» («Газпром ВНИИГаз»), занимающиеся технологическим развитием корпораций и вносящие свой вклад в технологическое развитие региона.

В Курской области рост рейтинга с 56-го места в 2019 г. до 37-го места в 2023 г. произошел возможно из-за резкого роста показателей «Внутренние затраты на научные исследования и разработки в области цифровых технологий, в % к ВРП» и «Отношение внебюджетных средств и бюджетных ассигнований в составе внутренних затрат на исследования и разработки»¹⁰.

В Калининградской области нет какого-то одного показателя, который бы оказал влияние на агрегированный индекс. Рост всех составляющих индекса был не столь значителен, как, например, показателя «Капитальные затраты на научные исследования и разработки, в процентах к стоимости основных фондов» в Республике Коми. Во всех подиндексах большая часть показателей выросла в 2–3 раза. Так, в дополнение к кооперационным связям увеличились значения и других показателей: «Отношение внебюджетных средств и бюджетных ассигнований в составе внутренних затрат на исследования и разработки»; «Внутренние затраты на научные исследования и разработки в области цифровых технологий, в % к ВРП»; «Удельный вес малых предприятий, осуществляющих технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных малых предприятий, по субъектам Российской Федерации, %»¹¹; «Отношение количества созданных передовых производственных технологий к общему количеству организаций, осуществлявших технологические инновации»¹².

⁹ Рассчитано по: URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/svody_VPO-2_zh_2019_g.zip; <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/07/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%92%D0%9F%D0%9E-2%20%D0%B7%D0%B0%202023%20%D0%B3.zip>

¹⁰ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2-nauka_2023.rar и https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2-nauka_2019.rar

¹¹ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2-nauka_2023.rar и https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2-nauka_2019.rar

¹² Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Росстат. М., 2024. С. 501, 935.

По поводу Ямало-Ненецкого АО, Карачаево-Черкессии и Костромской области сложно сказать что-то определенное. Они находятся ближе к концу рейтинга, где регионы расположены довольно плотной группой, и незначительные изменения показателей приводят к значительному изменению рейтинга, хотя агрегированный индекс может меняться и не слишком сильно.

Липецкая, Тверская и Кировская области, по классификации ряда авторов [4–6] относящиеся к старопромышленным регионам, имеют развитое промышленное производство на достаточно отсталой технологической базе. В них в исследуемых годах происходило снижение большого числа показателей во всех подиндексах, особенно в подиндексах «Результаты инновационной деятельности» (см. рис. 1) и «Научно-технологическая инфраструктура». Причем снижение рейтинга в них произошло за счет схожих составляющих индексов: «Удельный вес научного оборудования в общей стоимости машин и оборудования организаций, выполняющих научные исследования и разработки»; «Отношение количества выданных патентных заявок к количеству работников, занятых исследованиями и разработками»; «Отношение количества созданных передовых производственных технологий к общему количеству организаций, осуществлявших технологические инновации». Так, например, в Липецкой области количество выданных патентов на изобретения и полезные модели было 72 в 2020 г., а в 2023 г. — только 66. В Тверской области — 164 в 2020 г. и 121 в 2023 г.¹³

Остальные регионы, сильно снизившие свой рейтинг, относятся к субъектам Федерации, имеющим один из самых маленьких ВРП. В них происходило снижение или совсем незначительный рост составляющих индекса.

В Республике Мордовии, являющейся промышленно развитым регионом России, с развитым машиностроением, а также химической и нефтехимической промышленностью, первоначально рейтинг вырос, что можно объяснить необходимостью импортозамещения. К примеру, объем инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженной продукции возрос с 21,4% в 2022 г., до 23,4% в 2023 г.¹⁴ Вероятным объяснением снижения рейтинга в Мордовии в 2023 г. может быть то, что уменьшилось число исследователей в области *STEM* и количество внедренных технологических инноваций.

В Кемеровской и Пензенской областях, наоборот, в 2023 г. рейтинги значительно возросли после спада в 2022 г. Рост в них также был обусловлен схожими показателями, в частности, «Доля инновационной продукции (товаров, услуг), созданной с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат россий-

¹³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Росстат. М., 2024. С. 501, 933.

¹⁴ Там же. С. 501, 945.

ским правообладателям, в ВРП». В Кемеровской области этот показатель вырос более чем в 10 раз, а в Пензенской — в 3 раза¹⁵.

Таким образом, анализ динамики индексов НТР свидетельствует о том, что *дифференциация регионов по уровню НТР возрастает*. Как следует из *таблицы 1*, значение индекса в целом по России в 2023 г. обеспечивало меньшее число регионов, чем в 2019 г.

На изменение рейтинга отдельных регионов влияли различные факторы. Однако были такие группы регионов, для которых влияющие факторы повторялись. Это позволяет предположить, что на уровень научно-технологического развития влияет их сложившаяся специализация.

В большинстве субъектов Российской Федерации росли показатели, отражающие кооперационные связи внутри России, а также рост продукции, принадлежащей российским правообладателям, что может говорить об адаптации к санкционному давлению.

* * *

В заключение отметим, что на момент написания статьи имелись данные не по всем годам периода. По этой причине, авторами рассматривался период не в целом, а только выбранные точки. Поэтому работа требует продолжения. При этом проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы.

Прежде всего намеченная в госпрограмме «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» гармонизация регионов России в области НТР пока не происходит. Наоборот, наблюдается рост дифференциации регионов в области НТР. Отрыв регионов лидеров, определяющих уровень НТР в целом по России, от основной массы растет.

В различных регионах на научно-технологическое развитие действуют различные факторы. Однако существуют группы регионов, испытывающие влияние схожих факторов на положение в рейтинге. Таким образом, необходимо учитывать специфику региона при создании матрицы программы НТР в субъекте Федерации, предполагаемой Стратегией технологического развития, а выявление таких групп позволит сократить количество создаваемых матриц.

Наложенные на Россию санкции в технологической сфере привели к тому, что в большинстве регионов выросли показатели, отражающие кооперационные связи внутри страны и использование результатов интеллектуальной деятельности российских правообладателей, что говорит о начале адаптации к санкциям в этой сфере.

¹⁵ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2-nauka_2023.rar и https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2-nauka_2019.rar

Список литературы

1. Волкова Н.Н. Проблемы измерения технологического суверенитета // Экономика и предпринимательство. 2024. № 11 (172). С. 1364–1372.
2. Акбердина В.В., Потапцева Е.В. Обеспечение технологического суверенитета государства: вклад регионов // Круглый стол «Технологический суверенитет: опыт региональной политики ведущих регионов», 25 мая 2023. URL: <https://uiec.ru/wp-content/uploads/2023/06/Акбердина-Потапцева-25.05.2023.pdf> (дата обращения: 19.08.2024).
3. Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Влияние структуры экономики на уровень научно-технологического развития // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 1. С. 10–27.
4. Сорокина Н.Ю. Классификация старопромышленных регионов в целях реализации дифференцированной региональной политики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2024. Т. 20. № 4 (433). С. 608–627.
5. Гузикова М.О., Нестерова Д.В., Дунаев О.Н. и др. Старопромышленные регионы: перспективы и ограничения социально-экономической модернизации: монография. Екатеринбург: Уральский государственный университет имени А.М. Горького, 2006. 135 с.
6. Акбердина В.В., Гребенкин А.В., Бухвалов Н.Ю. Моделирование инновационного резонанса в индустриальных регионах // Экономика региона. 2015. № 4 (44). С. 289–308.

References

1. Volkova N.N. Problemy izmereniya tekhnologicheskogo suvereniteta [Problems of Measuring Technological Sovereignty], *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2024, No. 11 (172), pp. 1364–1372. (In Russ.).
2. Akberdina V.V., Potapitseva E.V. Obespechenie tekhnologicheskogo suvereniteta gosudarstva: vklad regionov [Ensuring the Technological Sovereignty of the State: The Contribution of the Regions], *Kruglyi stol "Tekhnologicheskii suverenitet: opyt regional'noi politiki vedushchih regionov"*, 25 maya 2023 g. [Round Table "Technological Sovereignty: The Experience of Regional Policy of Leading Regions", 25 May 2023]. (In Russ.). Available at: <https://uiec.ru/wp-content/uploads/2023/06/Akberdina-Potapitseva-25.05.2023.pdf> (accessed 19 August 2024).
3. Volkova N.N., Romanyuk E.I. Vliyanie struktury ekonomiki na uroven' nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya [The Impact of Economic Structure on the Level of Scientific and Technological Development], *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development], 2024, Vol. 28, No. 1, pp. 10–27. (In Russ.).
4. Sorokina N.Yu. Klassifikatsiya staropromyshlennykh regionov v tselyakh realizatsii differentsirovannoi regional'noi politiki [Classification of Old Industrial Regions for the Purpose of Implementing Differentiated Regional Policy], *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2024, Vol. 20, No. 4 (433), pp. 608–627. (In Russ.).
5. Guzikova M.O., Nesterova D.V., Dunaev O.N. et al. Staropromyshlennyye regiony: perspektivy i ogranicheniya sotsial'no-ekonomicheskoi modernizatsii: monografiya [Old Industrial Regions: Prospects and Limitations of Socio-Economic Modernization: Monograph]. Ekaterinburg, Ural State University named after A.M. Gorky, 2006, 135 p. (In Russ.).

6. Akberdina V.V., Grebenkin A.V., Buhvalov N.Yu. Modelirovanie innovatsionnogo rezonansa v industrial'nyh regionah [Modeling of Innovation Resonance in Industrial Regions], *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2015, No. 4 (44), pp. 289–308. (In Russ.).

DYNAMICS OF THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT INDEX AMONG RUSSIAN REGIONS

Determining the relationship between the innovative development of the Russian economy and the dynamics of scientific and technological progress in the economies of the constituent entities of the Russian Federation is an important, yet understudied, issue in Russian science and practice. Given the Russian economy's focus on ensuring technological sovereignty, the importance of assessing each region's contribution to the country's scientific and technological development increases exponentially. The purpose of this article is to analyze the dynamics of regional scientific and technological development over several years. This analysis was conducted using statistical data for 2019, 2022, and 2023 published on the websites of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. The authors also used statistical data posted on the website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The study is based on the aggregate index proposed in previous studies. A fairly stable relationship was found between economic structure and the scientific and technological revolution. Regions with a more diversified economic structure have a higher scientific and technological revolution index. As expected, a strong correlation was found between the share of scientific activity in a region and the scientific and technological revolution, particularly for the subindex responsible for science funding.

Keywords: technological sovereignty, regional aggregate index, region, regional development, scientific and technological development.

JEL: O30, R11

Дата поступления – 02.09.2025

Принята к печати – 24.09.2025

ВОЛКОВА Наталья Николаевна

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: volkova@inecon.ru

РОМАНИЮК Эвелина Игоревна

научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: romvel57@yandex.ru

VOLKOVA Nataliya N.

Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher of the Center for Innovation Economics and Industrial Policy;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: volkova@inecon.ru

ROMANIUK Evelina I.

Researcher of the Center for Innovation Economics and Industrial Policy;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: romvel57@yandex.ru

Для цитирования:

Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Динамика индекса научно-технологического развития в разрезе российских регионов // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3 (119). С. 25–43. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-25-43>

Е.Н. КОРЕПАНОВ

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ

В российской статистике присутствует количественная мера оценки результатов интеллектуальной деятельности, однако нет качественной. Эта недостача не позволяет в полной мере оценить истинную продуктивность труда исследователей в федеральных округах. Отсутствие статистических данных об экономической эффективности результатов научных исследований и разработок (ИР) принуждает обратиться к непрямым способам оценки. Сопоставление в статике и динамике затрат на ИР и количественных показателей результативности ИР на уровне федеральных округов и в межстрановом плане позволило обнаружить неочевидные явления: отсутствие положительной корреляции между затратами и результатами ИР; спад изобретательской активности в 2015–2022 гг.; переориентацию ИР на разработку производственных технологий; падение роли низконаукоемких регионов в экспорте технологий при общей активизации торговли технологиями. Истолкование этих явлений дано лишь в первом приближении.

Ключевые слова: научные исследования и разработки, объекты промышленной собственности, изобретение, патент, публикация, экспорт, импорт, регион.

JEL: O31, O32, O34, K11

Проблема оценки результатов ИР в регионах России не нова. В той или иной мере она присутствует в материалах по рейтингованию регионов Российской Федерации по уровню их научно-технологического развития. При этом преобладают ресурсный подход и количественная (нестоимостная) оценка результатов ИР. Естественно, лидирующие позиции в рейтингах, как правило, занимают наиболее наукоемкие регионы. Между тем в ряде работ отмечается, что *наивысшей изобретательской активностью отличаются не лидеры по затратам на ИР, а наименее наукоемкие субъекты Федерации и федеральные округа – ЮФО, СКФО и ДФО* [1, с. 70; 2, с. 67].

Это явление пока не получило сколько-нибудь убедительного истолкования по ряду причин. Прежде всего в статистике отсутствуют данные об экономической эффективности объектов интеллектуаль-

ной собственности, хотя форма статистического наблюдения № 4-НТ (перечень) содержит соответствующий раздел (Раздел II. Финансовые показатели использования объектов интеллектуальной собственности в отчетном году)¹. Не ведут соответствующий учет и многие предприятия, хотя изобретательская и рационализаторская деятельность сегодня является их прерогативой. Однако даже ограниченная статистическая база в области патентной и публикационной активности научного сообщества, дополненная сведениями о распоряжении исключительными правами интеллектуальной собственности, данными международной патентной статистики и межстрановой торговли технологиями и технологическими услугами, позволяет если не прямо, то косвенно оценить значимость результатов интеллектуальной деятельности (РИД) по регионам Российской Федерации. В статье предпринята попытка реализовать эти возможности путем сопоставительного и корреляционного анализа статистических данных в упомянутых сферах деятельности на мезоуровне (уровне федеральных округов).

Распределение научного потенциала и результатов ИР по федеральным округам

Несмотря на глубокие преобразования отношений собственности и организационно-правовых форм в науке, распределение научного потенциала по федеральным округам за 2010–2023 гг. практически не изменилось (см. табл. 1). Эта инерционность, очевидно, обусловлена не консервативными установками научного сообщества (хотя таковые и присутствуют), а высокой неопределенностью ИР, с одной стороны, и невысоким спросом на результаты ИР с позиции материального производства – с другой. Инкорпорирование научных подразделений в структуру предприятий проводится столь медленно, что *доля государства в финансировании ИР сохраняется почти неизменной* (около 2/3 общих расходов).

По количеству поданных патентных заявок и разработанных передовых производственных технологий (ППТ) сохраняется в основном та же ранговая последовательность округов, что и по распределению научного потенциала. Первые три места занимают ЦФО, ПФО и СЗФО, а последние два, как правило, ДФО и СКФО (см. табл. 2). На первый взгляд такое соответствие очевидно, что послужило поводом для нескольких *поспешных*, на наш взгляд, *умозаключений*. Так, например, утверждается, что «...наибольшее соответствие возникло между структурными показателями численности исследователей и выдачи патентов на изобретения, полезные модели и разработанные передовые технологии. Это означает, что патентная активность и результативность НИОКР

¹ Сведения об использовании объектов интеллектуальной собственности (форма № 4-НТ (перечень)). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=44&documentId=46645>

в федеральных округах распределена соразмерно численности персонала, занятого НИР» [3, с. 79]. Но общие утверждения не всегда справедливы, часто истина кроется в деталях.

Т а б л и ц а 1

**Распределение научного потенциала по федеральным округам, %
(Российская Федерация – 100%)**

Федеральные округа	Персонал, занятый ИР		Внутренние затраты на ИР		Стоимость машин и оборудования, используемых в ИР	
	2010	2023	2010	2023	2010	2023
ЦФО	51,8	51,4	55,2	52,5	51,3	52,7
ПФО	15,8	15,7	14,3	17,0	13,5	14,3
СЗФО	13,0	12,0	13,5	13,0	12,9	11,8
СФО	7,2	7,4	6,5	7,0	9,6	8,1
УФО	5,8	6,7	5,6	6,2	8,2	7,3
ЮФО	3,8	3,6	2,5	2,4	3,3	3,3
ДФО	1,7	1,9	1,9	1,5	2,2	2,5
СКФО	0,8	1,1	0,5	0,5	0,6	0,6

Источник: рассчитано по: [4, с. 1016–1029; 5, с. 890–903].

Т а б л и ц а 2

**Распределение результатов ИР по федеральным округам, 2023 г., %
(Российская Федерация – 100%)**

Заявки на изобретения		Заявки на полезные модели		Заявки на промышленные образцы		Разработанные ППТ		Публикации в базе Scopus (2021 г.)	
ЦФО	41,4	ЦФО	43,6	ЦФО	50,5	ЦФО	38,5	ЦФО	47,6
ПФО	18,6	ПФО	18,9	ПФО	15,1	СЗФО	17,4	СЗФО	15,6
СЗФО	12,0	СЗФО	12,0	СЗФО	12,4	ПФО	15,5	СФО	14,5
СФО	9,4	СФО	8,1	УФО	7,0	УФО	10,7	ПФО	12,2
ЮФО	7,3	ЮФО	6,6	ЮФО	6,9	СФО	5,9	УФО	6,3
УФО	5,9	УФО	6,5	СФО	4,8	СКФО	5,2	ЮФО	5,8
ДФО	2,7	ДФО	2,0	СКФО	1,9	ЮФО	5,1	ДФО	3,4
СКФО	2,4	СКФО	1,0	ДФО	1,2	ДФО	1,8	СКФО	1,8

Источник: рассчитано по: [5, с. 930–935; 6, с. 12].

**Удельные показатели обеспеченности ресурсами
и продуктивности ИР**

Как следует из *таблицы 3*, удельные расходы на ИР заметно выросли за 2010–2013 гг. как вследствие некоторого увеличения внутренних затрат на ИР, так и в силу сокращения численности исследователей. Удельные же капитальные затраты на оборудование в большинстве округов выросли существенно, особенно в ПФО и УФО, лидирующих по удельному весу технических наук в общих затратах на ИР. ПФО первенствует и по удельным расходам на ИР благодаря научно-технической специализации.

Т а б л и ц а 3

**Удельные показатели ресурсного обеспечения ИР по федеральным округам
(в ценах 2010 г.)**

Внутренние затраты на ИР в расчете на одного исследователя, млн руб.				Капитальные затраты на оборудование в расчете на одного исследователя, тыс. руб.			
2010		2023		2010		2023	
ДФО	1,53	ПФО	1,94	ЦФО	54,3	ПФО	129,2
ПФО	1,50	ЦФО	1,74	УФО	50,8	УФО	117,1
ЦФО	1,46	СЗФО	1,71	СЗФО	44,5	ЦФО	79,4
УФО	1,44	СФО	1,66	ПФО	36,2	СФО	75,5
СЗФО	1,36	УФО	1,63	СФО	35,2	СЗФО	74,5
СФО	1,25	ДФО	1,48	ДФО	31,3	ЮФО	57,1
ЮФО	1,04	ЮФО	1,26	ЮФО	28,6	ДФО	38,3
СКФО	0,75	СКФО	0,79	СКФО	11,3	СКФО	18,9

Источник: рассчитано по: [5, с. 890–918; 7, с. 802–820].

Единственным регионом, где снизились общие и удельные затраты на ИР, является ДФО. Здесь объем расходов на ИР сократился за 2010–2023 гг. в 1,2 раза, видимо, в результате реформирования академической науки.

Сопоставление данных *таблиц 3 и 4* обнаруживает их абсолютное несоответствие. Практически по всем показателям продуктивности труда исследователей (*см. табл. 4*) первенствуют наименее наукоемкие СКФО, ЮФО и ДФО, а ЦФО большей частью занимает последние места.

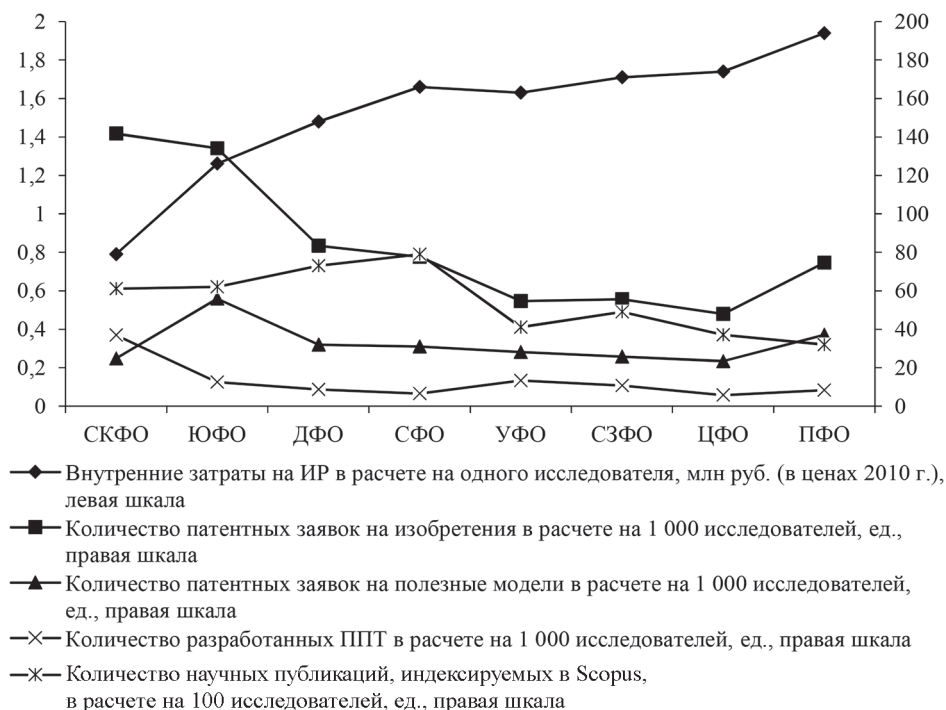
ПФО занимает второе место только по числу заявок на полезные модели. В целом же не прослеживается положительной связи между продуктивностью труда исследователей и удельными затратами на ИР (*см. рис. 1*). Скорее налицо обратная зависимость: чем выше расходы на ИР в расчете на одного исследователя, тем ниже продуктивность труда ученых и инженеров.

Т а б л и ц а 4

Продуктивность труда исследователей, 2023 г., ед.

Подано заявок в расчете на 1 000 исследователей						Разработано ППТ на 1 000 исследователей		Научные публикации в базе Scopus на 100 исследователей (2021 г.)	
на изобретения		на полезные модели		на промышленные образцы					
СКФО	141,7	ЮФО	55,9	ЮФО	33,9	СКФО	36,9	СФО	79
ЮФО	134,1	ПФО	37,1	СКФО	26,7	УФО	13,2	ДФО	73
ДФО	83,4	ДФО	32,0	УФО	17,3	ЮФО	12,5	ЮФО	62
СФО	77,6	СФО	31,0	ПФО	16,2	СЗФО	10,7	СКФО	61
ПФО	74,6	УФО	28,1	ЦФО	15,5	ДФО	8,6	СЗФО	49
СЗФО	55,6	СЗФО	25,7	СЗФО	15,3	ПФО	8,3	УФО	41
УФО	54,6	СКФО	24,7	ДФО	11,6	СФО	6,5	ЦФО	37
ЦФО	47,9	ЦФО	23,4	СФО	10,5	ЦФО	5,7	ПФО	32

Источник: рассчитано по: [5, с. 890–935; 6, с. 12].

Рис. 1. Продуктивность труда исследователей, 2023 г. (публикации – 2021 г.)

Источник: составлено по: [5, с. 890–935; 6, с. 12].

Примечательно, что этот несколько обескураживающий результат проявился давно, но если в 2010 г. наблюдалось просто отсутствие положительной связи между удельными затратами и результатами, то по мере приближения к 2023 г. все отчетливее проявлялась отрицательная связь. Однако, как показал корреляционный анализ, существует тесная зависимость (коэффициент корреляции 0,92) между изобретательской активностью и долей профессорско-преподавательского состава (ППС) в общей численности ППС и исследователей (см. рис. 2).

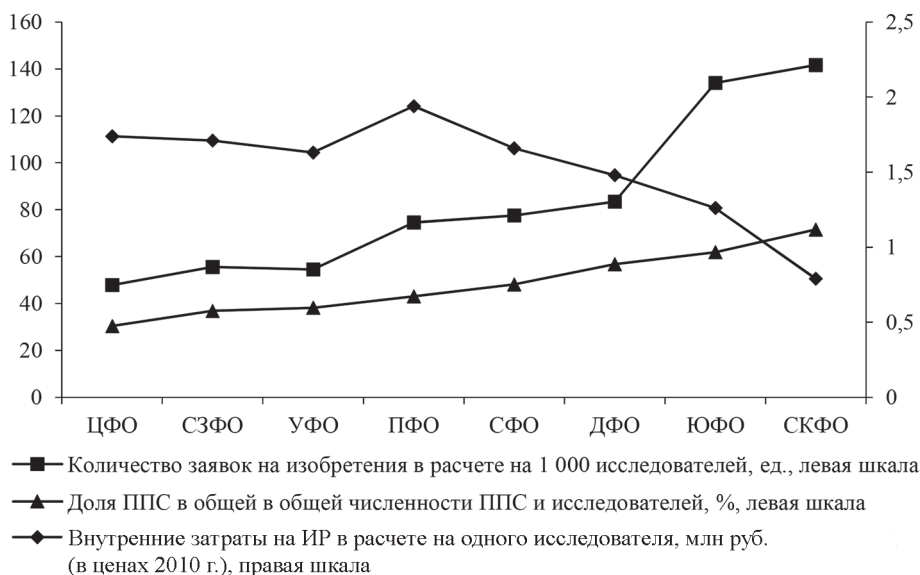

Рис. 2. Изобретательская активность и доля ППС в общей численности ППС и исследователей, 2023 г.

Источник: составлено по: [5, с. 340–343, 890–933].

Рисунок 2 показывает, что по мере перехода от высоконаучным округам к низконаучным (и, соответственно, роста продуктивности труда исследователей) увеличивается доля ППС. Заметим, что высокая доля ППС присуща низконаучным регионам не потому, что там более развита система высшего образования. Наоборот, если по насыщенности ППС (доле ППС в населении) СКФО, ЮФО и ДФО в 1,2–1,5 раза уступают среднероссийскому уровню, то по насыщенности исследователями – в 3–6 раз. Доля ППС в численности ППС и исследователей в этих округах в 2023 г. составила соответственно 71,6, 61,9 и 58,0%, тогда как в ЦФО, например, только 30,4%. Тем самым подтверждается необходимость перехода в статистике от показателя «численность исследователей по должности» к показателю «количество исследователей в эквиваленте полной занятости». В среднем по Российской Федерации второй показатель превосходит

первый на 14,6%. В низконаучемерных округах эта разница, видимо, гораздо существенней, что позволяет отчасти объяснить их кратное превосходство над ЦФО и СЗФО в продуктивности труда исследователей.

Динамика результативности ИР

Несмотря на рост затрат на ИР в большинстве округов, статистика фиксирует снижение в 2015–2022 гг. общего количества патентных заявок на изобретения и полезные модели². Лишь в 2023–2024 гг. наметился рост этих показателей (см. рис. 3).

Рис. 3. Динамика результативности ИР, % (2015 г. – 100%)

Источник: составлено по: [4, с. 1016–1055; 5, с. 890–935].

Напротив, на всем интервале 2015–2024 гг. увеличивалось количество патентных заявок на промышленные образцы и число созданных ППТ. Видимо, эти разнонаправленные процессы имеют в основе общие причины – санкционное давление, уход с российского рынка иностранных компаний, мероприятия по импортозамещению. Последнее обстоятельство сыграло решающую роль в стремительном росте числа созданных ППТ (рост 321%) и в увеличении затрат на процессные инновации. Не столь быстрый, но очень высокий темп роста патентных заявок на промышленные образцы (рост 196%), видимо, вызван стремлением занять освободившиеся ниши внутреннего рынка продукцией, близкой по уровню дизайна к зарубежным образцам. Об этом свидетельствует

² Данные за 2015 г. выбраны в качестве базы отсчета, т.к. в этом году изобретательская активность была максимальной на интервале 2010–2024 гг.

увеличение в 4,7 раз за 2014–2023 гг. количества используемых в пищевой промышленности промышленных образцов.

Если же обратиться к удельным показателям, то окажется, что удельные затраты на ИР выросли во всех округах, кроме ДФО, а изобретательская активность упала повсюду, кроме СЗФО и ЮФО (см. табл. 5). Наибольшее снижение произошло в округах, занимающих крайние позиции по удельным затратам на ИР: в 1,5 раза в ЦФО и в 4 раза в СКФО. Количество разработанных ППТ в расчете на одного исследователя увеличилось в 2,7–3,7 раз, а в ЮФО даже в 5,8 раз.

Т а б л и ц а 5

Динамика удельных затрат на ИР (в ценах 2010 г.) и продуктивности труда исследователей, 2010–2023 гг., % (2010 г. – 100%)

Федеральные округа	Затраты на ИР в расчете на одного исследователя	Подано заявок на изобретения в расчете на одного исследователя	Подано заявок на полезные модели в расчете на одного исследователя	Разработано ППТ в расчете на одного исследователя
ПФО	132,0	90,3	74,5	292,3
СЗФО	126,5	125,5	111,7	363,9
ЦФО	122,6	64,8	93,6	313,2
СФО	120,6	91,0	74,9	299,5
УФО	116,0	96,0	59,4	268,8
ЮФО	109,6	100,9	104,7	578,7
СКФО	101,3	26,3	71,4	318,0
ДФО	83,3	80,3	92,2	367,5

Источник: рассчитано по: [5, с. 890–935; 7, с. 802–820].

Примечательно, что с изменением геополитической ситуации, уходом из России иностранных компаний количество патентных заявок на изобретения со стороны нерезидентов за 2021–2024 гг. *сократилось вдвое*.

Публикационная активность российских авторов благодаря поддержке вузовской науки и материальному стимулированию стремительно возрастала в 2005–2020 гг. (см. рис. 4). Число публикаций в базе *Scopus* в расчете на 100 российских авторов за этот период выросло почти в 4 раза.

В последующие годы активность резко снизилась — количество российских публикаций упало со 136,2 тыс. в 2022 г. до 98 тыс. в 2024 г. Главная причина — санкционное давление, повлекшее за собой сокращение участия российских ученых в международных научных мероприятиях и тем самым сокращение количества опубликованных научных докладов.

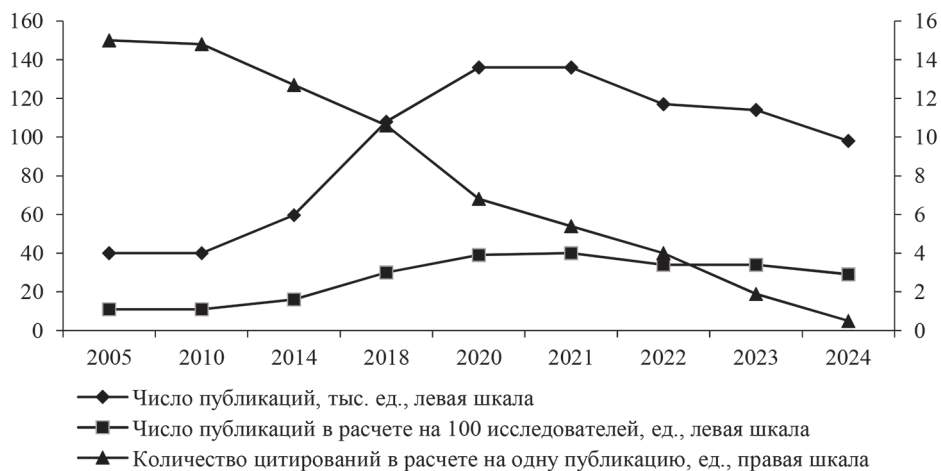

Рис. 4. Публикации российских авторов в базе Scopus

Источник: составлено по: [5, с. 890–892; 6, с. 12; 8].

Но были и внутренние причины. Рисунок 4, отражающий количество публикаций, имеет вид логистической кривой и свидетельствует об исчерпании ресурсов их роста к 2020 г. Сказалась и отмена учета публикаций в базе Scopus при оценке результатов труда ученых, а значит и материального их стимулирования. Необходимо отметить и такое явление, как *быстрое снижение цитируемости российских публикаций* (в расчете на одну работу с 14,76 в 2020 г. до 4,1 в 2022 г.).

К оценке значимости результатов ИР

Само по себе падение цитируемости еще не говорит о снижении качества российских работ, поскольку сопоставимыми темпами падает цитируемость публикаций большинства стран (см. табл. 6). Но хроническое отставание по уровню цитируемости безусловно свидетельствует об относительно невысоком качестве российских работ.

Т а б л и ц а 6

Число цитирований в расчете на одну публикацию, ед.

Страна	2010	2021	2010 : 2021, раз
Россия	14,76	5,37	2,75
Германия	32,07	13,86	2,71
США	41,22	13,93	2,96
Китай	18,00	14,12	1,27
Р. Корея	27,35	14,39	1,89
Япония	24,53	10,00	2,45

Источник: [8].

Об этом же говорят и относительно низкие затраты на ИР в расчете на одну публикацию (см. табл. 7). Сам по себе этот показатель не может служить мерилом качества работ, но в экспертных оценках вполне применим. В области изобретательской активности ситуация обратная — затраты на ИР в расчете на одну патентную заявку в России в 2–4 раза выше, чем в развитых странах, а количество заявок в расчете на 1 000 исследователей в 2–12 раз ниже. Но это, в свою очередь, не свидетельствует о сравнительно высокой значимости российских изобретений.

Т а б л и ц а 7

Удельные затраты на ИР и продуктивность труда исследователей,
2022 г.

Страна	Внутренние затраты на ИР в расчете на 1 исследователя, млн долл.	Подано заявок на изобретения в расчете на 1 000 исследователей	«Цена» одной заявки, млн долл.	Количество публикаций в расчете на 1 исследователя	«Цена» одной публикации, млн долл.
Россия	0,13	63,4	2,25	0,30	0,50
Франция	0,25	192,3	1,28	0,33	0,75
Германия	0,36	325,8	1,11	0,38	0,94
США	0,62	345,2	1,80	0,42	1,48
Китай	0,31	771,7	0,51	0,42	0,81
Р. Корея	0,30	579,3	0,51	0,21	1,41
Япония	0,29	576,8	0,49	0,19	1,53

Источники: рассчитано по: [9, с. 375–377, 384–387; 10, с. 334–379].

Косвенным свидетельством качества объектов промышленной собственности (ОПС) может служить и уровень спроса на них со стороны реальных или потенциальных пользователей. Стремительное падение количества распоряжений правами интеллектуальной собственности на изобретения, полезные модели и промышленные образцы в 2020–2024 гг., казалось бы, прямо говорит о снижении технической и экономической значимости ОПС (см. рис. 5). Однако анализ показывает, что уменьшение числа договоров означает лишь сужение круга лицензиатов и новых владельцев ОПС, поскольку число патентов, относительно которых были зарегистрированы распоряжения исключительными правами, несмотря на значительные колебания, в целом не снижалось.

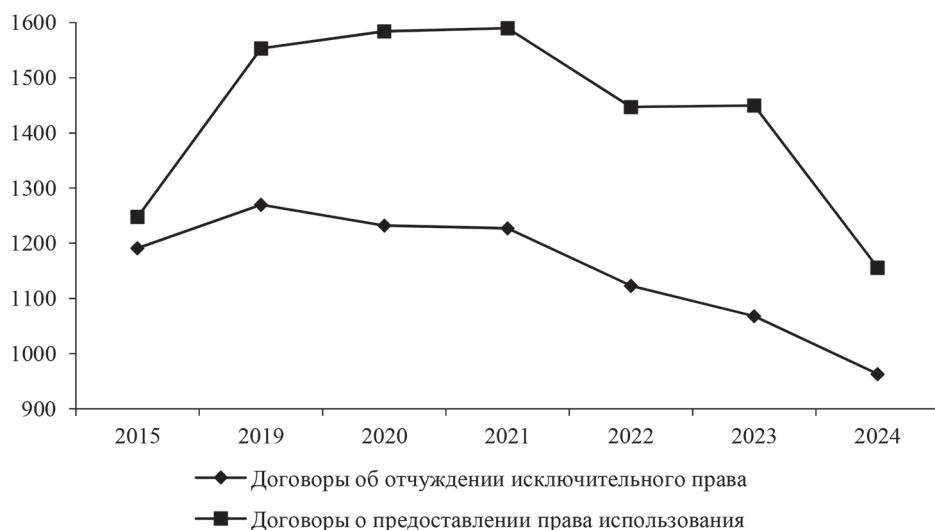

Рис. 5. Количество распоряжений исключительным правом интеллектуальной собственности, ед.

Источник: [11, с. 157].

Наконец, источником данных, позволяющих оценить значимость созданных в России ОПС, может послужить статистика внешней торговли технологиями и технологическими услугами. Но и здесь мы сталкиваемся с серьезными ограничениями. Статистика содержит только данные по 2021 г. включительно, поскольку с 2022 г. российская таможенная служба приостановила публикацию сведений по экспорту и импорту «во избежание некорректных оценок и спекуляций» [12, с. 110]. Кроме того, в статистических данных по регионам ОПС не выделяются из общего объема экспорта и импорта технологий. Тем не менее наличные данные позволяют сопоставить количественные и стоимостные показатели по экспорту и импорту ОПС в целом и по видам ОПС, а также оценить в первом приближении уровень участия федеральных округов в торговле ОПС.

Несмотря на пандемию и экономические санкции, торговля технологиями в 2014–2021 гг. росла высокими темпами, так что в 2021 г. поступления от экспорта почти сравнялись с выплатами по импорту, а стоимость предмета соглашений по экспорту в 2020 г. в 3,7 раза превысила таковую по импорту. Вопреки прогнозам, доля стран ОЭСР в поступлениях по экспорту и выплатах по импорту технологий не уменьшилась. Но в 2022 г. и далее ожидаемый спад, видимо, произошел. 2020 г. отмечен и скачкообразным ростом экспорта ОПС. Если в 2010–2019 гг. лидировал экспорт инжиниринговых услуг, а доля ОПС не превышала 5,5%, то в 2020 г. она выросла до 27,6%, приблизившись к аналогичному показателю по импорту (34,7%). Поступление средств от экспорта ОПС достигло 77% от их импорта, тогда как в 2010 г. составляло лишь 3,5% (см. рис. 6).

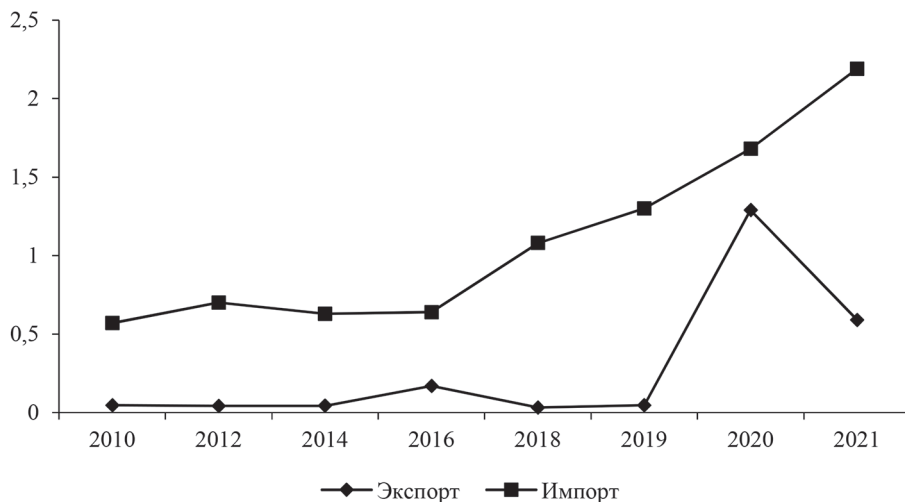

Рис. 6. Поступление средств от экспорта и выплаты по импорту ОПС, млрд долл.

Источник: составлено по: данные Росстата за 2011–2023 гг.

Примечательно, что в этом протуберанце экспортной активности 96,7% пришлось на поступления от продаж патентов и патентных лицензий на изобретения. И если в 2010–2019 гг. удельная стоимость объектов сделки по экспорту ОПС была в разы или даже на один-два порядка ниже, чем по импорту, то в 2020 г. картина изменилась на обратную (см. табл. 8). Тем самым российская сторона продемонстрировала скрытые возможности своего научно-технологического потенциала.

Т а б л и ц а 8

Удельная стоимость предмета соглашения по экспорту и импорту ОПС, млн долл.

Предмет соглашения	Вид деятельности	2010	2012	2015	2019	2020	2021
Патент на изобретение	Экспорт	0,06	0,05	0,03	0,3	6,2	0,46
	Импорт	3,06	3,23	5,97	2,62	1,65	9,66
Патентная лицензия на изобретение	Экспорт	0,41	0,80	3,77	0,87	36,1	0,23
	Импорт	2,76	3,7	3,84	2,68	2,96	5,66
Ноу-хау	Экспорт	1,87	3,24	0,56	0,30	0,32	5,01
	Импорт	2,92	3,42	3,32	4,06	2,96	5,66

Источник: [4, с. 1220–1241; 5, с. 1114–1125].

Прямая оценка участия регионов России в торговле ОПС невозможна из-за отсутствия соответствующих данных. Однако сопоставление объемов торговли ОПС по России в целом с объемами торговли технологиями по федеральным округам позволяет в ряде случаев обозначить место округов в экспорте ОПС. Прежде всего это место определяется уровнем наукоемкости регионов. На долю наиболее наукоемких округов (ЦФО, СЗФО, ПФО) приходится львиная и устойчиво растущая доля поступлений от экспорта технологий (78,4% в 2010 г. и 94,0% в 2021 г.). Доля остальных округов столь же последовательно снижалась (с 20,6 до 6,0%). При стабильном распределении внутренних затрат на ИР по федеральным округам это позволяет говорить о значительном превосходстве ЦФО, СЗФО и ПФО в экономической эффективности экспортируемых технологий и с известной осторожностью — об их превосходстве в значимости торгуемых ОПС. Анализ соотношений поступлений от экспорта ОПС по России в целом и поступлений от экспорта технологий по федеральным округам дал немного. Он позволил определить долю ЦФО в экспорте ОПС — в 2020 г. она составила более 80%. В свою очередь на долю ПФО приходилось до 85% поступлений от экспорта инжиниринговых услуг.

Выводы

Возможности оценки количества и качества результатов ИР принципиально различны. Если количество результатов ИР вполне измеримо, например, в единицах созданных ОПС, то оценка качества сталкивается с ограничениями, не позволяющими определить их значимость, в т.ч. ввиду отсутствия статистики экономической эффективности ОПС. Количественный анализ показал прежде всего, что ранговые распределения научного потенциала и результатов ИР по федеральным округам *в основном совпадают и не меняются год от года*. Но по удельным затратам на ИР и удельным показателям продуктивности труда исследователей ранги округов обратны друг другу и подвижны во времени.

Между удельными затратами и результатами не обнаружена положительная связь — скорее существует отрицательная корреляция. Доминирование низконаукоемких округов по продуктивности труда, как показал корреляционный анализ, обусловлено высоким участием ППС в ИР: коэффициент корреляции между долей ППС в общей численности ППС и исследователей в 2023 г. составил 0,92. Тем самым подтверждается необходимость перехода в статистике от показателя «исследователи по должности» к показателю «исследователи в эквиваленте полной занятости».

Динамика РИД свидетельствует, что в 2015–2022 гг. сфера изобретательства находилась в глубокой депрессии. Количество патентных заявок на изобретения, поданных российскими авторами, сократилось в 1,4 раза. Наибольший спад имел место в СКФО (в 3,5 раза) и ЦФО (в 1,7 раза). При этом СКФО сохранил лидерство по этому показателю, а ЦФО переместился с 6 на 8, последнее, место. Из общего числа патент-

ных заявок на изобретения более всего (в 2,5 раза) сократилось число заявок по разделу «Машиностроение; освещение; отопление; оружие и боеприпасы; взрывные работы», т.е. как раз по тем видам деятельности, которые в 2023–2024 гг. отмечены самыми высокими темпами роста объемов производства. Наряду с этим наблюдается стремительный рост числа разработанных ППТ и созданных промышленных образцов. Предположительно все отмеченные сдвиги вызваны санкционным давлением, уходом иностранных компаний с российского рынка и активизацией импортозамещения.

Качество РИД не может быть оценено непосредственно ввиду отсутствия статистических данных об их экономической эффективности. Данные межстрановой торговли технологиями позволяют определить лишь удельную стоимость предметов соглашений без выделения ОПС по округам. По этому индикатору, как показали расчеты, доминируют высокотехнологичные регионы. Удельная стоимость импортируемых ОПС по большей части в разы или даже на один-два порядка выше экспортируемых. Но гигантский взлет экспорта ОПС в 2020 г. изменил картину на обратную, продемонстрировав скрытые возможности российской стороны. Межстрановые сопоставления затрат и результатов ИР свидетельствуют о том, что Россия значительно уступает развитым странам по изобретательской активности, находится на их уровне по публикационной активности, уступая, однако, по цитируемости работ в 2–3 раза. К тому же, если судить по логистическому характеру соответствующей кривой, публикационная активность российских авторов исчерпала ресурсы роста.

В целом следует признать, что проведенный анализ носит фрагментарный характер и позволяет оценить РИД лишь в первом приближении. Переход к комплексным исследованиям в этой сфере, отличающейся высокой неопределенностью затрат и результатов, предполагает наличие гораздо более полной статистической базы по сравнению с существующей.

Список литературы

1. Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 50–72.
2. Корепанов Е.Н. Наука в России – стагнация или эволюция // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 2. С. 97–108.
3. Никитская Е.Ф. Пространственная неравномерность инновационного развития макрорегионов и регионов России // Федерализм. 2020. № 4. С. 68–89.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: статистический сборник / Росстат. М., 2020. 1242 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Росстат. М., 2024. 1081 с.
6. Российская наука в цифрах: 2023 / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 48 с.

7. Регионы России. Социально-экономические показатели: статистический сборник // Госкомстат России. М., 2011. 990 с.

8. SJR – Scimago Journal and Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2010>; <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2021> (дата обращения: 10.08.2025).

9. Индикаторы науки: 2024: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 412 с.

10. Индикаторы науки: 2025: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 396 с.

11. Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2024 г. / под ред. Ю.С. Зубова, О.П. Неретина. М.: ФИПС, 2025. 196 с.

12. Кузнецов П.А. Внешняя торговля технологиями России на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 5. С. 100–120.

References

1. Volkova N.N., Romanyuk E.I. Reiting nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya sub'ektov Rossiiskoi Federatsii [Rating of Scientific and Technological Development of the Subjects of the Russian Federation], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2023, No. 2, pp. 50–72. (In Russ.).

2. Korepanov E.N. Nauka v Rossii – stagnatsiya ili evolyutsiya [Science in Russia – Stagnation or Evolution], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2020, No. 2, pp. 97–108. (In Russ.).

3. Nikitskaya E.F. Prostranstvennaya neravnomernost' innovatsionnogo razvitiya makroregionov i regionov Rossii [Spatial Inequality of Innovative Development of Macroregions and Regions of Russia], *Federalizm* [Federalism], 2020, No. 4, pp. 68–89. (In Russ.).

4. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2020: statisticheskii sbornik [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2020: Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2020, 1242 p. (In Russ.).

5. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2024: statisticheskii sbornik [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2024: Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2024, 1081 p. (In Russ.).

6. Rossiiskaya nauka v tsifrah: 2023 [Russian Science in Figures: 2023], V.V. Vlasova, L.M. Gohberg, K.A. Ditkovskii et al. Moscow, NIU VShE, 2023, 48 p. (In Russ.).

7. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli: statisticheskii sbornik [Regions of Russia. Socio-economic indicators: Statistical collection], *Goskomstat Rossii* [Goskomstat of Russia]. Moscow, 2011, 990 p. (In Russ.).

8. SJR – Scimago Journal and Country Rank. Available at: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2010>; <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2021> (accessed 10 August 2025).

9. Indikatory nauki: 2024: statisticheskii sbornik [Science Indicators: 2024. Statistical Collection], L.M. Gohberg, K.A. Ditkovskij, M.N. Kotseмир et al. Moscow, ISIEZ VShE, 2024, 412 p. (In Russ.).

10. Indikatory nauki: 2025: statisticheskii sbornik [Science Indicators: 2025. Statistical Collection], L.M. Gohberg, K.A. Ditkovskii, M.N. Kotseмир et al. Moscow, ISIEZ VShE, 2025, 396 p. (In Russ.).

11. Godovoi otchet Federal'noi sluzhby po intellektual'noi sobstvennosti za 2024 g. [Annual Report of the Federal Service for Intellectual Property for 2024], edited by Yu.S. Zubova, O.P. Neretina. Moscow, FIPS, 2025, 196 p. (In Russ.).

12. Kuznetsov P.A. Vneshnyaya trgovlya tekhnologiyami Rossii na sovremennom etape [Russia's Foreign Trade in Technologies at the Present Stage], *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2024, No. 5, pp. 100–120. (In Russ.).

THE EFFECTIVENESS OF SCIENTIFIC RESEARCH AND DEVELOPMENT IN FEDERAL DISTRICTS

Russian statistics provide a quantitative measure of the results of intellectual activity, but not a qualitative one. This lack prevents a full assessment of the true productivity of researchers in the federal districts. The absence of reliable statistical data on the economic efficiency of research and development (R&D) outcomes necessitates the use of indirect evaluation methods. An analysis of R&D expenditures and performance indicators, considered both statically and dynamically at the level of federal districts and in an international context, revealed several notable patterns: no positive correlation between R&D spending and outcomes; a decline in inventive activity between 2015 and 2022; a shift in R&D focus toward production technologies; and a diminishing role of low R&D-intensive regions in technology exports, despite overall growth in technology trade. These findings are interpreted in only a preliminary manner.

Keywords: research and development, industrial property, inventions, patents, publications, technology export, technology import, region.

JEL: O31, O32, O34, K11

Дата поступления — 12.08.2025

Принята к печати — 02.09.2025

КОРЕПАНОВ Евгений Николаевич

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.
e-mail: e.n.korepanov@mail.ru

KOREPANOV Evgeny N.

Cand. Sc. (Econ.), Leading Research Fellow;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: e.n.korepanov@mail.ru

Для цитирования

Корепанов Е.Н. Результативность научных исследований и разработок
в федеральных округах // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3 (119). С. 44–59.
DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-44-59>

Е.В. КИСКИН

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ: НЕОБХОДИМ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Вступление в силу с 1 января 2027 г. норм нового федерального закона о местном самоуправлении, регулирующих компетенцию муниципалитетов, делает актуальным формирование стратегического подхода к распределению полномочий между региональными и местными властями. С учетом этого в статье предпринимается попытка анализа института перераспределения полномочий органов местного самоуправления с позиций его законодательного регулирования и практики применения в регионах. Основное внимание уделено исследованию законов всех субъектов Российской Федерации о перераспределении полномочий. Автор приходит к выводу, что регионы чаще всего перераспределяют в свою пользу полномочия, которые не требуют значительных финансовых затрат, но имеют высокий потенциал властного воздействия на развитие муниципалитетов. Отмечаются риски такого подхода, в т.ч. снижение социальной эффективности местного самоуправления. Результаты исследования подчеркивают необходимость стратегического подхода к определению на региональном уровне сферы компетенции муниципалитетов в целях достижения баланса между операционной и социальной эффективностью местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, компетенция, перераспределение полномочий, стратегия, правотворческая стратегия, эффективность местного самоуправления.

JEL: K10, K19, E61

Перераспределение полномочий: роль и значение в системе законодательного регулирования компетенции муниципалитетов

В развитии законодательного регулирования собственной компетенции¹ органов местного самоуправления в современной России можно выделить *три этапа*.

¹ Собственная компетенция осуществлялась самостоятельно, под свою ответственность и за счет собственных доходов местных бюджетов. Она противопоставлялась отдельным государственным полномочиям, которые могли передаваться муниципалитетам с соответствующими целевыми финансовыми ресурсами (субвенциями).

На *первом этапе* (1991–2003 гг.) законодатель не фиксировал закрытый перечень полномочий органов местного самоуправления, указывая на возможность дополнения перечисленных в федеральном законе полномочий, и не устанавливал какие-либо процедурные или финансовые гарантии при расширении сферы компетенции муниципалитетов.

Начало *второго этапа* ознаменовалось принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ). Названный закон четко разграничил понятия «вопросы местного значения», постулировавшиеся как предметы ведения (сферы деятельности), и «полномочия» – конкретные меры властного воздействия на указанные предметы ведения.

Федеральный закон № 131-ФЗ исходил из жесткого распределения предметов ведения между уровнями публичной власти, а также внутри местного уровня – между видами муниципальных образований (ст. 14, 15, 16, 16.2). А конкретные полномочия по вопросам местного значения определялись отраслевыми федеральными законами. При этом декларировалось, что все предусмотренные федеральными законами полномочия за пределами установленного круга вопросов местного значения считаются переданными отдельными государственными полномочиями, что означает необходимость предоставления субвенций на их осуществление (ст. 18 Федерального закона № 131-ФЗ). Однако на практике выдержать эту модель не удалось. Уже в момент принятия Федерального закона № 131-ФЗ ряд полномочий, традиционно осуществляемых органами местного самоуправления (например, по согласованию перепланировки и переустройства жилых помещений, переводу их в нежилые), оказались за пределами вопросов местного значения.

Происходящие в настоящее время изменения законодательного регулирования компетенции муниципалитетов в связи с принятием Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ), по нашему мнению, можно определить как *третий этап развития такого регулирования*. Он характеризуется отказом от разграничения предметов ведения (сфер деятельности) и полномочий органов местного самоуправления, формулированием исчерпывающего (максимального) перечня собственных полномочий органов местного самоуправления (по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения – в терминологии Федерального закона № 33-ФЗ), который не может дополняться, но может конкретизироваться отраслевыми федеральными законами.

И самое главное – субъектам Российской Федерации предоставлена *широчайшая дискреция в определении круга полномочий конкретного муниципалитета* по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения путем перераспределения этих полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Федерации.

Сам механизм перераспределения полномочий органов местного самоуправления в пользу органов государственной власти регионов появился в 2014 г.² С учетом корректировок, внесенных в 2016 г., он предусматривал право субъектов Российской Федерации в случаях, установленных федеральными законами, передавать отдельные полномочия органов местного самоуправления для осуществления органам государственной власти субъекта Федерации. Перераспределение полномочий допускалось с начала очередного финансового года и на срок не менее срока полномочий законодательного органа субъекта Российской Федерации.

Какую цель преследовал законодатель при введении данного института, *установить весьма затруднительно*.

Российские законы традиционно не имеют преамбул, которые бы содержали мотивы введения того или иного государственного регулирования. *Travaux préparatoires* нам также не поможет: соответствующие положения были дополнены поправками при рассмотрении законопроекта во втором чтении, поэтому их описания нет в пояснительной записке к законопроекту³. Вместе с тем, с точки зрения профильного комитета Государственной Думы, этот институт является способом временного осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации отдельных полномочий органов местного самоуправления и не изменяет установленного разграничения полномочий между уровнями власти⁴.

В методических рекомендациях Минрегиона России, который в то время отвечал за государственную политику в сфере местного самоуправления, перечислены некоторые цели перераспределения полномочий: повышение эффективности управления инфраструктурой урбанизированных территорий, реализация проектов развития территорий, сосредоточение ресурсов для эффективного решения одного или нескольких вопросов местного значения⁵.

² Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”».

³ Проект Федерального закона № 469827-6 «О внесении изменений в статью 26-3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/469827-6>

⁴ Вопросы и ответы // Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению. URL: <http://komitet-regpol.duma.gov.ru/voprosy-i-otvety/131-fz/voprosy-mestnogo-znacheniya/d1996bad-9f01-4a4e-8869-813b53cf9ed8/> (дата обращения: 09.07.2025).

⁵ Методические рекомендации по подготовке нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, направленных на реализацию положений Федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации (разработаны Минрегионом России, 2014 г.)”». URL: http://smotomsk.ru/files/Dokumenty/2014/38-14_Metod_rekomendacii.pdf

Конституционный Суд Российской Федерации, делая вывод о конституционности этого института, опираясь на положения Конституции Российской Федерации о взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти (ч. 3 ст. 132) и об отнесении вопросов установления компетенции местного самоуправления в соответствии с общими принципами его организации к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «н» ч. 1 ст. 72). При этом Конституционный Суд также указал, что нормы федеральных законов не предполагают произвольного перераспределения полномочий⁶.

Законодатель обошел стороной финансовые аспекты перераспределения полномочий. Однако, учитывая отсутствие в Бюджетном кодексе Российской Федерации соответствующих механизмов, сложилось консолидированное мнение, что, изымая у органов местного самоуправления полномочия, государственные органы субъектов *не вправе изъять доходы местных бюджетов* [1].

Таким образом, до принятия Федерального закона № 33-ФЗ институт перераспределения полномочий рассматривался как экстраординарный, но в новом Законе он становится базовым инструментом разграничения компетенции между регионом и муниципалитетами, что мы подробно опишем ниже.

***Перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти:
практика субъектов Российской Федерации***

Автор проанализировал законы о перераспределении полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти, принятые в субъектах Российской Федерации (за исключением городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя) При этом использовались тексты, размещенные на официальном интернет-портале правовой информации (pravo.gov.ru), а также в справочно-правовых системах «КонсультантПлюс» и «Гарант».

Анализ показал, что субъекты Российской Федерации *весьма активно пользовались предоставленным правом* перераспределять в свою пользу полномочия муниципалитетов. По состоянию на начало 2025 г. законы о перераспределении полномочий действовали в 68 субъектах Российской Федерации (79% от выборки) во всех федеральных округах (а также в регионах, не входящих в федеральные округа — в Запорожской и Херсонской областях).

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2022 г. № 2634-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каргина Дмитрия Валентиновича на нарушение его конституционных прав ч. 5 ст. 2 Федерального закона “Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”».

Не используют механизм перераспределения полномочий 18 субъектов Российской Федерации (Амурская область, Архангельская область, Брянская область, Донецкая Народная Республика, Кировская область, Курганская область, Луганская Народная Республика, Приморский край, Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Сахалинская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО — Югра). Причем только в четырех из них такой механизм когда-либо действовал.

Перераспределяются полномочия, относящиеся к 31 отрасли законодательства и к 23 вопросам местного значения (для анализа использовался перечень вопросов местного значения городских, муниципальных округов как наиболее полный — ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ), а также к двум вопросам, не относящимся к вопросам местного значения, — распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, и отдельные полномочия в сфере охраны здоровья граждан (не относящиеся к вопросу местного значения по обеспечению доступности медицинской помощи).

Следует отметить, что Федеральным законом № 131-ФЗ перераспределение полномочий допускается только по вопросам местного значения. Вместе с тем ряд отраслевых законов⁷ допускают перераспределение полномочий в сферах, которые к вопросам местного значения не относятся.

Лидеры по числу перераспределенных полномочий — Ненецкий АО (20 групп полномочий по 17 вопросам местного значения, а также распоряжение неразграниченными землями), Московская область (12 групп полномочий по 10 вопросам местного значения и распоряжение неразграниченными землями) и Пермский край (7 групп полномочий по 5 вопросам местного значения). Так, Ненецкий АО перераспределил в пользу органов государственной власти полномочия органов местного самоуправления в сферах градостроительства, электроснабжения, газоснабжения, перевозки пассажиров общественным транспортном, образования, дорожной деятельности, управления муниципальным жилищным фондом, библиотечного обслуживания, обеспечения услугами организаций культуры, поддержки народных художественных промыслов, физической культуры и спорта, организации аварийно-спасательных служб, поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций, торговой деятельности, организации работы с детьми и молодежью, распоряжения неразграниченными землями и др. При этом только полномочия в градостроительной и земельной сфере перераспределены от всех муниципальных образований региона, в остальных случаях — перечень варьируется у муниципальных образо-

⁷ Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

ваний разных видов⁸. Большинство этих полномочий — в числе наиболее затратных для местных бюджетов. Так, по данным Минфина России, в 2024 г. в структуре расходов местных бюджетов лидировали расходы на образование (47%), жилищно-коммунальное хозяйство и благоустройство (15%), национальную экономику, в т.ч. транспорт и дорожную деятельность (13%)⁹.

Если углубиться в конкретные перераспределяемые полномочия, то картина выглядит еще более масштабной. Например, Московская область передала для осуществления органам государственной власти следующие полномочия:

- присвоение адресов объектам адресации, изменение, аннулирование адресов, присвоение наименований элементам улично-дорожной сети;
- согласование переустройства и перепланировки помещений в многоквартирном доме;
- подготовка генеральных планов муниципальных округов, городских округов,
- подготовка правил землепользования и застройки муниципальных округов, городских округов;
- подготовка документации по планировке территории муниципального округа, городского округа, выдача градостроительных планов земельных участков;
- выдача разрешения на строительство, разрешения на ввод объектов в эксплуатацию;
- предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена;
- выдача разрешения на право организации розничного рынка на территории муниципального образования Московской области;
- определение порядка деятельности общественных кладбищ, крематориев;
- утверждение и актуализация схем теплоснабжения;
- установление надбавок к тарифам на услуги организаций коммунального комплекса;
- организация утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов;
- организация и осуществление муниципального контроля в сфере благоустройства;

⁸ Закон Ненецкого автономного округа от 19 сентября 2014 г. № 95-ОЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Ненецкого автономного округа и органами государственной власти Ненецкого автономного округа».

⁹ Результаты мониторинга местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetov.pdf

- проведение аттестации кандидатов на должность руководителя и руководителей муниципальных дошкольных и общеобразовательных организаций;
- полномочия по комплексному развитию территорий;
- строительство (реконструкция) объектов капитального строительства социальной инфраструктуры местного значения, автомобильных дорог общего пользования местного значения, финансирование которых будет осуществляться за счет средств бюджета Московской области;
- капитальный ремонт объектов капитального строительства социальной инфраструктуры местного значения, финансирование которых будет осуществляться за счет средств бюджета Московской области.

А от органов местного самоуправления городского округа Долгопрудный и Можайского муниципального округа перераспределены также полномочия по организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом по муниципальным маршрутам регулярных перевозок¹⁰.

Как видим, в Московской области, в отличие от Ненецкого АО, перераспределяются полномочия, не требующие существенных рас-

¹⁰ Закон Московской области от 24 июля 2014 г. № 106/2014-ОЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области и органами государственной власти Московской области», Закон Московской области от 27 декабря 2017 г. № 250/2017-ОЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области и органами государственной власти Московской области по комплексному развитию территории», Закон Московской области от 26 декабря 2017 г. № 241/2017-ОЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области и органами государственной власти Московской области», Закон Московской области от 28 октября 2021 г. № 189/2021-ОЗ «О перераспределении полномочий по организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом между органами местного самоуправления городского округа Долгопрудный Московской области и Можайского муниципального округа Московской области и органами государственной власти Московской области», Закон Московской области от 29 декабря 2021 г. № 305/2021-ОЗ «О перераспределении между органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области и органами государственной власти Московской области полномочий по осуществлению строительного контроля», Закон Московской области от 15 декабря 2023 г. № 242/2023-ОЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области и исполнительными органами Московской области по осуществлению проектных и (или) изыскательских работ, работ по строительству (реконструкции) объектов капитального строительства социальной инфраструктуры местного значения, автомобильных дорог общего пользования местного значения, а также работ по капитальному ремонту, оснащению, благоустройству территорий объектов капитального строительства социальной инфраструктуры местного значения, финансирование которых будет осуществляться за счет средств бюджета Московской области», Закон Московской области от 25 декабря 2024 г. № 272/2024-ОЗ «О перераспределении между органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области и исполнительными органами Московской области отдельных полномочий в сфере образования».

ходов бюджета субъекта Федерации (за небольшим исключением), но сосредотачивают в руках региона значительные властные рычаги и позволяют оказывать определяющее влияние на развитие территорий муниципалитетов.

Число регионов, практикующих перераспределение полномочий, с разбивкой по сферам деятельности, объему перераспределяемых полномочий и видам муниципальных образований приведено в *таблице*.

Число субъектов Российской Федерации, перераспределивших полномочия органов местного самоуправления для осуществления органам государственной власти (на 1 января 2025 г.)

Сферы деятельности (часть вопросов местного значения деагрегированы по отраслям законодательства)	Группа полномочий по 33-ФЗ	Число субъектов Российской Федерации, перераспределивших полномочия, единиц						
		всего	в т.ч. по объему перераспределенных полномочий в указанной сфере		в т.ч. по кругу муниципальных образований			
			полностью	частично	все	отдельных видов	отдельные (поименованные)	
							всего	в т.ч. адм. центры
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Полномочия по вопросам местного значения</i>								
Градостроительная деятельность	3	43	17	26	27	2	14	8
Водоснабжение и водоотведение	2	17	11	6	8		9	2
Теплоснабжение	2	9	4	5	4	2	3	1
Электроснабжение	2	9	8	1	6	1	2	
Газоснабжение	2	3	3		2	1		
Пассажирские перевозки	3	25	24	1	7	1	17	9
Образование	2	6	1	5	4	1	1	1
Дорожная деятельность	3	17	2	15	8	3	6	4

Источник: составлено автором по: тексты законов субъектов Российской Федерации, размещенные на официальном интернет-портале правовой информации (pravo.gov.ru), в СПС «КонсультантПлюс», «Гарант».

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Муниципальный жилищный контроль	2	1	1				1	1
Управление муниципальным жилищным фондом	2	1		1		1		
Жилищные отношения	2	2		2		2		
Наружная реклама	3	11	8	3	7	1	3	2
Защита городских лесов	3	1	1				1	1
Библиотечное обслуживание	2	1	1			1		
Культура	2	1	1			1		
Поддержка народных художественных промыслов	2	1	1			1		
Физическая культура и спорт	2	1	1			1		
Деятельность аварийно-спасательных служб	3	1	1			1		
Поддержка социально-ориентированных некоммерческих организаций	2	1	1			1		
Развитие сельского хозяйства	2	1	1			1		
Муниципальный лесной контроль	2	1	1			1		
Создание искусственных земельных участков	2	1	1			1		
Комплексные кадастровые работы	3	1	1			1		
Торговля, в т.ч. нестационарная	2	3	2	1	1	1	1	1
Работа с детьми и молодежью	2	1	1			1		
Погребение и похоронное дело	2/3	3		3	3			

О к о н ч а н и е т а б л .

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Благоустройство территорий	2	2		2	2			
Обустройство мест массового отдыха	2	1		1			1	1
Присвоение адресов	2	1	1		1			
<i>Полномочия в отраслях, не относящихся к вопросам местного значения</i>								
Охрана здоровья граждан		1	1		1			
Предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена		35	21	14	17	2	16	13

Как свидетельствуют приведенные данные, наиболее часто перераспределяются полномочия в сферах градостроительства и распоряжения землей (43 и 35 регионов соответственно), которые не требуют значительных затрат на их осуществление, но позволяют существенно влиять на местные рынки и социально-экономическое развитие муниципалитетов.

Далее следуют полномочия в сферах организации пассажирских перевозок, дорожной деятельности и рекламы (25, 17 и 11 регионов соответственно). Здесь, как нам представляется, также действуют экономические резоны — возможность влияния на рынки и особенность финансирования дорожной деятельности за счет дорожных фондов, которые у муниципалитетов в основном наполняются из региональных средств.

Из относительно затратных активно перераспределяются только полномочия в сфере водоснабжения и водоотведения (17 регионов), теплоснабжения и электроснабжения (по 9 регионов). Обращает внимание также частое перераспределение полномочий органов местного самоуправления административных центров субъектов Российской Федерации, где региональные власти хотят укрепить свое влияние.

Механизм перераспределения полномочий используется также для управления агломерационными процессами. Например, в Нижегородской области, в законе прямо указано, что ряд полномочий перераспределяется в целях «обеспечения единых подходов и стандартов при осуществлении градостроительной деятельности, создания комфортной среды и благоприятных условий жизнедеятельности граждан, развития инвестиционно-промышленного потенциала Нижегородской агломерации, объединяющей территории городского

округа город Нижний Новгород и территорий граничащих с ним городского округа город Дзержинск, Богородского муниципального округа, Кстовского муниципального округа Нижегородской области»¹¹. При этом перераспределены полномочия в градостроительной и земельной сферах.

***Перераспределение полномочий муниципалитетов
как правотворческая стратегия
(в свете нового закона о местном самоуправлении)***

Если в соответствии с Федеральным законом 131-ФЗ, как было указано выше, перераспределение полномочий все же было экстраординарным механизмом, то новый Федеральный закон № 33-ФЗ закрепляет его в качестве основного способа определения объема компетенции конкретных муниципальных образований. Соответствующие нормы закона вступят в силу с 1 января 2027 г.

Закон отказывается от описания сфер деятельности муниципалитетов — вопросов местного значения, распределяя полномочия по таким вопросам, именуемым им вопросами непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Между тем большинство таких полномочий текстуально совпадают с формулировками вопросов местного значения в Федеральном законе № 131-ФЗ [2].

Перечень полномочий постулируется как закрытый, при этом они разделены на три группы в зависимости от возможности их перераспределения.

К *первой группе* отнесены полномочия, которые всегда осуществляются только органами местного самоуправления за счет собственных доходов местных бюджетов, их перераспределение в пользу органов государственной власти субъектов Российской Федерации не допускается. В данную группу попали в основном общеуправленческие функции, осуществляемые применительно ко всем сферам деятельности муниципалитетов (принятие правовых актов, управление местным бюджетом и имуществом, муниципальными предприятиями и учреждениями, учреждение СМИ для обнародования официальной информации и т.п.). Из отраслевых полномочий в эту группу вошли в основном полномочия в сфере правопорядка и безопасности, принадлежность которых именно к местным вопросам и ранее вызвала и сейчас вызывает сомнение. Это, например, осуществление мер по противодействию коррупции, участие в профилактике терроризма и экстремизма, участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, организация и осуществление мероприятий по мобилизационной подготовке.

Из безоговорочно местных дел к группе неотчуждаемых полномочий отнесено только развитие внутридворовых территорий, выделенных

¹¹ Закон Нижегородской области от 23 декабря 2014 г. № 197-З «О перераспределении отдельных полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Нижегородской области и органами государственной власти Нижегородской области».

из сферы благоустройства. При этом понятие «внутридворовая территория» законодательство России *не раскрывает*. Конституционный Суд определял ее как территорию со стороны входов в жилую часть многоквартирного дома, содержащую элементы благоустройства, необходимые для функционирования дома, и ограниченную жилыми зданиями, строениями, сооружениями или ограждениями, включая подходы и подъезды к дому, автостоянки, территории зеленых насаждений, площадки для игр, отдыха и занятия спортом, хозяйственные площадки¹². Содержание данного полномочия вызывает много вопросов, особенно в соотношении с полномочиями в сфере благоустройства. Например, подлежат ли регулированию вопросы благоустройства внутридворовых территорий в правилах благоустройства?

Во *вторую группу* входят отраслевые полномочия, которые по умолчанию исполняются органами местного самоуправления, но могут быть перераспределены для осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации. При этом регионы осуществляют перераспределенные полномочия за счет средств своих бюджетов, доходы местных бюджетов изъяты быть не могут. К числу таких полномочий отнесены 29 сфер управления, традиционно относимых к кругу местных дел (благоустройство, коммунальное хозяйство, общее и дополнительное образование, культура, физкультура и спорт и т.д.). Это наиболее затратные полномочия муниципалитетов (в 2024 г. совокупно более 75% расходов местных бюджетов¹³).

Ко второй группе также отнесены полномочия по муниципальному контролю:

- за исполнением единой теплоснабжающей организацией обязательств по строительству, реконструкции и (или) модернизации объектов теплоснабжения;
- в сфере благоустройства, предметом которого является соблюдение правил благоустройства территории муниципального образования;
- в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий местного значения;
- на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве;
- в жилищной, земельной, лесной сферах (муниципальный жилищный, земельный, лесной контроль).

¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2021 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, ч. 7 ст. 10 Федерального закона “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”, а также абзаца двадцать второго ч. 1 ст. 2, п. 25 ч. 1 ст. 16 и п. 3 ч. 2 ст. 45.1 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобами граждан Г.С. Дадашова, И.Н. Касимова и других». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104200023>

¹³ Результаты мониторинга местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 г. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/06/main/Rezultaty_monitoringa_mesnykh_budzheto.pdf.

При этом закон запрещает перераспределять полномочия по контролю отдельно от основного материального полномочия (например, лесной контроль отдельно от полномочий по лесоустройству и охране лесов), хотя в настоящее время подобное дробление практикуется регионами, например, Московской областью, перераспределившей в пользу региона только контроль в сфере благоустройства (см. выше).

К *третьей группе* отнесены полномочия, которые по умолчанию будут осуществляться органами государственной власти субъектов Российской Федерации, но могут быть перераспределены в пользу органов местного самоуправления при условии обязательной передачи дополнительных ресурсов (дополнительных доходов бюджета и (или) имущества. Это, в частности, полномочия в сферах транспорта и дорожной деятельности, градостроительства, наружной рекламы.

Интересно, что все эти полномочия в настоящее время входят в число лидеров по переопределению регионами (см. табл. 1). По всей видимости, при конструировании соответствующих перечней законодатель опирался в т.ч. на существующую статистику перераспределения.

Важно, что полномочия, второй и третьей групп независимо от их осуществления органами государственной власти атрибутируются как муниципальные — полномочия по непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения — и не могут быть переданы муниципалитетам в качестве отдельных государственных полномочий. Правовым последствием данного положения, по-видимому, будет являться обязательность применения форм непосредственного осуществления гражданами местного самоуправления (референдумов, сходов) и участия граждан в осуществлении местного самоуправления (собраний, публичных слушаний, территориального общественного самоуправления и т.п.) при исполнении данных полномочий, в т.ч. органам государственной власти регионов. Полномочия могут быть переопределены полностью или частично, в отношении всех муниципальных образований, отдельных их видов или в отношении индивидуально поименованных муниципальных образований.

Таким образом, перед регионами стоит масштабная задача — определить объем компетенции органов местного самоуправления на своей территории (сделать это нужно до 1 января 2027 г.). При этом закон требует, чтобы полномочия перераспределялись на срок не менее срока легислатуры регионального парламента (5 лет).

Соответственно, очень важно, чтобы *распределение полномочий между регионами и муниципалитетами не было волюнтаристским*. Здесь *требуется построение публичной стратегии*, позволяющей обеспечить максимально эффективное использование государственными ведомствами публичных ресурсов и властных полномочий для достижения публичных (общественно значимых) целей [3, р. 1]. При этом такая стратегия прежде всего является правотворческой, поскольку инструментом перераспределения полномочий является законодательное регулирование.

Как мы уже писали ранее, правотворческая стратегия как эффективная нормативная модель предполагает, во-первых, определение

целей соответствующего законодательного регулирования. Во-вторых, рациональный отбор правотворческих решений, обеспечивающих достижение целей. В-третьих, плановый характер деятельности по достижению целей, обеспечивающий конструирование желаемого будущего. В-четвертых, прогнозирование последствий принятия отобранных правотворческих решений.

Стратегии нормативного описания компетенции муниципалитетов в регионе могут быть эксплицитными — оформленными в виде обнародованного документа, или имплицитными — определяющими внутреннюю логику деятельности правотворческих органов. При этом мы глубоко убеждены, что наличие публичного программного документа в сфере определения компетенции муниципалитетов — важное звено в легитимации соответствующих решений, а также инструмент укрепления доверия к власти. В качестве удачной практики такого рода можно отметить разработку в Архангельской области концепции организации местного самоуправления при переходе на преимущественно одноуровневую модель осуществления местного самоуправления¹⁴.

Если говорить о *целях переопределения полномочий* от муниципалитетов к регионам, то мы полагаем ключевой из них должно быть *обеспечение эффективного решения вопросов местного значения* (непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения). При этом эффективность местной власти имеет два равно значимых аспекта: операционный (оказание качественных публичных услуг населению) и социальный (консолидация сообщества и формирование приверженности к месту жительства) [4]. Соответственно полномочия должны быть так распределены между уровнями власти, чтобы обеспечивалось не только бесперебойное их осуществление, но и максимально возможное вовлечение населения, учет мнения людей.

Выбор вариантов такого разграничения должен быть рационально обоснован, мотивирован, что обеспечит эффективность и легитимность будущего регулирования. Например, задача обеспечения баланса полномочий и ресурсов может быть решена не только путем изъятия части полномочий, но также путем рационального распределения ресурсов.

Таким образом, с учетом передачи субъектам Российской Федерации значительной власти в регулировании компетенции муниципальных образований полагаем необходимым формирование в каждом регионе стратегии распределения полномочий между уровнями публичного управления, чтобы повысить качество и эффективность соответствующего правового регулирования и, как следствие, — обеспечить эффективность решения задач в интересах людей.

¹⁴ Концепция организации местного самоуправления в Архангельской области, Концепция создания и развития муниципальных округов Архангельской области, утвержденные постановлением Правительства Архангельской области от 02 июня 2015 г. № 200-пп.

Список литературы

1. Диденко А.Н., Бабичев И.В. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» как национальный проект развития местного самоуправления: история трансформации и прогнозы // Местное право. 2024. № 2. С. 3–18.
2. Кискин Е.В. Новый закон о местном самоуправлении в России: тактика или стратегия (опыт факторного анализа) // Федерализм. 2025. Т. 30. № 1. С. 32–51.
3. Mulgan G. The Art of Public Strategy: Mobilizing Power and Knowledge for the Common Good. Oxford: OUP, 2009. 306 p.
4. Кискин Е.В. Некоторые направления развития законодательства о местном самоуправлении в свете поправок к Конституции Российской Федерации // Федерализм. 2020. Т. 25. № 4. С. 107–126.

References

1. Didenko A.N., Babichev I.V. Federal'nyi zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. No. 131 FZ "Ob obshchih printsipah organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii" kak natsional'nyi proekt razvitiya mestnogo samoupravleniya: istoriya transformatsii i prognozy [Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Local Self-Government Organization in the Russian Federation" as a National Project for the Development of Local Self-Government: History of Transformation and Forecasts], *Mestnoe pravo* [Local Law], 2024, No. 2, pp. 3–18. (In Russ.).
2. Kiskin E.V. Novyi zakon o mestnom samoupravlenii v Rossii: taktika ili strategiya (opyt faktornogo analiza) [New Law on Local Self-Government in Russia: Tactics or Strategy (Factor Analysis)], *Federalizm* [Federalism], 2025, Vol. 30, No. 1, pp. 32–51. (In Russ.).
3. Mulgan G. The Art of Public Strategy: Mobilizing Power and Knowledge for the Common Good, Oxford, OUP, 2009, 306 p.
4. Kiskin E.V. Nekotorye napravleniya razvitiya zakonodatel'stva o mestnom samoupravlenii v svete popravok k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii [Some Directions of Development of Legislation on Local Self-Government in Light of Amendments to the Constitution of the Russian Federation], *Federalizm* [Federalism], 2020, Vol. 25, No. 4, pp. 107–126. (In Russ.).

REDISTRIBUTION OF POWERS AS A NEW MODEL FOR REGULATING MUNICIPAL COMPETENCE: A STRATEGIC APPROACH IS REQUIRED

The coming into effect on January 1, 2027 of the provisions of a new Federal Law on Local Self-Government governing municipal competences renders it timely to develop a strategic approach towards the allocation of authority between regional and local governments. In light of this, the article undertakes an attempt to analyze the institute of redistributing local self-governance powers through the prism of both legal regulations and practical implementation across different regions. Special attention has been paid to investigating legislation of all constituent entities of the Russian Federation concerning power redistribution. The author

arrives at the conclusion that regions predominantly reallocate those powers in their own favor which entail minimal financial expenses yet possess considerable influence over municipal development. Potential risks of such an approach are highlighted, including decreased social efficacy of local governance. The research findings underline the necessity of adopting a strategic framework when defining the jurisdictional scope of municipalities at the regional level in pursuit of balancing operational and social performance of local administration.

Keywords: local self-government, competence, redistribution of powers, strategy, legislative (or law-making) strategy, effectiveness of local self-government.

JEL: K10, K19, E61

Дата поступления — 04.08.2025

Принята к печати — 21.08.2025

КИСКИН Евгений Владимирович

директор Центра экспертно-консультационного сопровождения местного самоуправления Института «Высшая школа государственного управления»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» / проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва, 119571.

e-mail: evkiskin@yandex.ru

KISKIN Evgeny V.

Director of the Center for Expert Advisory Support to Local Self-Government of the Institute of “Higher School of Public Administration”;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration” / 82/1, Vernadskogo Av., Moscow, 119571.

e-mail: evkiskin@yandex.ru

Для цитирования:

Кискин Е.В. Перераспределение полномочий как новая модель регулирования компетенции муниципалитетов: необходим стратегический подход // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3 (119). С. 60–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-60-75>

Л.Н. ЛЫКОВА

НАЛОГОВАЯ РЕФОРМА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИТОГОВ ПЕРВОГО ПОЛУГОДИЯ 2025 г. ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ

Предварительные итоги I полугодия 2025 г. свидетельствуют о выраженном снижении темпов роста доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях затухания экономической активности и усложнения экономической ситуации в ряде ключевых отраслей экономики. Рост собственных доходов региональных бюджетов имеет место на фоне сохраняющегося сокращения безвозмездных поступлений из федерального бюджета. Мероприятия налоговой реформы пока более выраженно сказываются на доходах федерального бюджета, чем на доходах субфедеральных бюджетов. В I полугодии имело место сокращение поступлений налога на прибыль в региональные бюджеты (при росте доходов федерального бюджета от этого налога). Рост доходов бюджета от НДФЛ был более выраженным для федерального, чем для региональных бюджетов. Сохранение опережающего роста расходов региональных бюджетов при незначительном увеличении поступлений доходов приводит к нарастанию дефицитов бюджетов субъектов Российской Федерации и, соответственно, к росту государственного субфедерального долга. Списание части задолженности субъектов Федерации по бюджетным кредитам в I полугодии текущего года не повлияло на тенденцию к росту объема их государственного долга.

Ключевые слова: консолидированный бюджет, федеральный бюджет, налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц, регион, региональные бюджеты, межбюджетные трансферты, государственный долг субъектов Российской Федерации.

JEL: H20, H50, H60, H77

Экономическая ситуация в Российской Федерации в I полугодии 2025 г. характеризовалась замедлением динамики ключевых показателей. Темпы роста ВВП по итогам полугодия составили 101,2% (против 104,8% по итогам I полугодия прошлого года). Выраженное снижение коснулось и индекса выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности — по итогам полугодия этот индекс составил 101,4 (против 105,7 в прошлом году). Аналогичная динамика характерна

и для индекса промышленного производства. По итогам I полугодия его значение составляло 101,4 [1] против 104,8 в 2024 г.¹ Сокращение индекса промышленного производства имело место в 37 субъектах Российской Федерации (далее — субъекты РФ), в т.ч. *в ряде ключевых добывающих и перерабатывающих регионов*. В эту группу, в частности, входят Ханты-Мансийский АО, Тюменская и Сахалинская области, Республика Башкортостан, Самарская, Иркутская и Кемеровская области, Красноярский край.

Выраженное замедление хозяйственной активности в стране в целом имело место *на фоне старта реформы налоговой системы* с 1 января 2025 г. Налоговые новации, вступившие в силу с 1 января 2025 г., некоторыми авторами рассматриваются в более широком ключе, как «очередной этап налоговой реформы», связанный с иными, проведенными ранее, корректировками налоговой системы [2, с. 21]. Эти мероприятия могут рассматриваться и фактически рассматриваются в различных аспектах:

- с точки зрения реализации принципов социальной справедливости и распределения налоговой нагрузки на различные группы налогоплательщиков [2; 3];
- с точки зрения влияния на инвестиционную активность [4];
- с точки зрения последствий для доходов бюджетной системы [5].

Ниже мы отчасти коснемся лишь самых первых последствий модификаций 2025 г. налогообложения для региональных бюджетов.

Результаты ключевых мероприятий реформы *вряд ли стоит ожидать в рамках полугодового временного интервала*.

Даже итоги 2025 г. еще не позволят делать выводы о масштабах прироста или сокращения налоговых поступлений в бюджеты различных уровней и об особенностях перераспределительных процессов, порожденных реформой. Результат повышения ставки налога на прибыль организаций начинает проявляться уже в течение текущего года. Прогрессия в рамках НДС/ФЛ будет более выражено сказываться во II полугодии и за пределами текущего налогового периода по мере наступления сроков уплаты различных составляющих налога. Расширение круга налогоплательщиков налога при упрощенной системе налогообложения может проявиться уже по итогам I полугодия. Но оценить степень активности этого процесса, вероятно, удастся только после публикации данных статистической налоговой отчетности за год в целом. Тем не менее рассмотрим предварительные итоги полугодия для региональных бюджетов с точки зрения формирующихся под воздействием налоговых новаций трендов в том виде, в каком они складывались в январе — июне 2025 г.

¹ Социально-экономическое положение России. Январь — июль 2024 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2024.pdf> (дата обращения: 02.09.2025).

Доходы региональных бюджетов

Динамика доходов субфедеральных бюджетов в I полугодии *определяется сложной комбинацией двух указанных блоков факторов*. С одной стороны, экономической динамикой и степенью затухания хозяйственной активности в том или ином субъекте РФ, с другой — изменениями в налоговом законодательстве, которые приводят к перераспределению доходов между бюджетами. Степень воздействия этих групп факторов в значительной мере определяется *отраслевой специализацией регионов, а также их географическим положением*. Последний элемент стал более выражено сказываться на макроэкономических и бюджетных показателях в последние годы под влиянием существенных модификаций транспортно-логистических цепочек.

В целом итоги I полугодия 2025 г. для консолидированных бюджетов субъектов РФ могут быть оценены позитивно — сохраняется превышение прошлогодних поступлений доходов в бюджеты регионов. Так, по итогам января — июня 2025 г. общая сумма доходов региональных бюджетов превысила полугодовые показатели прошлого года на 3,3% (см. табл. I). В то же время такой прирост поступлений не компенсирует их инфляционного обесценения. В реальном выражении доходы субфедеральных бюджетов составили всего 93,9% прошлогодних.

В субъектах РФ ситуация различается. Позитивная динамика общей суммы доходов консолидированных бюджетов субъектов Федерации наблюдалась в большинстве регионов (в 54 субъектах). При этом только в 15 регионах рост общей суммы доходов был выше темпов инфляции, в остальных же увеличение объемов поступлений носило лишь номинальный характер. Существенное (более чем на 10%) сокращение доходов имело место в 9 субъектах РФ и затронуло как регионы с доминированием добывающей промышленности (Сахалинскую, Тюменскую, Кемеровскую области, Республику Коми), так и регионы с перерабатывающей промышленностью (в частности, Оренбургскую и Вологодскую области). Менее значительное сокращение общей суммы доходов имело место в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Новосибирской, Нижегородской и Саратовской областях.

Традиционно основной объем прироста доходов региональных бюджетов приходится на столичный регион — свыше 37% общей суммы прироста поступлений — это прирост доходов Москвы и Московской области.

В последние годы сформировалась тенденция к сокращению безвозмездных поступлений из федерального бюджета на фоне отчетливого увеличения поступлений собственных доходов. I полугодие 2025 г. не является исключением — собственные доходы субфедеральных бюджетов номинально увеличились (на 4,4%), а трансферты из федерального бюджета сократились (на 2,5%). С учетом темпов инфляции собственные доходы региональных бюджетов составили всего 94,9% прошлогодних.

Позитивная динамика собственных доходов в I полугодии имела место в 66 субъектах РФ, но только в 31 регионе темпы роста собственных доходов были выше темпов инфляции.

Т а б л и ц а 1

**Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ
в I полугодии 2024 и 2025 гг.**

Показатель	2024	2025		
	Млрд руб.	Млрд руб.	В % к 2024 номинально	В % к 2024 с учетом инфляции
1	2	3	4	5
Доходы — всего	11 132,3	11 496,40	103,3	93,90
Из них:				
Налог на прибыль организаций	2 882,8	2 660,5	92,3	83,9
НДФЛ	3 236,5	3 576,5	110,5	100,5
Акцизы	584,1	570,5	97,7	88,8
Налоги на имущество	765,9	820,9	107,2	97,4
В т.ч.:				
Налог на имущество организаций	628	666,60	106,1	96,5
Налог на имущество физических лиц	10,3	10,0	97,1	88,3
Земельный налог	78,5	97,5	124,2	112,9
Транспортный налог	48,1	45,5	94,6	86,0
Налоги на совокупный доход	791,6	903,7	114,2	103,8
В т.ч.:				
Упрощенная система налогообложения	704,2	787,7	111,9	101,7
Единый сельскохозяйственный налог	15,4	19,4	126,0	114,5
Патентная система	40,7	48,5	119,2	108,3
Налог на профессиональный доход	25,8	39,5	153,1	139,2
Доходы от использования государственной и муниципальной собственности	400,5	540,2	134,9	122,6
Безвозмездные поступления	1 794,4	1 749,5	97,5	88,6

Источник: рассчитано по: [6; 7].

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2	3	4	5
В т.ч.:				
Дотации	658,6	593,3	90,1	81,9
Субсидии	819,4	776,0	94,710	86,1
Субвенции	167,4	174,8	104,412	94,9
Иные межбюджетные трансферты	149,0	205,4	137,9	125,3

Основными источниками налоговых доходов региональных бюджетов остаются налог на прибыль организаций и НДФЛ. Именно эти два налога наряду с налогом при упрощенной системе налогообложения подверглись наиболее значительным корректировкам в ходе налоговой реформы 2025 г. На долю двух подоходных налогов традиционно приходится более 54% общей суммы доходов региональных бюджетов и более 60% их собственных доходов. При этом необходимо отметить, что доля этих двух налогов в общей сумме собственных доходов в последние три года имела выраженную тенденцию к снижению. Если в 2023 г. (по итогам I полугодия) на два подоходных налога приходилось более 68% собственных доходов, то в 2024 г. — уже 65,5%, а по итогам января — июня 2025 г. — 64,0%. Сокращение доли этих налогов в составе собственных доходов в значительной мере связано с опережающими темпами роста доходов (и их доли) от использования государственной и муниципальной собственности на фоне высоких ставок финансовых рынков. По итогам I полугодия 2025 г. поступления налога на прибыль в консолидированные бюджеты субъектов РФ *сократились, в то время как доходы от НДФЛ увеличились.*

Сокращение поступлений налога на прибыль в региональные бюджеты лишь отчасти связано с сокращением общей суммы прибыли хозяйствующих субъектов в ряде субъектов РФ. В целом по стране объемы прибыли по итогам полугодия превысили показатели предшествующего года на 1,6%. Однако эти данные являются предварительными и не учитывают некоторые категории экономических агентов (субъекты малого предпринимательства, кредитные организации, государственные (муниципальные) учреждения, некредитные финансовые организации [1, с. 311]). Отчасти поступления налога на прибыль могли сократиться и из-за перехода некоторых организаций на упрощенную систему налогообложения в связи с повышением лимитов для этого 1 января 2025 г. На фоне сокращения поступлений налога на прибыль в региональные бюджеты доходы федерального бюджета от этого налога существенно увеличились — на 64,3%. Сказывается как повышение ставки налога в ее федеральной части с 3 до 8%, так и некоторое увеличение доли доходов, связанных со ставками финансовых рынков в составе облагаемых этим налогом доходов.

По итогам полугодия не просматривается однозначной зависимости между динамикой прибыли по данным статистической отчетности и поступлениями налога в консолидированный бюджет субъекта РФ. Сокращение доходов региональных бюджетов от данного налога в январе — июне 2025 г. имело место в 58 субъектах РФ².

Наиболее значительные потери поступлений приходятся на такие регионы, как Тюменская область (поступления сократились более чем на 25%) и Челябинская область (сокращение поступлений составило 33,3%). На эти два субъекта РФ приходится 14,9% всех потерь поступлений налога. В целом же на 12 субъектов РФ (см. табл. 2) приходится более 55% общей суммы потерь данного налога по итогам полугодия. При этом в целом динамика прибыли не во всех субъектах РФ данной группы была негативной. Так, по данным статистической отчетности в некоторых из них имел место рост прибыли, в частности, в Тюменской области, в Ямало-Ненецком АО, Сахалинской области и некоторых др. Данная ситуация может быть связана с тем, что статистические данные отражают исключительно ситуацию текущего года, а налоговые поступления в I полугодии включают также итоговые расчеты по данному налогу за предшествующий год.

В группу регионов с существенным ростом поступлений налога на прибыль по итогам полугодия входят 28 субъектов РФ. Более 72% прироста поступлений налога приходится на 6 субъектов (см. табл. 2), в т.ч. 21,1% прироста поступлений — на Москву. При этом в целом динамика поступлений налога в этом субъекте РФ существенно отставала от темпов инфляции.

Повышение ставки налога на прибыль с 1 января 2025 г. пока (по итогам полугодия) выражено не сказывается на распределении общей суммы поступлений этого налога между федеральным и консолидированным бюджетами субъектов РФ. На относительно непродолжительном временном интервале более существенное влияние на данный показатель оказывают иные факторы.

Так, если по итогам первых пяти месяцев 2024 г. доля федерального бюджета в общей сумме налога составляла 27,3%³ (28,4% по итогам 2024 г. в целом), то по итогам первых пяти месяцев 2025 г. она сократилась до 24,0%.

В различных регионах доля федеральной составляющей в общей сумме налога в начале текущего года *менялась разнонаправленно*, но в большинстве субъектов РФ на фоне повышения федеральной составляющей ставки она даже сократилась.

Так, в Тюменской области при сокращении поступлений налога на прибыль в региональный бюджет доля федеральной составляющей в общей сумме налога увеличилась, а в Москве при незначительном увеличении поступлений налога доля федеральной составляющей сократилась. Ключевым фактором в данном случае, вероятно, является структура доходов налогоплательщиков, их число, а также объемы предоставляемых субъектами федерации налоговых льгот.

² Данные приводятся без учета четырех новых регионов Российской Федерации.

³ По данным на 1 июня 2025 г. [8]. На момент подготовки статьи к публикации данные на 1 июля 2025 г. не были обнародованы по сайте ФНС.

Т а б л и ц а 2

Субъекты РФ с наиболее значительными потерями и приростом поступлений налога на прибыль организаций, I полугодие 2025 г. по сравнению с I полугодием 2024 г.

Регионы	Темп роста поступлений налога на прибыль, %	Темп роста прибыли, %	Прирост / потери поступлений налога на прибыль, млрд руб.	Доля в приросте / потерях поступлений, %	Доля федеральной составляющей в общей сумме налога на территории субъекта РФ ^{*)} , % / изменение доли по сравнению с аналогичным периодом 2024, п.п.
<i>Сокращение поступлений налога</i>					
Тюменская область	74,7	109,1	-23,9	8,6	23,5 / +7,4
Челябинская область	66,7	70,7	-17,7	6,4	14,0 / -0,4
Ямало-Ненецкий АО	73,57	109,2	-16,5	5,9	27,3 / -9,0
Ханты-Мансийский АО – Югра	80,9	50,4	-13,9	5,0	25,6 / +3,6
Санкт-Петербург	93,2	84,4	-13,5	4,8	30,4 / -7,1
Республика Коми	46,1	87,9	-12,2	4,4	21,7 / +11,3
Иркутская область	75,7	89,1	-11,2	4,0	14,7 / +1,9
Республика Саха (Якутия)	71,7	99,2	-10,9	3,9	12,0 / -0,3
Сахалинская область	84,4	130,0	-9,8	3,5	41,6 / -14,0
Новосибирская область	78,6	151,1	-8,9	3,2	14,6 / -1,4
Белгородская область	69,3	67,21	-8,7	3,1	16,3 / + 0,9
Республика Татарстан	89,7	99,5	-8,6	3,1	21,7 / -1,7
<i>Рост поступлений налога</i>					
Амурская область	131,8	176,7	3,2	5,7	13,5 / +0,4
Калининградская область	145,1	314,7	3,7	6,7	27,6 / -5,6
Камчатский край	249,3	161,0	4,5	7,9	13,0 / +0,4
Магаданская область	225,5	190,7	8,2	14,6	12,2 / +5,2
Забайкальский край	192,5	134,2	9,2	16,36	9,6 / +1,8
Москва	101,4	99,4	11,9	21,16	33,7 / -2,3

Источник: рассчитано по: [1; 6; 7; 8].

^{*)} По данным на 1 июня 2025 г.

На фоне сокращения поступлений налога на прибыль организаций по итогам полугодия наблюдается рост поступлений второго ключевого для региональных бюджетов налога — НДС. Более того, доля этого налога в структуре собственных доходов субфедеральных бюджетов *увеличивается* — с 23,9% по итогам I полугодия 2023 г. и 29,1% в 2024 г. до 31,1% по итогам I полугодия 2025 г. При этом доля налога на прибыль сокращается (с 30,9% в 2023 г. до 23,1% по итогам I полугодия 2025 г.). *НДС*, таким образом, *становится первым по значимости источником доходов региональных бюджетов*.

По итогам января — июня 2025 г. поступления НДС в региональные бюджеты превысили показатели аналогичного периода прошлого года на 10,5% (в реальном исчислении — на 0,5%). Если динамика поступлений налога на прибыль по регионам выраженно различалась, то поступления НДС увеличились практически во всех субъектах РФ. Единственным исключением стала Иркутская область, где доходы бюджета от данного налога не превысили прошлогодних значений (при этом динамика средней начисленной заработной платы и в этом регионе была повышательной). Доходы региональных бюджетов от этого налога росли с опережением темпов инфляции в 71 субъекте РФ.

Доля поступлений НДС, исчисленных исходя из введенной прогрессии в налогообложении (в части более высоких, чем 13% ставок) для консолидированного бюджета страны, пока незначительно превышает 10%. В то же время для федерального бюджета она по итогам I полугодия превысила 60%. Существенной остается и доля налога, исчисленного с такой налоговой базы, как доходы от долевого участия в организациях (дивидендов), — более 31% (см. табл. 3).

В структуре поступлений НДС в консолидированные бюджеты субъектов РФ в текущем году более 75% приходится на поступления налога, исчисленные по ставке 13% с доходов, не превышающих 2,4 млн руб. (а также по этой ставке с доходов, не превышающих 5 млн руб. по расчетам за прошлые годы). Доля налога, исчисленного с доходов от долевого участия, остается на уровне 7,4%. Итоги первого полугодия не являются показательными — в начале года при исчислении налога более существенно сказываются налоговые вычеты (в частности, стандартные налоговые вычеты на детей, которые существенно увеличены с 2025 г.), сказываются и вычеты по итогам предшествующего года. В то же время во втором полугодии более отчетливо будет просматриваться увеличение поступлений, исчисленных по повышенным ставкам, а также налога в отношении доходов в виде процентов по банковским вкладам.

Еще одним налогом, подвергшимся существенным модификациям в ходе налоговой реформы, является налог, взимаемый при упрощенной системе налогообложения.

Так, *был расширен круг экономических агентов*, которые могут переходить на данный режим (увеличены лимиты доходов и численности занятых), но введен НДС для некоторых категорий плательщиков по ранее не использовавшейся в российской налоговой системе модели. Предполагалось, что некоторые организации и индивидуальные пред-

приниматели, которые ранее были налогоплательщиками в рамках общей системы налогообложения (были плательщиками налога на прибыль, НДС и некоторых других налогов), будут переходить на уплату налога в рамках упрощенной системы налогообложения. Это отчасти позволит компенсировать потери поступлений налога на прибыль. По итогам I полугодия сложно сделать вывод о том, насколько активным был процесс перехода с общей системы налогообложения на специальную (специальный налоговый режим) с учетом модифицированного НДС. В целом по итогам полугодия поступления налога при упрощенной системе налогообложения превысили показатели 2024 г. на 11,9%, или на 83,5 млрд руб. (напомним, что потери поступлений налога на прибыль за счет всего спектра факторов в общей сумме составили более 222 млрд руб.). Таким образом, *выраженного роста поступлений данного налога в консолидированные бюджеты субъектов РФ пока не произошло.*

Т а б л и ц а 3

**Поступления НДФЛ в бюджетную систему Российской Федерации
в январе – июне 2025 г.**

Показатель	Консолидированный бюджет Российской Федерации, млрд руб.	Федеральный бюджет, млрд руб.	Консолидированные бюджеты субъектов РФ, млрд руб.	Консолидированный бюджет Российской Федерации, в % к итогу	Федеральный бюджет, в % к итогу	Консолидированные бюджеты субъектов РФ, в % к итогу
Налог на доходы физических лиц – всего	3 686	109,5	3 576,5	100,0	100,0	100,0
В т.ч. исчисленный						
С дохода менее 2,4 млн руб. (по ставке 13% ^{*)})	2 695,5	0,0	2 695,6	73,1	0,0	75,4
С дохода свыше 2,4, но менее 5 млн руб. (по ставке 15%)	248,2	16,2	232,0	6,7	14,8	6,5
С дохода свыше 5, но менее 20 млн руб. (по ставке 18%)	80,3	22,4	57,8	2,2	20,5	1,6
С дохода свыше 20, но менее 50 млн руб. (по ставке 20%)	30,5	10,7	19,8	0,8	9,8	0,6
С дохода свыше 50 млн руб. (по ставке 22%)	42,7	17,1	25,7	1,2	15,6	0,7
С доходов от долевого участия (дивидендов)	316,2	34,4	281,8	8,6	31,4	7,9
С налоговых баз с иными режимами налогообложения	272,6	8,7	263,8	7,4	7,9	7,4

Источник: рассчитано по: [7].

^{*)} А также по ставке 15% с дохода, не превышающего 5 млн руб. по расчетам за прошлые налоговые периоды.

В то же время активный рост демонстрируют поступления иных налогов из группы налогов на совокупный доход. Так, доходы региональных бюджетов от патентной системы налогообложения увеличились на 19,2% (на 7,8 млрд руб.), а от налога на профессиональный доход — на 53,1% (на 13,7 млрд руб.), что существенно превышает темпы инфляции (см. табл. 1). Доля этих двух налогов в составе налогов на совокупный доход в целом остается незначительной, но существенно растет в последние годы. Если по итогам I полугодия 2023 г. на эти два налога приходилось 6,1% налогов на совокупный доход, в 2024 г. — 8,4%, то по итогам января — июня 2025 г. — уже 9,7%.

Поступления единого сельскохозяйственного налога по итогам полугодия также росли более активно, чем поступления при УСН — на 26,0% (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года). Таким образом, в целом по группе налогов на совокупный доход просматривается выраженная позитивная динамика поступлений — они увеличились на 14,2%, или на 139,7 млрд руб. При этом почти 20% прироста поступлений было обеспечено за счет налога при патентной системе налогообложения и налога на профессиональный доход.

Поимущественные налоги *остаются третьим по значимости источником налоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ* (после НДФЛ и налога на прибыль организаций). По итогам I полугодия 2025 г. доходы региональных бюджетов от налогов данной группы увеличились на 55,0 млрд руб., или на 7,2%. Таким образом, с учетом темпов инфляции поступления поимущественных налогов составили всего 97,4% прошлогодних. Наиболее существенный рост в рамках рассматриваемого временного интервала продемонстрировали поступления земельного налога — они превысили показатели 2024 г. на 24,2% (на 19,0 млрд руб.). Рост поступлений основного налога группы — налога на имущество организаций был не столь выражен. Прошлогодние показатели были превышены всего на 6,2%, или на 38,6 млрд руб. В реальном исчислении поступления данного налога составили только 96,5% прошлогодних. Динамика поступлений двух других налогов группы — транспортного налога и налога на имущество физических лиц была негативной — их поступления сократились даже по номинальным показателям (на 0,3 млрд руб. и 2,6 млрд руб. соответственно). В реальном исчислении доходы региональных бюджетов от этих налогов не превысили 89% прошлогодних сумм.

По итогам января — июня 2025 г. отстают от прошлогодних значений поступления акцизов в консолидированные бюджеты субъектов РФ — по итогам полугодия они составили 97,7% прошлогодних (88,8% с учетом темпов инфляции). Их доля в общем объеме доходов региональных бюджетов по итогам I полугодия составила 5,0%, *основную роль в формировании данной категории поступлений играют акцизы на бензин и дизельное топливо*. На эти две позиции приходится более 63% всех налогов данной группы. По сравнению с итогами полугодия 2024 г. поступления акцизов на бензин сократилось на 11,9 млрд руб.

(на 5,9%), а акцизов на дизельное топливо — на 12,3 млрд руб., или на 6,6%. Рост поступлений акцизов на пиво (они увеличились на 9,4 млрд руб., или на 8,9%) и иных групп акцизов (на 1,2 млрд руб., или на 1,3%) не мог в полной мере компенсировать потери доходов по двум ключевым позициям.

Значимую роль в формировании доходов региональных бюджетов играют поступления доходов от использования государственного и муниципального имущества (доходы от размещения временно свободных средств бюджета, доходы от операций по управлению остатками средств на едином казначейском счете, доходы в виде арендной платы и некоторые другие виды доходов). В целом по всем субъектам РФ эти доходы превысили прошлогодние значения на 34,9%, или на 139,7 млрд руб. В т.ч. доходы от размещения временно свободных средств бюджетов возросли на 132,9 млрд руб. Более 50% прироста данной категории доходов приходится на три субъекта РФ — Москву, Московскую область и Республику Татарстан. Также различается и роль, которую играют эти поступления в формировании доходов региональных бюджетов. Если в целом по всем субъектам РФ доходы от использования государственного и муниципального имущества формируют 4,7% доходов, то для некоторых этот показатель превышает 8% (Республика Татарстан, Смоленская и Липецкая области, Севастополь, Ненецкий АО).

Как уже отмечалось выше, сокращается доля безвозмездных поступлений в структуре доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ.

Так, если в 2023 г. (по итогам I полугодия) за счет федеральных трансфертов формировалось более 19,0% общей суммы доходов, то в 2024 г. эта доля снизилась до 16,2%, а в 2025 г. составила 15,2%. Такая динамика этих поступлений отчасти была следствием роста собственных, и в первую очередь налоговых, доходов субъектов РФ и сокращением числа регионов, получающих дотации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности (в 2025 г. 26 субъектов не получают эти дотации). Включение в общую систему трансфертов новых регионов делало эту тенденцию не столь выраженной.

По сравнению с показателями января — июня 2024 г. безвозмездные поступления в региональные бюджеты сократились на 44,9 млрд руб., или на 2,5%. В реальном исчислении их сумма составила 88,6% прошлогодних (см. табл. 1). Наиболее существенным стало сокращение общей суммы дотаций (на 65,3 млрд руб., или на 9,1%). Значительно сократились и суммы субсидий (на 43,4 млрд руб., или на 5,3%). Существенное увеличение иных межбюджетных трансфертов (на 56,4 млрд руб., или на 37,9%) далеко не в полной мере компенсировало это сокращение. Увеличение объема предоставляемых субвенций на 7,4 млрд руб., или на 4,4%, не компенсирует их инфляционного обесценения.

Расходы региональных бюджетов и государственный долг субъектов РФ

На фоне незначительного номинального роста объема доходов расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ *росли не только номинально, но и в реальном выражении*. По итогам I полугодия 2025 г. они превысили прошлогодние показатели на 15,7% (на 5,2% с учетом темпов инфляции), или на 1 617,8 млрд руб. Увеличение объемов финансирования в I полугодии наблюдалось в подавляющем большинстве субъектов РФ. Исключение составили лишь 9 регионов, где фактически осуществленные расходы пока отстают от прошлогодних значений. В их числе, в частности, — Республика Крым, Кемеровская, Костромская и Новгородская области и некоторые другие.

Увеличение объемов финансирования расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в I полугодии 2025 г. имеет место по большинству основных разделов (см. табл. 4). Исключение составляют расходы на национальную безопасность и правоохранительную деятельность, которые пока отстают от прошлогодних показателей на 18,7%, или на 33,9 млрд руб. Наиболее активно растущими направлениями финансирования являются расходы на национальную экономику, на образование и на социальную политику. На эти три раздела приходится более 78% общей суммы прироста расходов. По сравнению с прошлогодними показателями расходы на национальную экономику увеличились на 24,6%, расходы на образование — на 11,8%, а расходы на социальную политику — на 22,8%.

Т а б л и ц а 4

Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ в I полугодии 2024 и 2025 гг.

Показатель	2024	2025		
	Млрд руб.	Млрд руб.	В % к 2024	Млрд руб., прирост по сравнению с 2024
1	2	3	4	5
Расходы — всего	10 276,4	11 894,2	115,7	1 617,8
Общегосударственные вопросы	661,0	725,8	109,8	64,8
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	181,2	147,2	81,3	-33,9
Национальная экономика	1 911,2	2 381,2	124,6	469,9
ЖКХ	910,7	984,4	108,1	73,7
Образование	2 796,5	3 126,9	111,8	330,4

Источник: рассчитано: [9; 10].

О к о н ч а н и е т а б л . 4

1	2	3	4	5
Культура и кинематография	381,4	474,6	124,4	93,2
Здравоохранение	935,7	1 060,0	113,3	124,3
Социальная политика	2 084,5	2 559,2	122,8	474,7
Физическая культура и спорт	249,8	299,4	119,9	49,7
Обслуживание государственного и муниципального долга	30,9	43,5	141,1	12,7
Прочие расходы	133,5	91,9	68,8	-41,6
Сальдо	855,8	-397,8		-1 253,6

Столь высокие темпы роста расходов при незначительном приросте доходов привели к исполнению консолидированных бюджетов субъектов РФ по общей сумме с дефицитом в размере 397,8 млрд руб. Фактически 3,3% всех расходов по итогам рассматриваемого периода было профинансировано за счет дефицита бюджета. Напомним, что по итогам полугодия 2024 г. сальдо региональных бюджетов было положительным (855,8 млрд руб.). *Большинство субъектов РФ в I полугодии 2025 г. имело дефицитные бюджеты*, только в 18 регионах бюджетное сальдо было положительным.

Самыми значительными были показатели профицита бюджета в Москве и Республике Татарстан (10,5% расходов и 23,8% расходов соответственно). Наиболее серьезными проблемы с дефицитом бюджета в I полугодии 2025 г. были в Кемеровской области, где в условиях выраженного сокращения доходов (на 14,1%) расходы сократились менее чем на 1%, а более 25% фактически осуществленных расходов имело дефицитное финансирование.

Проблемы с формированием доходов консолидированных бюджетов большинства регионов и необходимость прибегать к дефицитному финансированию части расходов *приводит к росту объема государственного и муниципального долга*.

По итогам I полугодия 2025 г. объем долговых обязательств субъектов РФ превысил 3 270,0 млрд руб. По сравнению с началом года госдолг увеличился на 130,9 млрд руб., или на 4,2% (а по сравнению с I полугодием 2024 г. прирост объема задолженности составил 185,2 млрд руб.). В основном объем долговых обязательств рос за счет бюджетных кредитов – на 149,0 млрд руб. (на 6,1%). Незначительно увеличилась и задолженность по банковским кредитам – на 12,8 млрд руб. (на 5,6%). Сокращение обязательств имело место по государственным и муниципальным ценным бумагам (на 6,7%, или 25,9 млрд руб.). При том, что доля бюджетных кредитов в общем объеме долговых обязательств остается весьма значительной и по состоянию на 1 июля 2025 г. превы-

шает 79,5%, имеет место незначительное сокращение этой доли (с 80,6% по итогам первого полугодия 2024 г.). Определенную роль в сокращении объема долговых обязательств играет Федерация — в I полугодии 2025 г. ряду субъектов РФ, выполнившим определенные условия, была списана задолженность по бюджетным кредитам. Так, в соответствии с действующими правилами⁴, Минфином России были заключены соглашения о списании задолженности на общую сумму 15,6 млрд руб. с Республикой Адыгея, Алтайским и Ставропольским краями⁵. В текущем году общая сумма задолженности регионов, запланированная к списанию, может составить 160 млрд руб. Напомним, что регионы могут, заключив соглашение с Минфином, списать 2/3 задолженности перед Российской Федерацией, сложившейся по состоянию на 1 марта 2024 г., при условии целевого использования высвобождающихся средств на цели реализации национальных проектов, решения ряда проблем ЖКХ, переселения граждан из аварийного жилья и некоторые другие цели. Списание задолженности по бюджетным кредитам некоторым субъектам РФ тем не менее не формирует понижающего тренда по данному виду долговых обязательств — в первом полугодии 2025 г. объем задолженность по бюджетным кредитам субъектов РФ нарастал.

В I полугодии 2025 г. объем государственного и муниципального долга увеличился в 38 субъектах РФ, а снизился — в 25. В остальных объем долговых обязательств в начале года не изменился.

Наиболее существенный прирост государственного долга как по относительным, так и по абсолютным значениям имел место в 8 субъектах РФ (см. табл. 5), на которые приходится 57,1% общей суммы прироста обязательств. Во всех регионах группы имел место рост задолженности по бюджетным кредитам, а в некоторых — он сопровождался и ростом задолженности перед банковским сектором. Так, существенный рост долга имел место в Кемеровской области, испытывающей проблемы в ключевой для региона отрасли — угледобыче и, как следствие, имеющей проблемы с формированием доходов консолидированного бюджета. Похожая в целом картина имеет место также в Иркутской и в Архангельской областях.

Существенное сокращение объема государственного долга имело место в двух регионах (Московской области и Санкт-Петербурге), где наблюдалось погашение ранее эмитированных ценных бумаг, а также в Ставропольском крае, где оно было достигнуто, в т.ч. за счет списания задолженности перед Минфином России.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2025 г. № 79 «Об утверждении Правил списания задолженности субъектов Российской Федерации перед Российской Федерацией по отдельным бюджетным кредитам и направления субъектами Российской Федерации средств, высвобождаемых в результате списания задолженности субъектов Российской Федерации по указанным бюджетным кредитам». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502060027> (дата обращения: 02.09.2025).

⁵ По состоянию на 10 июля 2025 г. таких регионов было уже 25, а общая сумма списания составила 42,7 млрд руб. См.: Распоряжение от 10 июля 2025 года № 1853-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507140024?index=1> (дата обращения: 02.09.2025).

Т а б л и ц а 5

Динамика государственного и муниципального долга субъектов РФ по состоянию на 1 июля 2025 г. по сравнению с 1 января 2025 г.

Субъект РФ	Темп роста, %	Прирост, млрд руб.	Доля в общей сумме прироста/сокращения, %	Виды обязательств, определивших динамику
<i>Нарастившие объем государственного и муниципального долга</i>				
Чукотский автономный округ	253,4	12,0	6,1	Бюджетные кредиты
Иркутская область	174,3	26,4	13,4	Бюджетные и банковские кредиты
Кемеровская область	144,1	29,7	15,1	Бюджетные и банковские кредиты
Тульская область	137,8	8,8	4,5	Бюджетные кредиты
Белгородская область	131,5	8,6	4,4	Бюджетные и банковские кредиты
Республика Саха (Якутия)	126,5	14,6	7,4	Бюджетные кредиты
Архангельская область	121,7	18,9	9,6	Бюджетные и банковские кредиты
Мурманская область	120,6	10,8	5,5	Бюджетные и банковские кредиты
Иные субъекты РФ, нарастившие долговые обязательства		67,2	42,9	
<i>Сократившие объем государственного и муниципального долга</i>				
Московская область	92,0	-18,0	22,6	Ценные бумаги
Республика Татарстан (Татарстан)	88,4	-13,0	16,4	Госгарантии
Санкт-Петербург	86,0	-10,2	12,8	Ценные бумаги
Ставропольский край	50,7	-12,9	16,2	Бюджетные кредиты
Иные субъекты РФ, сократившие долговые обязательства		-25,6	32,1	

Источник: рассчитано по: [11].

В целом в I полугодии сохраняется сформировавшаяся в постковидный период тенденция — имеет место *перераспределение* (скрытое или явное) *имеющихся доходов в пользу федерального бюджета, наиболее тяжело сказывающееся на проблемных регионах*. Недостаток доходов фактически компенсируется бюджетными кредитами (или первоначаль-

но банковскими кредитами, которые впоследствии замещаются бюджетными). А через некоторое время эта задолженность перед Минфином может быть списана (или подпасть под рассрочку). Проблема недостатка доходов, объективно необходимых для финансирования расходов, при этом не решается.

* * *

Подведем некоторые итоги сказанному выше.

1. Замедление экономической активности в результате ограничения воздействия бюджетного импульса и усложнения хозяйственной ситуации в ряде ключевых отраслей экономики приводит к усугублению проблем с формированием доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ во многих регионах страны. Их динамика существенно различается по регионам и определяется сложной совокупностью разнонаправленно действующих факторов.

2. Результаты налоговой реформы в I полугодии позитивно сказались на доходах федерального бюджета, но не на доходах бюджетов субфедерального уровня. Рост поступлений НДС, в т.ч. за счет применения повышенных налоговых ставок, в I полугодии не компенсировал сокращение поступлений налога на прибыль. В то же время ситуация II полугодия может продемонстрировать более позитивные тенденции — поскольку расчет налога ведется нарастающим итогом с начала года, по мере увеличения общей суммы полученного налогоплательщиками дохода будет снижаться относительная сумма налоговых вычетов. Также будет увеличиваться доля налоговых платежей, исчисленных по повышенным ставкам. Поступления налога с доходов от банковских вкладов также скажется на доходах в конце года. Результаты реформирования налога при упрощенной системе налогообложения для региональных бюджетов пока выраженно не просматриваются.

3. Опережающий рост расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ на фоне незначительного роста поступлений приводит к росту числа регионов, прибегающих к дефицитному финансированию. Соответственно имеет место рост объема государственного и муниципального долга субъектов РФ. Списание некоторой части государственного долга перед Минфином не меняет общей картины и не снимает сформировавшихся в этом сегменте проблем.

Список литературы

1. Социально-экономическое положение России. Январь — июль 2025 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). С. 311. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (дата обращения: 02.09.2025).
2. Пансков В.Г. Налоговая реформа — 2025: продолжение следует... // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 18 (1). С. 18–31.

3. Николаев А.В., Клоницкая А.Ю. Фискальный эффект трансформации упрощенной системы налогообложения // *Аудитор*. 2025. Т. 11. № 2. С. 22–29.
4. Гончаренко Л.И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования // *Финансы: теория и практика*. 2024. № 28 (4). С. 108–121.
5. Семенова Г.Н. Влияние прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц на формирование доходов региональных бюджетов // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025. Т. 7. № 2. С. 74–84.
6. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 июля 2024 г. // Федеральное Казначейство Минфина России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzhethet/191/> (дата обращения: 03.09.2025).
7. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 июля 2025 г. // Федеральное Казначейство Минфина России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzhethet/191/> (дата обращения: 03.09.2025).
8. Отчет по форме № 1-НМ. Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов, страховых взносов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации по состоянию на 01.06.2025 // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/16031004/ (дата обращения: 10.06.2025).
9. Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда (в разрезе субъектов Российской Федерации) на 01.07.2025 // Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/1019/> (дата обращения: 03.09.2025).
10. Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда (в разрезе субъектов Российской Федерации) на 01.07.2024 // Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/1019/> (дата обращения: 03.09.2025).
11. Государственный долг субъектов РФ на 01.07.2025; на 01.01.2025; на 01.07.2024 // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. URL: <https://budget.gov.ru/Бюджет/Государственный-долг/Государственный-долг-субъектов-РФ?regionId=45000000> (дата обращения: 03.09.2025).

References

1. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar' – iyul' 2025 g. [The Socio-Economic Situation of Russia. January – July 2025], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat)* [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. P. 311. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (accessed 02 September 2025).
2. Panskov V.G. Nalogovaya reforma – 2025: prodolzhenie sleduet... [Tax Reform – 2025: to be Continued...], *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right], 2025, No. 18 (1), pp. 18–31. (In Russ.).
3. Nikolaev A.V., Klonitskaya A.Yu. Fiskal'nyi effekt transformacii uproszhchennoi sistemy nalogoblozheniya [Fiscal Effect of Transformation of the Simplified Taxation System], *Auditor* [Auditor], 2025, Vol. 11, No. 2, pp. 22–29. (In Russ.).

4. Goncharenko L.I. Nalogovye preferencii v prostranstvennom razvitii strany: terminologicheskii aspekt issledovaniya [Tax Preferences in the Spatial Development of the Country: A Terminological Aspect of Research], *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 2024, No. 28 (4), pp. 108–121. (In Russ.).

5. Semenova G.N. Vliyaniye progressivnoi shkaly nalogooblozheniya dohodov fizicheskikh lic na formirovaniye dohodov regional'nykh byudzhetrov [The Influence of the Progressive Scale of Taxation of Personal Income on the Formation of Regional Budget Revenues], *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Federal Treasury of the Ministry of Finance of the Russian Federation], 2025, Vol. 7, No. 2, pp. 74–84. (In Russ.).

6. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo byudzheta Rossiiskoi Federacii i byudzhetrov gosudarstvennykh vnebyudzhetnykh fondov na 1 iyulya 2024 g. [Report on the Implementation of the Consolidated Budget of the Russian Federation and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of July 1, 2024], *Federal'noe Kaznacheistvo Minfina Rossii* [Federal Treasury of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheto/191/> (accessed 03 September 2025).

7. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo byudzheta Rossiiskoi Federacii i byudzhetrov gosudarstvennykh vnebyudzhetnykh fondov na 1 iyulya 2025 g. [Report on the Implementation of the Consolidated Budget of the Russian Federation and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of July 1, 2025], *Federal'noe Kaznacheistvo Minfina Rossii* [Federal Treasury of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheto/191/> (accessed 03 September 2025).

8. Otchet po forme N 1-NM. Otchet o nachislenii i postuplenii nalogov, sborov, strahovykh vnosov i innykh obyazatel'nykh platezhei v byudzhethnuyu sistemu Rossiiskoi Federacii po sostoyaniyu na 01.06.2025 [Report on form No. 1-NM. Report on the Accrual and Receipt of Taxes, Fees, Insurance Premiums and Other Mandatory Payments to the Budget System of the Russian Federation as of 06/01/2025], *Federal'naya nalogovaya sluzhba* [Federal Tax Service]. (In Russ.). Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/16031004/ (accessed 10 June 2025).

9. Informatsiya ob ispolnenii konsolidirovannogo byudzheta sub"ekta Rossiiskoi Federacii i byudzheta territorial'nogo gosudarstvennogo vnebyudzhetnogo fonda (v razreze sub"ektov Rossiiskoi Federacii) na 01.07.2025 [Information on the Execution of the Consolidated Budget of a Constituent Entity of the Russian Federation and the Budget of the Territorial State Extra-Budgetary Fund (by Constituent Entities of the Russian Federation) as of 07/01/2025], *Federal'noe kaznacheistvo* [The Federal Treasury]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/1019/> (accessed 03 September 2025).

10. Informatsiya ob ispolnenii konsolidirovannogo byudzheta sub"ekta Rossiiskoi Federacii i byudzheta territorial'nogo gosudarstvennogo vnebyudzhetnogo fonda (v razreze sub"ektov Rossiiskoi Federacii) na 01.07.2024 [Information on the Execution of the Consolidated Budget of a Constituent Entity of the Russian Federation and the Budget of the Territorial State Extra-Budgetary Fund (by Constituent Entities of the Russian Federation) as of 07/01/2024], *Federal'noe kaznacheistvo* [The Federal Treasury]. Available at: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/1019/> (accessed 03 September 2025).

11. Gosudarstvennyi dolg sub"ektov RF na 01.07.2025; na 01.01.2025; na 01.07.2024 [The State Debt of the Subjects of the Russian Federation as of 07/01/2025; as of 01/01/2025; as of 07/01/2024], *Edinyi portal byudzhetnoi sistemy Rossiiskoi Federacii*

[The Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <https://budget.gov.ru/Бюджет/Государственный-долг/Государственный-долг-субъектов-РФ?regionId=45000000> (accessed 03 September 2025).

TAX REFORM THROUGH THE PRISM OF THE FIRST HALF OF 2025 RESULTS FOR REGIONAL BUDGETS

The preliminary results of the first half of 2025 indicate a marked decrease in the growth rate of revenues of the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation in the context of a slowdown in economic activity and a more complicated economic situation in a number of key sectors of the economy. The growth of own revenues of regional budgets takes place against the background of a continuing reduction in the federal transfer payments. Tax reform measures have so far had a more pronounced impact on federal budget revenues than on sub-federal budget revenues. In the first half of the year, there was a reduction in corporate profit tax receipts to regional budgets (with an increase in federal budget revenues from this tax). The growth in personal income tax revenues was more pronounced for federal than for regional budgets. Maintaining an outstripping growth in regional budget expenditures with a slight increase in revenue receipts leads to an increase in budget deficits in the subjects of the Russian Federation and, consequently, to an increase in government sub-federal debt. The write-off of part of the debt of the subjects of the Russian Federation on budget loans in the first half of this year did not affect the upward trend in the volume of government debt of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: consolidated budget, federal budget, corporate income tax, personal income tax, region, regional budgets, intergovernmental transfers, public debt of the subjects of the Russian Federation.

JEL: H20, H50, H60, H77

Дата поступления — 03.09.2025

Принята к печати — 22.09.2025

ЛЫКОВА Людмила Никитична

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

Для цитирования

Лыкова Л.Н. Налоговая реформа сквозь призму итогов первого полу-
годия 2025 г. для региональных бюджетов // Федерализм. 2025. Т. 30.
№ 3 (119). С. 76–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-76-94>

В.Д. КРИВОВ, А.А. ЛИСИЧКИНА, К.А. САМУСЕВИЧ

**ПРИМЕНЕНИЕ
СТАНДАРТА БЛАГОПОЛУЧИЯ В КОНТЕКСТЕ
ЦЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ,
НОВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И СИСТЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНЫХ СЧЕТОВ 2025 г.**

Российская Федерация приступила к внедрению стандартов Системы национальных счетов 2025 г. Охват статистикой заметно увеличится, и впервые в Системе национальных счетов будут отражены показатели, напрямую касающиеся благополучия домохозяйств. В современных условиях глобализации и стремительных социально-экономических преобразований особую актуальность приобретает вопрос формирования единого стандарта благополучия населения. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: сложностью достижения Целей в области устойчивого развития, установленных на международном уровне; недавним принятием новых национальных проектов в Российской Федерации; сохраняющейся дифференциацией уровня развития между регионами страны. Статья посвящена вопросу разработки и внедрения стандарта благополучия как универсального инструмента воздействия на социально-экономическое развитие государства. В условиях сохраняющегося неравенства и необходимости повышения эффективности государственной социальной политики создание такого стандарта становится критически важным для гармонизации регионального развития и достижения стратегических целей государства. Рассматриваются теоретические основы концепции благополучия, а также практическая значимость внедрения такого стандарта в контексте современных вызовов. Также приводятся примеры успешных практик и подходов, применяемых государствами для улучшения качества жизни граждан, способы оценки успеха таких практик.

Ключевые слова: социальная политика, стандарт благополучия, государственное управление, доверие граждан.

JEL: H110, H410, I310, I320

Взаимосвязь Целей в области устойчивого развития, новых национальных проектов России и Системы национальных счетов 2025 г.

В 2015 г. Организация объединенных наций приняла Цели в области устойчивого развития (далее — ЦУР), которые согласовали лидеры 193 стран. Фактически ЦУР представляют собой глобальный план действий для обеспечения мира и процветания всех людей к 2030 г. Эти цели направлены на решение таких важнейших мировых проблем, как бедность, неравенство, изменение климата, деградация окружающей среды, мир и справедливость.

Всего Целей в области устойчивого развития 17. Все они взаимосвязаны, и их достижение потребует комплексного подхода [1]. Важно отметить, что их выполнение предполагает достижение определенного уровня благосостояния, включающего в себя не только экономические аспекты, но и социальные, экологические и культурные компоненты. Одним из ключевых моментов ЦУР является их ориентация *не только на количественные, но и на качественные характеристики человеческого существования*. Например, подразумеваются удовлетворенность жизнью, ощущение личной безопасности, самореализация и социальная интеграция.

Анализируя связь между ЦУР ООН и Указом Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [2], можно отметить несколько ключевых аспектов, отражающих их взаимосвязь. Во-первых, оба документа акцентируют внимание на необходимости достижения устойчивого экономического роста, который бы обеспечивал благосостояние населения. Во-вторых, в них подчеркивается важность социальной защиты и борьбы с неравенством. Наконец, значительное внимание уделяется вопросам экологии.

Отличительной характеристикой Указа Президента Российской Федерации о национальных целях развития является его количественная определенность, выраженная в системе конкретных целевых показателей. Каждому направлению развития соответствуют четко измеримые индикаторы: от повышения ожидаемой продолжительности жизни до увеличения доли граждан, систематически занимающихся спортом. Система целевых показателей охватывает все ключевые аспекты развития: демографию, образование, здравоохранение, экономику, экологию и цифровизацию. При этом каждый показатель имеет четко установленные временные рамки достижения и измеримые критерии оценки. Такой подход позволяет не только отслеживать прогресс в достижении национальных целей, но и обеспечивает возможность оперативной корректировки реализуемых мер на основе количественных данных об эффективности проводимых преобразований.

Это соответствует идее о создании стандарта благополучия, которую мы последовательно продвигаем [3, с. 36], поскольку и ЦУР, и Указ Президента, и стандарт благополучия направлены на улучшение качества жизни людей, сглаживание социального неравенства и, как след-

ствие, социального напряжения, а также создание условий для гармоничного сосуществования человека и окружающей среды.

Помимо этого, в начале 2025 г. в Российской Федерации стартовал беспрецедентный по масштабу комплекс национальных проектов, насчитывающий более 20 стратегических инициатив и рассчитанный также на период до 2030 г. [4]. Данный показатель является рекордным за всю историю реализации национального проектного управления в стране. Системная интеграция новых национальных проектов осуществляется в рамках исполнения Указа Президента Российской Федерации о национальных целях развития. Обращает на себя внимание синхронизация стратегических задач с Целями в области устойчивого развития ООН.

Концептуальная основа обновленной системы национальных проектов базируется на принципах преемственности ранее достигнутых результатов и инновационного подхода к решению приоритетных задач социально-экономического развития. Каждый проект направлен на достижение конкретных измеримых показателей, что обеспечивает прозрачность и эффективность реализации государственной политики.

По мнению авторов статьи, ЦУР ООН, положения Указа Президента России о национальных целях развития и новые национальные проекты соотносятся следующим образом (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Соотношение ЦУР ООН, национальных целей развития Российской Федерации и национальных проектов России 2025–2030 гг.

ЦУР	Национальная цель развития Российской Федерации	Национальный проект
1	2	3
Ликвидация нищеты	<ul style="list-style-type: none"> Устойчивая и динамичная экономика 	<ul style="list-style-type: none"> Семья. Кадры. Эффективная и конкурентная экономика. Экспорт
Ликвидация голода	<ul style="list-style-type: none"> Экологическое благополучие. Устойчивая и динамичная экономика 	<ul style="list-style-type: none"> Семья. Кадры. Экспорт. Технологическое обеспечение продовольственной безопасности
Хорошее здоровье и благополучие	<ul style="list-style-type: none"> Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи. Комфортная и безопасная среда для жизни. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы 	<ul style="list-style-type: none"> Семья. Молодежь и дети. Продолжительная и активная жизнь. Технологии здоровья. Экологическое благополучие. Спорт России. Технологическое обеспечение продовольственной безопасности

Источник: составлено по: [1; 2; 4].

Продолжение табл. 1

1	2	3
Качественное образование	<ul style="list-style-type: none"> • Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности. • Технологическое лидерство. • Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы 	<ul style="list-style-type: none"> • Молодежь и дети. • Кадры. • Технологии здоровья. • Экономика данных. • Туризм и гостеприимство. • Производство транспорта. • Новые материалы и химия. • Средства производства и автоматизации. • Эффективная транспортная система. • Технологическое обеспечение продовольственной безопасности. • Беспилотные авиационные системы. • Космос. • Новые атомные и энергетические технологии
Гендерное равенство	<ul style="list-style-type: none"> • Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности 	<ul style="list-style-type: none"> • Молодежь и дети. • Спорт России
Чистая вода и санитария	<ul style="list-style-type: none"> • Комфортная и безопасная среда для жизни. • Экологическое благополучие. • Технологическое лидерство 	<ul style="list-style-type: none"> • Экологическое благополучие. • Новые атомные и энергетические технологии
Недорогостоящая и чистая энергия	<ul style="list-style-type: none"> • Экологическое благополучие. • Устойчивая и динамичная экономика. • Технологическое лидерство 	<ul style="list-style-type: none"> • Новые атомные и энергетические технологии
Достойная работа и экономический рост	<ul style="list-style-type: none"> • Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности. • Устойчивая и динамичная экономика. • Технологическое лидерство. • Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы 	<ul style="list-style-type: none"> • Молодежь и дети. • Кадры. • Эффективная и конкурентная экономика. • Экономика данных. • Туризм и гостеприимство. • Средства производства и автоматизации. • Экспорт. • Технологическое обеспечение продовольственной безопасности. • Беспилотные авиационные системы. • Новые атомные и энергетические технологии
Индустриализация, инновации и инфраструктура	<ul style="list-style-type: none"> • Экологическое благополучие. • Устойчивая и динамичная экономика. • Технологическое лидерство. • Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы 	<ul style="list-style-type: none"> • Кадры. • Продолжительная и активная жизнь. • Технологии здоровья. • Инфраструктура для жизни. • Экологическое благополучие. • Эффективная и конкурентная экономика. • Экономика данных. • Туризм и гостеприимство. • Спорт России. • Производство транспорта. • Новые материалы и химия.

Продолжение табл. 1

1	2	3
		<ul style="list-style-type: none"> • Средства производства и автоматизации. • Эффективная транспортная система • Технологическое обеспечение продовольственной безопасности. • Беспилотные авиационные системы. • Космос. • Новые атомные и энергетические технологии
Уменьшение неравенства	<ul style="list-style-type: none"> • Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности. • Устойчивая и динамичная экономика. • Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы 	<ul style="list-style-type: none"> • Семья. • Молодежь и дети. • Продолжительная и активная жизнь. • Инфраструктура для жизни. • Эффективная и конкурентная экономика. • Экономика данных. • Туризм и гостеприимство. • Спорт России. • Экспорт. • Технологическое обеспечение продовольственной безопасности
Устойчивые города и населенные пункты	<ul style="list-style-type: none"> • Комфортная и безопасная среда для жизни. • Экологическое благополучие. • Устойчивая и динамичная экономика. • Технологическое лидерство. • Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы 	<ul style="list-style-type: none"> • Продолжительная и активная жизнь. • Инфраструктура для жизни. • Экологическое благополучие. • Эффективная и конкурентная экономика. • Экономика данных. • Туризм и гостеприимство. • Экспорт. • Эффективная транспортная система. • Технологическое обеспечение продовольственной безопасности
Ответственное потребление и производство	<ul style="list-style-type: none"> • Экологическое благополучие. • Устойчивая и динамичная экономика. • Технологическое лидерство 	<ul style="list-style-type: none"> • Кадры. • Инфраструктура для жизни. • Экологическое благополучие. • Эффективная и конкурентная экономика. • Новые материалы и химия. • Средства производства и автоматизации. • Экспорт. • Технологическое обеспечение продовольственной безопасности. • Новые атомные и энергетические технологии
Борьба с изменением климата	<ul style="list-style-type: none"> • Комфортная и безопасная среда для жизни. • Экологическое благополучие. • Технологическое лидерство 	<ul style="list-style-type: none"> • Экологическое благополучие. • Эффективная и конкурентная экономика. • Новые атомные и энергетические технологии
Сохранение морских экосистем	<ul style="list-style-type: none"> • Комфортная и безопасная среда для жизни. • Экологическое благополучие. • Технологическое лидерство 	<ul style="list-style-type: none"> • Инфраструктура для жизни. • Экологическое благополучие. • Эффективная и конкурентная экономика. • Новые атомные и энергетические технологии

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2	3
Сохранение экосистем суши	<ul style="list-style-type: none"> • Комфортная и безопасная среда для жизни. • Экологическое благополучие. • Технологическое лидерство 	<ul style="list-style-type: none"> • Инфраструктура для жизни. • Экологическое благополучие. • Эффективная и конкурентная экономика. • Новые атомные и энергетические технологии
Мир, правосудие, эффективные институты	<ul style="list-style-type: none"> • Комфортная и безопасная среда для жизни. • Устойчивая и динамичная экономика. • Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы 	<ul style="list-style-type: none"> • Эффективная и конкурентная экономика. • Инфраструктура для жизни
Партнерство в интересах устойчивого развития	<ul style="list-style-type: none"> • Устойчивая и динамичная экономика. • Технологическое лидерство. • Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы 	<ul style="list-style-type: none"> • Кадры. • Технологии здоровья. • Экологическое благополучие. • Эффективная и конкурентная экономика. • Экономика данных. • Туризм и гостеприимство. • Спорт России. • Новые материалы и химия. • Экспорт. • Эффективная транспортная система. • Технологическое обеспечение продовольственной безопасности. • Новые атомные и энергетические технологии. • Космос

Важным событием 2024 г. является и переход от Системы национальных счетов 2008 г. к Системе национальных счетов 2025 г. (далее — СНС-2025), отражающий эволюцию международной статистики и макроэкономического учета. Эти изменения направлены на улучшение качества данных, их актуализацию под современные экономические реалии. Новая система уделяет особое внимание вопросам устойчивого развития, включая экологические аспекты и социальную справедливость.

Одной из особенностей СНС-2025 стало *расширение концептуальной базы национальных счетов* для лучшего отображения факторов, влияющих на благополучие и устойчивость¹. Таким образом, ЦУР и СНС-2025 являются взаимодополняющими инструментами, способствующими достижению устойчивого развития. В какой-то степени ЦУР в связке с СНС-2025 по смыслу являются своего рода стандартом благополучия применительно к задачам ООН.

¹ Система национальных счетов 2025 года начинает обретать форму. URL: https://unece.org/sites/default/files/2023-03/3_The%202025%20SNA%20begins%20to%20take%20shape%20RUS.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

Обоснование внедрения стандарта благополучия

Возникает вопрос: причем здесь стандарт благополучия, если указаны конкретные целевые показатели в различных документах? Для ответа обратимся к определению стандарта благополучия в том смысле, который закладывают в него авторы публикации.

Стандарт благополучия — это инструмент обеспечения равного доступа для всех жителей России к высококачественным услугам и инфраструктуре, безопасной окружающей среде, справедливому доходу и возможностям для личностного роста в разных регионах страны, независимо от их удаленности от крупных городов и обеих столиц [5, с. 25]. На практике стандарт может представлять собой объединенную, систематизированную, комплексную шкалу, включающую ряд обязательных показателей, например, уровень дохода гражданина или семьи, доступность образования, здравоохранения, спорта, культуры, транспортной инфраструктуры, коммунальной инфраструктуры, работы, досуга и т.д. Эта шкала учитывает все требования — от ЦУР до целевых показателей отдельных нацпроектов и их составных федпроектов и программ. Как следует из *таблицы 1*, и ЦУР, и национальные цели, и национальные проекты — элементы одного и того же явления, *которое можно условно назвать всеобъемлющим благополучием*.

Однако, согласно Глобальному докладу об устойчивом развитии за 2023 г. (далее — *GSDR 2023*), «на полпути к 2030 году ЦУР еще далеко не достигнуты. Из 36 целей, рассмотренных в отчете, только две находятся на пути к достижению, в то время как прогресс по восьми замедляется. До пандемии реализация была слишком медленной, а в некоторых областях, таких как борьба с изменением климата, утрата биоразнообразия и неравенство, даже происходил регресс, и в настоящее время наблюдается значительный спад, в т.ч. в области искоренения нищеты, гендерного равенства, образования и ликвидации голода»².

Среди причин происходящего называются пандемия *COVID-19*, военные конфликты, рост стоимости жизни, финансовые потрясения, а также природные катаклизмы, стихийные бедствия. Отмечается: глобальные сценарные прогнозы показывают, что стратегии, основанные на обычном режиме работы, не позволят достичь ЦУР к 2030 г. или даже 2050 г. Но проработка ключевых точек входа для усиления взаимосвязей в соответствии с национальными условиями и приоритетами может способствовать быстрому прогрессу. Стандарт благополучия может стать той самой ключевой точкой входа, или точкой отсчета.

Центр устойчивого развития МГИМО ежегодно проводит рейтинг регионов Российской Федерации по показателям достижения ЦУР. Региональная оценка осуществляется на основе комплексной системы из 130 показателей, методология ранжирования охватывает

² Основные тезисы GSDR 2023. URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/GSDR%202023%20Key%20Messages_1.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

16 из 17 утвержденных ЦУР, при этом показатель ЦУР-14, касающийся сохранения и рационального использования морских ресурсов, исключен из общего расчета ренкинга.

Согласно ренкингу за 2023 г.³, лидерами Российской Федерации по достижению ЦУР являются: Москва, Белгородская область, Калужская область, Санкт-Петербург, Ярославская область. Аутсайдерами (в конце рейтинга) — Республика Бурятия, Забайкальский край, Республика Дагестан, Республика Тыва и Курганская область.

В ренкинге за 2024 г.⁴ произошли некоторые изменения. В числе лидеров по-прежнему Москва, Санкт-Петербург и Белгородская область. На 26 пунктов выросли показатели Ямало-Ненецкого АО (он вошел в пятерку лидеров), на 3 пункта — Республики Татарстан. А вот Калужская и Ярославская области просели на 5 пунктов, опустившись вниз в рейтинге. Что касается аутсайдеров, то в 2024 г. Курганская область и Республика Бурятия смогли подняться на 7 пунктов в рейтинге каждая и выйти из числа 5 самых отстающих регионов. Однако их место заняли Республика Алтай и Еврейская автономная область, показатели которых упали на 9 и 8 пунктов соответственно.

Обращаясь к региональным отчетам о достижении ЦУР за 2024 г.⁵, можно увидеть, какие ЦУР в отдельных регионах достигаются более успешно, а какие — менее. К примеру, Республика Татарстан (3-е место в рейтинге за 2024 г.) лидирует по ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост»), ЦУР 13 («Борьба с изменением климата»), однако находится на 69-м месте среди регионов Российской Федерации по ЦУР 16 («Мир, правосудие, эффективные институты») и на 61-м месте по ЦУР 10 («Уменьшение неравенства»).

Республика Саха (Якутия) в 2024 г. заняла 40-е место по достижению ЦУР из 85. Наилучшие показатели региона: ЦУР 4 — 7-е место в Российской Федерации («Качественное образование»), ЦУР 5 — 9-е место («Гендерное равенство»), ЦУР 17 — 5 место («Партнерство в интересах устойчивого развития»), а также ЦУР 7 — 7-е место («Недорогостоящая чистая энергия»). Якутия отстает по ЦУР 8 и ЦУР 11 — 76-е и 77-е места соответственно («Достойная работа и экономический рост», «Устойчивые города и населенные пункты»), ЦУР 10 — 80-е место («Уменьшение неравенства»).

Можно проанализировать детальнее, в чем именно заключаются причины неудовлетворительных итогов по ряду ЦУР. В частности, ЦУР 10 («Уменьшение неравенства») говорит о значительном дисбалансе в соотношении денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения, а также о несоответствии коэффициента

³ Ренкинг регионов Российской Федерации 2023. URL: <https://ranking.mgimo.ru/ranking2023> (дата обращения: 09.06.2025).

⁴ Ренкинг регионов Российской Федерации 2024. URL: <https://ranking.mgimo.ru/ranking2024> (дата обращения: 09.06.2025).

⁵ Региональные отчеты по достижению ЦУР 2024. URL: <https://ranking.mgimo.ru/report2024> (дата обращения: 09.06.2025).

Джинни целевому показателю. Низкий уровень достижения ЦУР 8 — это низкая заработная плата (в т.ч. ниже уровня прожиточного минимума). ЦУР 11 — это в т.ч. доступ к водопроводу, транспорту, благоприятной окружающей среде, наличие уличного освещения и т.д.

Таким образом, региональная дифференциация в достижении ЦУР остается значительной. Потенциал стандарта благополучия для решения этой проблемы заключается в формировании единой системы индикаторов, выявлении проблемных зон, оптимизации распределения ресурсов, повышении эффективности управления и усилении координации между уровнями власти.

В данном контексте особое значение приобретают международные объединения, в которых принимает участие Российская Федерация, такие как Союзное государство и БРИКС. Эти организации предоставляют платформу для обмена опытом и знаниями между странами-членами, что может способствовать как эффективному достижению Целей в области устойчивого развития, так и созданию стандарта благополучия.

Опыт внедрения стандартов комфортной и благополучной жизни в Республике Беларусь

Республика Беларусь — не новичок в сфере формирования и внедрения стандартов, которые можно отнести к элементам стандарта благополучия. Еще в 1999 г. был принят закон Республики Беларусь «О государственных минимальных социальных стандартах»⁶. Этот закон установил правовые основы для определения, разработки и применения государственных минимальных социальных стандартов. Система государственных социальных стандартов определила гарантированный минимум для граждан Беларуси во всех значимых областях социальной жизни. Закон, к слову, действует по сей день, с разными корректировками и дополнениями.

Внутри закона закреплены такие привычные для любого российского гражданина понятия, как МРОТ, минимальный размер пенсии, получение бесплатного образования, получение социальной поддержки, услуги в сфере культуры и их доступность, нормы площади жилого помещения и многие другие — *аналогичные минимальные показатели существуют и в Российской Федерации.*

Представляет интерес определение государственного минимального социального стандарта Республики Беларусь, данное в законе, — минимальный уровень государственных гарантий социальной защиты, обеспечивающий удовлетворение основных потребностей человека, выражаемый в нормах и нормативах предоставления денежных выплат, бесплатных и общедоступных социальных услуг, социальных пособий и выплат. В свою очередь система государственных минимальных со-

⁶ Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1999 г. № 322-З «О государственных минимальных социальных стандартах». URL: <https://35gp.by/files/00008/obj/140/157873/doc/O+goсударственных+минимальных+социальных+стандартах.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).

циальных стандартов — это комплекс взаимосвязанных государственных минимальных социальных стандартов.

С 1 января 2021 г. в Беларуси вступила в силу новая система государственных социальных стандартов, утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2020 г. № 720. Обращает внимание факт, что данным документом собраны воедино, структурированы и нормативно обоснованы многие существующие показатели в различных сферах жизнедеятельности государства, будь то коммунальная сфера или строительство, образование или здравоохранение, связь, транспорт или социальное обслуживание т.д.⁷

Если углубиться в положения Постановления, мы можем прочесть следующие требования (далее — выборочно из различных разделов приложения к Постановлению):

1. Доля населения, имеющего доступ к централизованным системам водоснабжения: с 2026 г. в городах и городских поселках — 100%; в агрогородках к 2026 г. — 85%.

2. Наличие общественных уборных в городах и городских поселках — не менее 1 прибора на 1 тыс. чел.

3. Норматив охвата детей 5-летнего возраста подготовкой к обучению в учреждениях общего среднего образования — 100%.

4. Норматив обеспеченности учащихся начальных, базовых, средних школ, вечерних школ, гимназий, лицеев спортивными плоскостными сооружениями — 1,62 м² на 1 учащегося.

5. Норматив обеспеченности административно-территориальной единицы (района) кинозалом, оборудованным для показа фильмов в цифровом формате — не менее одного кинозала в административно-территориальной единице (районе) с численностью населения 70 тыс. чел. и более.

6. Обеспечение возможности оказания услуг широкополосного доступа в сеть Интернет — в каждом населенном пункте с населением 300 жителей и более.

7. Норматив обеспеченности населения в сельской местности бытовыми услугами — 100%. При этом уточняется, что возможно и предоставление бытовых услуг по заявке, а также выездное обслуживание в ситуациях: ремонт швейных изделий, обуви, мебели и др., услуги проката, парикмахерских, фотоуслуги, ритуальные услуги и т.п. Как именно будут организовываться данные виды услуг, должны определить органы местного самоуправления в населенном пункте.

Выше перечислены лишь некоторые показатели. Безусловно, в Постановлении указаны и нормативы обеспеченности услугами здравоохранения, образования, социальным обслуживанием и т.д.

⁷ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2020 г. № 720 «Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 г. № 724». URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22000720> (дата обращения: 11.05.2025).

Помимо государственных социальных стандартов, в Республике Беларусь действует большой перечень других нормативов, которые можно отнести к стандартам комфортной и благополучной жизни граждан республики. В частности, 100% жилого фонда должно быть обеспечено пандусами (или подъемными устройствами) для маломобильных групп населения⁸. Имеются конкретные нормативы по наличию детских площадок, спортивных и физкультурных площадок, рекреационных зон (рассчитанные исходя из типа застройки и населенного пункта (город/село), мест для хранения велосипедов, площадок для выгула собак, парковок для автомобилей (в т.ч. зарядных станций для электромобилей). Предусмотрены нормативы по оснащению регулярного общественного транспорта системами отопления и кондиционирования воздуха, нормативы плотности велосипедной сети городской территории.

Безусловно, наличие установленных показателей не означает, что повсеместно они уже достигнуты. Но обоснования для них есть, документальное оформление есть, следовательно, есть и цели, к которым государство вместе с ответственными структурами стремится.

Подводя краткий итог обзору опыта Республики Беларусь, обращаем внимание на следующее:

- в стране существуют конкретные стандарты, им даны понятные определения, прописаны их важные составляющие элементы;
- разрозненные стандарты постепенно стараются объединить в единую, четко выстроенную структуру, где все элементы связаны между собой.

Не углубляясь более в разнообразие нормативов и стандартов Республики Беларусь, добавим, что опыт наших дружественных соседей может оказаться полезным для Российской Федерации и в перспективе для Союзного государства.

О возможности создания стандарта благополучия для Союзного государства

В обозримом будущем наиболее вероятным и перспективным выглядит сотрудничество России и Беларуси в плане общих стандартов, в т.ч. и стандарта благополучия жизни граждан. Союзное государство, в которое входят Российская Федерация и Республика Беларусь, — это крупный интеграционный проект, ведущий историю со времен распада СССР, когда обе страны искали пути для сохранения тесных связей. В 2024 г. Союзному государству исполнилось 25 лет (с момента заключения в 1999 г. Договора о создании Союзного государства). Согласно этому документу, стороны обязались развивать единое экономическое про-

⁸ Строительные нормы Республики Беларусь. Среда обитания для физически ослабленных лиц. СН3.02.12-2020. URL: <http://mas.gov.by/uploads/files/SN-3.02.12-2020-Sreda-obitaniija-dlja-fizicheski-oslablennyx-lits.pdf> (дата обращения: 11.05.2025); Строительные нормы Республики Беларусь «Планировка и застройка населенных пунктов» СН 3.01.03-2020. URL: <http://mas.gov.by/uploads/documents/SN-3.01.03.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).

странство, координировать внешнюю политику, обеспечивать свободу передвижения граждан, товаров, услуг и капитала, а также создавать общие органы управления.

В 2020-е гг. мы наблюдаем углубление интеграционных процессов. В настоящий момент для жителей Союзного государства нет ограничений на свободу перемещения, перевозку товаров и услуг, смену места проживания и работу. Взаимное признание пенсий, одинаковые возможности в области здравоохранения, доступ к образованию на равных условиях — все это лишь некоторые аспекты выполненной программы социальной адаптации для граждан России и Беларуси. Ведется подготовка проектов в сфере оказания высокотехнологичной медицинской помощи (противоопухолевое лечение). Готовятся к запуску еще три проекта: разработка лекарств, клеточной терапии и методов диагностики для лечения рака, аутоиммунных, сердечно-сосудистых, инфекционных и нейродегенеративных болезней; программа для детей с нейроортопедическими патологиями, включающая новые методы хирургии; разработка композитного эндопротеза⁹.

Идет активное обсуждение возможности дальнейшей политической и экономической интеграции, включая вопросы создания общего парламента и введения единой валюты. Полагаем, что при столь активном взаимном влиянии сотрудничество между Россией и Беларусью возможно не только в сферах торговли, инвестиций и политики, но также в контексте развития стандарта благополучия. И Россия, и Беларусь обладают собственными успешными практиками в данном вопросе, которые вполне возможно объединить в общий проект.

Мировой опыт показывает, что это осуществимо при наличии соответствующего стремления. При разработке данного проекта можно обратиться к истории Европейского союза, где *значительную роль играют наднациональные институты*. С образованием Европейского экономического сообщества появились и первые попытки установить систему социальных гарантий для населения [6, с. 196; 7]. Мы можем вспомнить Европейскую социальную хартию (ЕСХ) от 1961 г., которая хоть и является декларацией ряда прав человека, тем не менее гарантированная реализация этих прав прямо влияет на качество жизни как отдельного человека, так и сообщества в целом. На сегодняшний день действует пересмотренная версия хартии от 1999 г. Характерно, что страны-участницы имеют возможность ратификации не только всей хартии, но и отдельных ее положений. Впрочем, есть обязательные пункты для всех без исключения. В 1989 г. была принята Хартия Сообщества, которая перекликается с ЕСХ и посвящена социальным правам трудящихся. Маастрихтским договором 1992 г. было закреплено не только создание Европейского союза, но Соглашение о социальной

⁹ В СГ готовятся к реализации три новых проекта в сфере оказания высокотехнологичной медпомощи. URL: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/vsg-gotoviyatsya-k-realizacii-tri-novyh-proekta-v-sfere-okazaniya-vysokotekhnologichnoy-medpomoshchi-mezencev> (дата обращения: 11.05.2025).

политике, дающее полномочия представителям наднациональных органов влиять на рынок труда и бизнес по социальным вопросам.

Также в ЕС действует общая система стандартов, связанных с качеством продукции, производственными процессами, оказанием услуг, методами испытаний и т.п. Их применение является добровольным, однако облегчает взаимодействие и интеграцию различных компаний в производственную цепочку, что в свою очередь способствует усилению конкурентоспособности, стимулированию инноваций, торговле, инвестициям, т.е. развитию¹⁰.

В качестве еще одного примера установления единых наднациональных стандартов в ЕС можно упомянуть действующую в настоящий момент уже 8-ю Программу действий в области охраны окружающей среды (далее — ПДООС) до 2030 г.¹¹ В рамках темы статьи интерес заслуживают несколько положений этой программы. Это обновление экологических стандартов для автотранспорта, установление предельно допустимых показателей качества воздуха и различных газов и веществ в его составе, требования к переработке отходов, требования к качеству воды (питьевой, для купания, стоков и др.), регулирование шума в окружающей среде и многое другое. В числе решений, принятых в рамках данной программы, числится и такой пункт: «Переход к экономике благосостояния, в которой рост носит регенеративный характер, заложен в 8-й ПДООС и закреплён в приоритетных целях на 2030 и 2050 гг. Для обеспечения такого перехода Союзу необходимо разработать более целостный подход к формированию политики, в частности, с помощью сводной панели показателей, которая измеряет экономический, социальный и экологический прогресс “за пределами ВВП”»¹².

Таким образом, Европейский союз регулярно разрабатывает и внедряет новые требования и стандарты, которым обязаны (или рекомендуются) соответствовать разные государства.

Некорректно в полной мере сопоставлять Союзное государство и Евросоюз в силу разной степени интеграционных процессов. Существуют значительные отличия и в политическом, историческом, культурном планах. Однако ЕС является объединением со значительной историей, и объективно изучать его опыт (как положительный, так и негативный) полезно для формирования дальнейшей стратегии развития Союзного государства.

Что касается совместной стандартизации на уровне Союзного государства, то сегодня для этого предпринимаются конкретные шаги. На территории объединения планируется создание единого цифрового фонда стан-

¹⁰ Европейские стандарты. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/single-market/european-standards_en (дата обращения: 10.05.2025).

¹¹ Экологическая политика ЕС. URL: <https://wecoop.eu/ru/regional-knowledge-centre/eu-policies-regulations/> (дата обращения: 10.05.2025).

¹² Решение ЕС 2022/591 Европейского парламента и Совета от 6 апреля 2022 г. об Общей программе действий Европейского союза по окружающей среде до 2030 года. URL: https://wecoop.eu/wp-content/uploads/2020/04/8EAP_ru.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

дартов¹³. Как отмечают представители Госстандарта Республики Беларусь, происходит объединение двух фондов стандартов (российского и белорусского) в один с целью исключить дублирование стандартов. В результате Российская Федерация может использовать СТБ¹⁴, а Беларусь — ГОСТы Р при необходимости. Пока речь идет по большому счету о производственных, товарных стандартах, но это серьезный шаг в сторону стандартизации других сфер жизни — от социальной защиты до благоустройства и инфраструктуры.

Страны БРИКС: точки соприкосновения

Союзное государство — не единственное объединение, в которое входит Российская Федерация. В 2006 г. на мировой арене появилось новое объединение государств, которое получило название БРИК — по первым буквам названий стран-основательниц: Бразилии, России, Индии и Китая. В 2010 г. в состав объединения вошла ЮАР, и БРИК превратился в БРИКС. В 2024 г. в список членов БРИКС вошли Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия; Саудовская Аравия на момент подготовки данного материала не подтвердила свой статус. Ряд других государств имеют статус партнеров, есть желающие вступить в БРИКС (Индонезия, Таиланд, Беларусь и др.).

С самого основания в состав объединения входят совершенно разные страны — как по экономическому потенциалу и уровню развития, так и с точки зрения истории, культуры, традиций [8, с. 104–105]. Тем не менее у них есть кое-что общее, помимо факта участия в БРИКС: статус развивающихся стран (к слову, по сей день достоверно неизвестны точные критерии, по которым страну причисляют к развитой или развивающейся), подкрепленный динамичным развитием, значительно опережающим темпы роста стран другого объединения — «Большой семерки» (далее — *G7*). Изначально, вероятно, не предполагалось, что БРИКС может составить весомую конкуренцию *G7*, однако современные реалии говорят об обратном. По совокупному объему ВВП страны БРИКС пока не догнали страны «Большой семерки», однако с 2018 г. БРИКС стабильно опережает *G7* по ВВП по паритету покупательской способности (ППС). С той поры разрыв в ВВП по ППС между странами БРИКС и *G7* продолжает увеличиваться¹⁵. В 2024 г. он составил 35,43% мирового ВВП по ППС у БРИКС против 29,64% мирового ВВП по ППС у стран *G7*. Ведущую роль в данном достижении играет, безусловно, вклад Китая с его 34 644 млрд долл. США ВВП по ППС по итогам

¹³ Беларусь и Россия планируют объединить фонды стандартов в единую цифровую систему. URL: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/belarus-i-rossiya-planiruyut-obedinit-fondy-standartov-v-edinuyu-cifrovuyu-sistemu> (дата обращения: 11.05.2025).

¹⁴ Национальный стандарт Республики Беларусь.

¹⁵ Доля стран БРИКС и *G7* в мировом валовом внутреннем продукте (ВВП) по паритету покупательской способности (ППС) с 2000 по 2024 год. URL: <https://www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/> (дата обращения: 12.05.2025).

2023 г.¹⁶ Для сравнения — размер ВВП по ППС России по итогам 2023 г. составил 6 452 млрд долл. США. Согласно данным на 2024 г., Российская Федерация занимает 4-е место в мире по уровню ВВП по ППС с долей 3,55% и 1-е место в Европе. Китай занимает 1-е место в мире, на 2-м месте — США, у Индии — 3-е место¹⁷.

Очевидно, что локомотивом БРИКС является Китай, сумевший совершить экономическое чудо. Однако на это ушли десятилетия системной целенаправленной работы всех органов власти и ответственных структур, подкрепленные волевыми внутривластными решениями. Способны ли пройти этот путь другие страны БРИКС?

Если обратиться к классическому составу объединения, существовавшему на протяжении многих лет, то ситуация следующая. Бразилии и ЮАР не удастся сократить достаточно высокое количество населения, живущего за чертой бедности [9, с. 127; 10, с. 81–82]. Индия отстает от всех стран БРИКС в части показателей социальной сферы, таких как доступность здравоохранения и достойные санитарные условия.

Членство в БРИКС является официальным и с самого момента создания фокусируется на укреплении экономического сотрудничества между странами-членами, а также на создании альтернативных финансовых институтов, неподконтрольных странам G7. Иными словами БРИКС можно называть объединением, *создающим противовес политической и финансовой гегемонии западных стран*, в первую очередь участниц G7. В 2014 г. страны БРИКС учредили Новый банк развития, цель которого — финансирование совместных проектов в области инфраструктуры, поддержка устойчивого развития и ускорение экономического роста, создание альтернативного источника финансирования для развивающихся стран и расширение доступа к кредитным ресурсам, продвижение инноваций и технологий, а также подготовка и реализация программ, направленных на сокращение уровня бедности и уменьшение социального неравенства в странах — членах БРИКС¹⁸.

Как отмечает А.Н. Зубец, сегодня главное место в концепции глобального развития занимает вовсе не уровень потребления и его рост, а качество жизни людей, достижение счастья [11, с. 17]. Такие показатели, как ВВП, не отражают благополучие жизни населения, поскольку учитывают только ряд количественных составляющих, но при этом *не в состоянии оценить* удовлетворение людей жизнью и окружающей их действительностью, их самоощущение и другие субъективные параметры. И здесь может оказаться практически полезным опыт Китая.

¹⁶ Макроэкономическая статистика по странам БРИКС. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7219513> (дата обращения: 12.05.2025).

¹⁷ МВФ признал Россию четвертой экономикой мира. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/10/2024/6717ac329a79478792f175ec> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁸ About NDB. URL: <https://www.ndb.int/about-ndb/> (дата обращения: 12.05.2025).

Опыт Китайской Народной Республики по борьбе с бедностью

Китайское экономическое чудо началось в конце 1970-х гг., когда страна перешла от плановой экономики к рыночной. Реформы включали открытие Китая для иностранных инвестиций, развитие частного сектора и создание специальных экономических зон. Эти меры привели к стремительному росту ВВП, превращению Китая в мирового промышленного гиганта и улучшению уровня жизни миллионов людей.

Несмотря на впечатляющий экономический рост, *проблема бедности в Китае остается актуальной*. Значительное неравенство сохранилось и по-прежнему сохраняется между городскими и сельскими районами, а также между восточными прибрежными регионами (более богатыми и развитыми) и внутренними провинциями. В сельских районах многие семьи продолжают жить за чертой бедности, сталкиваясь с недостатком базовых услуг.

Китайские власти активно работают над сокращением бедности через программы поддержки сельского хозяйства, развития инфраструктуры и перераспределения ресурсов. Однако эта борьба требует дальнейших усилий и комплексного подхода, учитывая масштабы страны и разнообразие ее регионов. Для нашего исследования представляет интерес опыт Китая в этом вопросе.

По данным исследователей, в целом процесс борьбы с бедностью в Китае растянулся на три этапа [12, с. 20; 13]. Первый пришелся на 1950–1970-е гг., в этот период государство оказывало помощь бедным и малоимущим гражданам, которых в стране было до 90%. Меры включали в себя земельную реформу (крестьяне получили обрабатываемые земли и смогли возделывать их, чтобы кормить свои семьи) и создание народных коммун, повышающих эффективность отдельных домохозяйств. Также государство оказывало социальную поддержку, улучшало здравоохранение и образование. Данная помощь от государства называлась политикой пяти гарантий, когда каждому крестьянину гарантировались: еда, одежда, дрова, образование и достойное погребение.

С конца 1970-х гг. власти Китая приступили к экономической модернизации в сельских районах страны. В 1980-х гг. появилась рабочая группа при Госсовете КНР, в задачи которой входило содействие экономическому росту в бедных районах, была принята определенная стратегия. В 1994 г. Госсовет КНР выпустил документ под названием «Государственный план избавления от бедности». Позже были приняты и другие программные документы, цель у которых была общая — снизить уровень бедности в сельских районах.

В 2012 г. Китай нацелился на построение общества сяокянь — или общества средней зажиточности (малого благоденствия) к 100-летию Коммунистической партии Китая [14, с. 66]. Была заявлена концепция: человек в основе всего. С 2013 г. власти КНР приступили к сокращению бедности как явления. Для этого должны быть применены инновационные механизмы, а в фундамент новой стратегии легли целевое сокращение бедности, региональное развитие и социальное обеспечение.

Сама идея борьбы с бедностью в Китае лежит в *принципе ответственности провинций*, реализации принятых программ в отдельных населенных пунктах и уездах. В основу теории и практики лег адресный подход: кому помогать и как помогать.

На практике это выглядело следующим образом. Выделялись конкретные отстающие территории, так называемые районы сосредоточения бедности, проблемы рассматривались и решались в комплексе. Это подразумевало систему ответственности, где каждый участник выполняет свои задачи, четкое выделение населения, нуждающегося в поддержке, координацию работы всех структур, инвестиции, социальную мобилизацию и укрепление взаимодействия граждан, дифференциацию адресных мер помощи населению, контроль, систему оценки результатов.

Безусловно, история борьбы Китайской Народной Республики с бедностью заслуживает отдельной публикации, и в данном материале нет цели охватить все меры полностью. Достаточно заметить, что к решению данного вопроса государство подходило и подходит комплексно, не ограничиваясь отдельными полумерами в виде социальных пособий для малоимущих. Иными словами, отстающие регионы не должны только потреблять, но должны встать на ноги. Территориям предоставлялась не только финансовая поддержка, но вкладывались ресурсы в развитие инфраструктуры, находились сильные и слабые стороны отстающего региона, перестраивался сам образ жизни. Меры сопровождалась четкими программами, целевыми показателями и регулярным контролем со стороны ответственных структур.

В итоге, по официальным данным, комплекс мер дал хороший результат. За период с конца 2012 г. по конец 2019 г. количество бедного населения в разных частях страны сократилось в 20–30 раз. Улучшилось состояние инфраструктуры, транспортная доступность регионов и населенных пунктов, что дало мощный толчок к улучшению логистики, появлению больших возможностей для жителей, следовательно, стимулу для развития. Государство воплотило принцип «не беспокойся о двух вещах» — о еде и одежде, а также полностью выполнило три гарантии: доступ к здравоохранению, образованию и жилью.

О практической пользе внедрения стандарта благополучия в Российской Федерации

Цель стандарта благополучия, который необходимо научно обосновать, рассчитать и внедрить в практику на общероссийском уровне, — дать регионам стимул для всестороннего развития, а гражданам — достаточные возможности для самореализации и комфортной жизни.

Концепция стандарта благополучия тесно перекликается с научными идеями ведущих российских ученых. По мнению В.А. Садовниченко и Г.В. Осипова, человечество вступило в эпоху электронно-цифровой цивилизации [15]. А это означает не только цифровую трансформацию государственных услуг, но и автоматизацию многих социальных

процессов, которые ранее сильно зависели как минимум от человеческого фактора. Идеи А.А. Аузана¹⁹ о роли культурного капитала в экономическом развитии также находят отражение в стандарте благополучия через развитие человеческого потенциала и формирование новых моделей социального поведения. Социальный капитал, включающий доверие к институтам власти и качество социальных связей, становится важным индикатором уровня благополучия общества. Таким образом, стандарт благополучия выступает как интегративная концепция, объединяющая технологические, социальные и культурные аспекты развития современного общества.

С.Д. Валентей обращает внимание, что в современных условиях преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии регионов России не может основываться исключительно на традиционных инструментах государственной поддержки — дотациях на выравнивание бюджетной обеспеченности, целевых трансфертах и кураторстве [16]. Данные инструменты демонстрируют свою неэффективность ввиду фундаментального непонимания глубинных причин региональных разрывов.

Ученый считает, что индивидуальные особенности экономического развития субъектов Федерации игнорируются. Следовательно, в контексте стандарта благополучия принципиальное значение приобретает переход от унифицированных методов поддержки к индивидуальному подходу, основанному на выявлении и анализе трендов развития региональных экономик.

Важно понимать, что стандарт благополучия представляет собой не реформу, требующую вложений значительных государственных ресурсов, а комплексный инструмент управления, направленный на обеспечение и поддержание достойного уровня жизни граждан, механизм постоянного мониторинга и корректировки существующих процессов.

Практическое продвижение и дальнейшая теоретическая проработка стандарта способствуют:

- формированию целостной системы индикаторов благополучия;
- выявлению проблемных зон в достижении целевых показателей;
- оптимизации распределения ресурсов для решения приоритетных задач;
- повышению эффективности управленческих решений;
- усилению координации между различными уровнями власти.

В этом вопросе необходимо опираться на целевые показатели как ЦУР, так и национальных целей в Указе Президента Российской Федерации, а также на показатели национальных проектов 2025–2030. В перспективе создание стандарта и успешная реализация национальных целей и национальных проектов может помочь России стать одним из мировых лидеров в данном опыте, но в первую очередь добиться понятных измеряемых результатов.

¹⁹ Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. 200 с.

Список литературы

1. Цели в области устойчивого развития // Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/#> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 10.05.2025).
3. Кривов В.Д., Владимиров Д.Г., Лисичкина А.А. Формирование федеральных и региональных механизмов обеспечения стандарта благополучия для развития отношений общественного доверия // *Федерализм*. 2023. Т. 28. № 4 (112). С. 35–52.
4. Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/> (дата обращения: 10.05.2025).
5. Кривов В.Д., Самусевич К.А. Статистическая поддержка федеральных и региональных решений по стандарту благополучия // *Федерализм*. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 24–42.
6. Молоканова Д.К. Опыт европейских стран в разработке социальных стандартов с целью повышения качества жизни граждан // *Вопросы структуризации экономики*. 2012. № 3. С. 196–198.
7. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 189 с.
8. Краснокутский П.А., Змияк С.С., Казакова А.М. Особенности оценки и сопоставления уровня социально-экономического развития стран на основе международных рейтингов (на примере стран БРИКС и G7) // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2019. № 3. С. 101–107.
9. Константинова Н.Н., Петров В.В., Афанасенко Г.О. Проблема борьбы с бедностью: опыт Бразилии и России // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. № 4-1. С. 126–131.
10. Куемжиева С.А., Складчиков С.В., Гончаров В.В. Актуальные проблемы и перспективы развития БРИКС // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2020. № 1. С. 80–85.
11. Зубец А.Н. Выбор для Запада: развилка между инновационным прорывом и информационной диктатурой // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021. № 2. С. 16–22.
12. Мэй Чуньцай. Опыт Китая в искоренении бедности // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2021. № 3. С. 19–25.
13. Хаожань Цинь. Борьба с бедностью в Китае: социальный и экономический опыт реформ в сельских районах // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 10 (102). С. 71–76.
14. Бояркина А.В. Борьба с бедностью в Китае в контексте идеи «сообщества единой судьбы человечества» в 2013–2020 годы // *Мировая политика*. 2021. № 3. С. 63–82.
15. Садовничий В.А., Осипов В.Г. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. СПб.: Нестор-История, 2020. 152 с.
16. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Кольчугина А.В. Направления развития региональных экономик в Российской Федерации // *Федерализм*. 2019. № 3. С. 132–148.

References

1. Tseli v oblasti ustoichivogo razvitiia [Sustainable Development Goals], *Organizatsiia ob'edinennykh natsii* [United Nations]. (In Russ.). Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/#> (accessed 10 May 2025).
2. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7 maya 2024 g. № 309 “O natsional’nykh tseliakh razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda” [Decree of the President of the Russian Federation of 7 May 2024 No. 309 “On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036”], *Ofitsial’nyi sait Prezidenta Rossii* [Official website of the President of Russia]. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (accessed 10 May 2025).
3. Krivov V.D., Vladimirov D.G., Lisichkina A.A. Formirovanie federal’nykh i regional’nykh mekhanizmov obespecheniia standartov blagopoluchiiia dlia razvitiia otноsheniia obshchestvennogo doveriia [Formation of Federal and Regional Mechanisms for Ensuring the Standard of Well-Being for the Development of Public Trust Relations], *Federalizm* [Federalism], 2023, Vol. 28, No. 4 (112), pp. 35–52. (In Russ.).
4. Natsional’nye proekty Rossii [National projects of Russia]. (In Russ.). Available at: <https://natsional’nyeproekty.rf/> (accessed 10 May 2025).
5. Krivov V.D., Samusevich K.A. Statisticheskaia podderzhka federal’nykh i regional’nykh reshenii po standartu blagopoluchiiia [Statistical Support for Federal and Regional Decisions on the Well-Being Standard], *Federalizm* [Federalism], 2024, Vol. 29, No. 3 (115), pp. 24–42. (In Russ.).
6. Molokanova D.K. Opyt evropeiskikh stran v razrabotke sotsial’nykh standartov s tsel’iu povysheniia kachestva zhizni grazhdan [The Experience of European Countries in Developing Social Standards in Order to Improve the Quality of Life of Citizens], *Voprosy strukturizatsii ekonomiki* [Issues of Structuring the Economy], 2012, No. 3, pp. 196–198. (In Russ.).
7. Sotsial’noe gosudarstvo v stranakh ES: proshloe i nastoiashchee [The Welfare State in the EU Countries: Past and Present], edited by Iu.D. Kvashnin. Moscow, IMEMO RAN, 2016, 189 p. (In Russ.).
8. Krasnokutskii P.A., Zmiiak S.S., Kazakova A.M. Osobennosti otsenki i sopostavleniia urovnia sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia stran na osnove mezhdunarodnykh reitingov (na primere stran BRIKS i G7) [Features of Assessing and Comparing the Level of Socio-Economic Development of Countries Based on International Ratings (on the Example of the BRICS and G7 Countries)], *Gosudarstvennoe i munitsipal’noe upravlenie. Uchenye zapiski* [Public and Municipal Administration], 2019, No. 3, pp. 101–107. (In Russ.).
9. Konstantinova N.N., Petrov V.V., Afanasenko G.O. Problema bor’by s bednost’iu: opyt Brazili i Rossii [The Problem of Combating Poverty: The Experience of Brazil and Russia], *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika* [Economy and Business: Theory and Practice], 2019, No. 4-1, pp. 126–131. (In Russ.).
10. Kuemzhieva S.A., Skladchikov S.V., Goncharov V.V. Aktual’nye problemy i perspektivy razvitiia BRIKS [Actual Problems and Development Prospects of BRICS], *Iuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Dagestan State University], 2020, No. 1, pp. 80–85. (In Russ.).
11. Zubets A.N. Vybor dlia Zapada: razvilka mezhdru innovatsionnym proryvom i informatsionnoi diktaturoi [Choice for the West: A Fork in the Road Between Innovative Breakthrough and Information Dictatorship], *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo*

universiteta [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2021, No. 2, pp. 16–22. (In Russ.).

12. Mei Chun'tsai. Opyt Kitaia v iskorenenii bednosti [China's experience in Poverty Eradication], *Vostochnaia Aziia: fakty i analitika* [East Asia: facts and analytics], 2021, No. 3, pp. 19–25. (In Russ.).

13. Khaozhan' Tsin'. Bor'ba s bednost'iu v Kitae: sotsial'nyi i ekonomicheskii opyt reform v sel'skikh raionakh [Fight Against Poverty in China: Social and Economic Experience of Reforms in Rural Areas], *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2022, No. 10 (102), pp. 71–76. (In Russ.).

14. Boiarkina A.V. Bor'ba s bednost'iu v Kitae v kontekste idei "soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva" v 2013–2020 gody [Fight Against Poverty in China in the Context of the Idea of a "Community of a Shared Destiny for Mankind" in 2013–2020], *Mirovaia politika* [World Politics], 2021, No. 3, pp. 63–82. (In Russ.).

15. Sadovnichii V.A., Osipov V.G. Sotsial'nye nauki i obrazovanie v usloviakh stanovleniia elektronno-tsifrovoy tsivilizatsii [Social sciences and education in the context of the formation of an electronic-digital civilization]. Saint Petersburg Nestor-Istoriya, 2020, 152 p. (In Russ.).

16. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Kol'chugina A.V. Napravleniia razvitiia regional'nykh ekonomik v Rossiiskoi Federatsii [Directions for the Development of Regional Economies in the Russian Federation], *Federalizm* [Federalism], 2019, No. 3, pp. 132–148. (In Russ.).

APPLICATION OF THE WELL-BEING STANDARD IN THE CONTEXT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS, NEW NATIONAL PROJECTS AND THE SYSTEM OF NATIONAL ACCOUNTS 2025

The Russian Federation has started implementing the standards of the system of national accounts by 2025. The coverage of statistics will increase significantly, and for the first time, the SNA will reflect indicators directly related to household well-being. In modern conditions of globalization and rapid socio-economic transformations, the issue of forming a single standard of well-being of the population is of particular relevance. The relevance of the study is due to several factors: the difficulty of achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) established at the international level; the recent adoption of new national projects in the Russian Federation; the continuing differentiation of the level of development between the regions of the country. The article is devoted to the development and implementation of the standard of well-being as a universal tool for influencing the socio-economic development of the state. In the context of persistent inequality and the need to improve the effectiveness of state social policy, the creation of such a standard becomes critically important for harmonizing regional development and achieving the strategic goals of the state. The paper examines the theoretical foundations of the concept of well-being, as well as the practical significance of the introduction of such a standard in the context of modern challenges. It also provides examples of successful practices and approaches used by States to improve the quality of life of citizens, and ways to assess the success of such practices.

Keywords: social policy, standard of well-being, public administration, trust of citizens.

JEL: H110, H410, I310, I320

Дата поступления – 22.06.2025

Принята к печати – 15.07.2025

КРИВОВ Виктор Дмитриевич

доктор экономических наук, заведующий кафедрой статистики
Экономического факультета;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова» / Ленинские горы, д. 1, стр. 13,
г. Москва, 119991.

e-mail: vickriwov@yandex.ru

ЛИСИЧКИНА Александра Алексеевна

инженер кафедры статистики Экономического факультета;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова» / Ленинские горы, д. 1, стр. 13,
г. Москва, 119991.

e-mail: aleksandra.lisichkina@gmail.com

САМУСЕВИЧ Кира Александровна

независимый исследователь.

e-mail: kira-84@bk.ru

KRIVOV Viktor D.

Dr. Sc. (Econ.), Head of the Department of Statistics of the Faculty of
Economics;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Lomonosov Moscow State University” / 1, Building 13, Leninskie gory,
Moscow, 119991.

e-mail: vickriwov@yandex.ru

LISICHKINA Alexandra A.

Engineer of the Department of Statistics of the Faculty of Economics;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Lomonosov Moscow State University” / 1, Building 13, Leninskie gory,
Moscow, 119991.

e-mail: aleksandra.lisichkina@gmail.com

SAMUSEVICH Kira A.

Independent Researcher.

e-mail: kira-84@bk.ru

Для цитирования:

Кривов В.Д., Лисичкина А.А., Самусевич К.А. Применение стандар-
та благополучия в контексте целей в области устойчивого развития,
новых национальных проектов и Системы национальных счетов
2025 г. // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3 (119). С. 95–116. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-95-116>

А.В. ПЕТРИКОВ

ПРИОРИТЕТЫ И МЕХАНИЗМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ

Одним из главных конкурентных преимуществ сельского хозяйства России является его высокая обеспеченность земельными ресурсами, что не исключает необходимости бережного отношения к земле и проведения политики рационального землепользования. В статье показана отрицательная динамика площади сельскохозяйственных земель России за 1990–2023 гг. и в большинстве субъектов Российской Федерации за 2007–2023 гг. Отмечено широкое распространение дефляции почвы и выведение сельскохозяйственных земель из экономического оборота. Предлагается ряд мер по преодолению этих негативных процессов, включая устранение неблагоприятных последствий земельной реформы 1990-х гг., оптимизацию размеров землепользования субъектов хозяйственной деятельности, нормирование использования сельскохозяйственных земель, стимулирование применения минеральных удобрений и почвозащитных технологий.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, сельскохозяйственные угодья, земельная реформа, стимулирование рационального землепользования, государственная поддержка почвозащитного земледелия, регион.

JEL: O10, Q10, Q24, Q28, R52

Земля по-прежнему остается основным средством производства в сельском хозяйстве. Поэтому наличие необходимых площадей земельных угодий и их плодородие, организационно-правовые формы землепользования, уровень налогообложения земельных участков и платы за их аренду во многом определяют эффективность сельскохозяйственного производства и доходы сельхозтоваропроизводителей, тем самым влияя на продовольственную безопасность страны.

Россия располагает крупнейшим в мире земельным фондом. Его площадь на 1 января 2024 г. составляла 1 723 399,1 тыс. га (с учетом новых регионов). Из них площадь земель сельскохозяйственного назначения — 374 967,5 тыс. га, или 21,7%; площадь сельскохозяйственных

угодий — 200 665,3 тыс. га, пашни — 118 605 тыс. га [1, с. 11–14]¹. По плотности обрабатываемых земель (м² на душу населения)² по состоянию на 2021 г. Россия занимает пятое место в мировом рейтинге с показателем 8 384 м² на душу населения после Казахстана (15 456 м²), Австралии (12 062 м²), Канады (10 027 м²) и Аргентины (9 322 м²) при среднемировом показателе 1 800 м².

Несмотря на высокую обеспеченность сельскохозяйственными землями, вопросы их рационального использования и охраны для России очень актуальны. Выделим основные проблемы современного землепользования в сельском хозяйстве страны.

Сокращение площади земель сельскохозяйственного назначения

Прежде всего необходимо указать на *уменьшение ареала сельскохозяйственных земель*.

В *таблице 1* дана характеристика динамики площади земель сельскохозяйственного назначения, сельскохозяйственных угодий и пашни за постсоветский период с разбивкой на два этапа — 1990–2007 гг. и 2007–2023 гг. Как следует из *таблицы 1*, особенно резко сельскохозяйственное землепользование сократилось в течение 1990–2007 гг., и особенно в 1990-е гг., когда осуществлялась радикальная реорганизация колхозов и совхозов, существенно сократилась государственная поддержка отрасли, формировался институт частной собственности на землю и правовые основы многоукладности сельского хозяйства. В дополнение к этому внутренний рынок заполнила *высокосубсидируемая импортная продукция*. Как следствие, многие отечественные хозяйства прекратили экономическую деятельность, а сельскохозяйственные земли были выведены из хозяйственного оборота³.

¹ Землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, находящиеся за границами населенных пунктов и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей. В их состав входят следующие: сельскохозяйственные угодья (по состоянию на 2023 г. 53,51%); земли, занятые внутрихозяйственными дорогами (0,61%), мелиоративными защитными лесными насаждениями и лесами (8,77%), водными объектами (3,50%), объектами строительства (0,29%); другие земли (33,32%) — под дорогами, объектами капитального строительства, некапитальными строениями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции в случаях, предусмотренных федеральными законами, нестационарными торговыми объектами, а также жилыми домами, строительство которых допускается на земельных участках, используемых крестьянскими (фермерскими) хозяйствами. Сельскохозяйственные угодья состоят из пашни, сенокосов, пастбищ, залежи, а также земель, занятых многолетними насаждениями (садами, виноградниками и др.).

² Обрабатываемые земли — это земли, на которых временно выращиваются сельскохозяйственные культуры (многолетние культуры учитываются только один раз), временные луга для скашивания или пастбища, земли под рыночными и приусадебными огородами, а также земли, временно заброшенные (менее чем на пять лет).

³ Разная динамика сокращения земель сельскохозяйственного назначения (на 42,1%), сельскохозяйственных угодий (на 1,2%) и пашни (на 8,3%) объясняется политикой их перевода в земли других категорий (промышленности, лесного фонда, населенных пунктов и др.), а также особенностями их состава. В наибольшей степени уменьшилась площадь земель сельскохозяйственного назначения за счет их перевода в земли лесного фонда. Площадь сельскохозяйственных угодий почти не изменилась, т.к. сокращение входящей в них пашни, было компенсировано ростом залежных земель.

В начале нулевых годов ХХІ в. вплоть до принятия Приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в 2006 г. и первой Государственной программы развития сельского хозяйства в 2007 г. происходило становление институтов государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства (в 2000 г. создан «Россельхозбанк», в 2001 г. — «Росагролизинг»). Эти институты начали работать в полную силу со второй половины нулевых годов, одновременно увеличилась господдержка отрасли, а с 2014 г. как следствие введения эмбарго на импорт продовольствия осуществлялась политика активного импортозамещения на агропродовольственном рынке. Процесс сокращения сельскохозяйственных земель продолжился, но его масштабы существенно уменьшились по сравнению с 1990–2007 гг.

Т а б л и ц а 1

Динамика сельскохозяйственного землепользования за 1990–2023 гг.

Площадь	1990	2007	2023	Сокращение площади					
				Всего за 1990–2023		в т.ч.			
						1990–2007		2007–2023	
				тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Земли сельскохозяйственного назначения	639,1	403,2	370,1	269,0	42,1	235,9	36,9	33,1	8,2
Сельскохозяйственные угодья	222,4	220,6	219,7	2,7	1,2	1,8	0,8	0,9	0,4
Пашня	132,3	121,6	121,4	10,9	8,3	10,7	8,1	0,2	0,2

Источник: составлено по: [1, с. 169–172; 2, с. 10; 3, с. 189, 191].

Динамика сельскохозяйственного землепользования заметно дифференцирована по регионам страны (см. табл. 2, 3). Причем размер вариации по площади земель сельскохозяйственного назначения (от 32,2 до 140,7%, или 108 п.п.) превосходит аналогичный показатель по площади сельскохозяйственных угодий (от 89,5 до 111,4%, или 21,9 п.п.).

Как следует из таблицы 2, в большинстве субъектов Российской Федерации (в 60 из 81, или 74%) площадь земель сельскохозяйственного назначения за 2007–2023 гг. уменьшилась; в 24 регионах масштабы уменьшения были большими, чем по стране в среднем. В 2 регионах они составили около 65%, а в 8 регионах — от 20 до 35%. Это лесистые территории Северо-Запада, Центра России и Сибири. Вместе с тем в 15 регионах площадь земель сельскохозяйственного назначения превысила 100%. Отрадно, что положительная динамика отмечена в регионах с высоким сельскохозяйственным потенциалом — в Ростовской, Саратовской, Белгородской, Астраханской областях, а также в дальневосточных регионах.

Т а б л и ц а 2

Группировка субъектов Российской Федерации по динамике площади земель сельскохозяйственного назначения за 2007–2023 гг. (2023 г./2007 г., %)

Интервалы показателя, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации
1	2	3
30,1–60,0	5	Архангельская область (32,2), Вологодская область (35,9), Томская область (55,0), Тверская область (55,3), Пермский край (60,0)
60,1–80,0	8	Ярославская область (64,8), Кировская область (65,7), Смоленская область (68,8), Калужская область (69,6), Республика Бурятия (74,4), Псковская область (75,7), Республика Саха (Якутия) (78,9), Омская область (79,6)
80,1–90,0	8	Ивановская область (80,6), Тюменская область (81,2), Нижегородская область (82,4), Брянская область (84,9), Республика Ингушетия (85,4), Красноярский край (89,0), Приморский край (89,5), Республика Марий Эл (90,0)
90,1–95,0	7	Московская область (91,4), Забайкальский край (91,4), Рязанская область (91,4), <i>Российская Федерация</i> (91,8), Алтайский край (92,1), Республика Башкортостан (93,8), Чеченская Республика (94,4), Камчатский край (95,0)
95,1–98,0	9	Костромская область (95,3), Новгородская область (95,3), Ненецкий АО (95,5), Республика Адыгея (95,8), Ульяновская область (95,9), Орловская область (96,4), Свердловская область (97,3), Калининградская область (97,5), Липецкая область (98,0)
98,1–99,0	12	Республика Мордовия (98,1), Кемеровская область – Кузбасс (98,2), Воронежская область (98,5), Краснодарский край (98,5), Тамбовская область (98,6), Волгоградская область (98,7), Самарская область (98,8), Республика Дагестан (98,9), Республика Хакасия (98,9), Челябинская область (99,0), Иркутская область (99,0), Ханты-Мансийский АО – Югра (99,0)
99,1–100,0	17	Владимирская область (99,1), Чувашская Республика (99,1), Республика Татарстан (99,1), Удмуртская Республика (99,3), Чукотский автономный округ (99,4), Оренбургская область (99,5), Ленинградская область (99,5), Новосибирская область (99,6), Ставропольский край (99,6), Ямало-Ненецкий АО (99,7), Карачаево-Черкесская Республика (99,7), Пензенская область (99,8), Республика Карелия (99,8), Тульская область (99,8), Мурманская область (99,9), Курская область (99,9), Кабардино-Балкарская Республика (100,0)

Источник: составлено по: [1, с. 158–160; 3, с. 189–190].

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3
100,1–102,0	6	Магаданская область (100,1), Республика Коми (100,1), Ростовская область (100,6), Курганская область (101,3), Республика Алтай (101,4), Саратовская область (101,8)
102,1–105,0	2	Республика Калмыкия (103,1), Белгородская область (103,4)
105,1–120,0	6	Астраханская область (105,3), Республика Тыва (106,2), Хабаровский край (106,3), Амурская область (107,4), Сахалинская область (107,8), Республика Северная Осетия – Алания (117,0)
120,1–145,0	1	Еврейская автономная область (140,7)

Данные *таблицы 3* показывают, что отрицательная динамика площади сельскохозяйственных угодий наблюдалась в 59 регионах. Это всего на один регион меньше по сравнению с регионами с отрицательной динамикой площади земель сельскохозяйственного назначения. Однако масштаб сокращения во втором случае *существенно ниже*. В 73 субъектах Российской Федерации (90%) изменения площади сельскохозяйственных угодий колебались в интервале всего 4%: от 98,0 до 102%. В 22 субъектах Российской Федерации размер сокращения превзошел средний показатель по Российской Федерации.

Т а б л и ц а 3

Группировка субъектов Российской Федерации по динамике площади сельскохозяйственных угодий за 2007–2023 гг. (2023 г./2007 г., %)

Интервалы показателя, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации
1	2	3
85,1–90,0	1	Республика Ингушетия (89,5)
90,1–98,0	4	Мурманская область (93,4), Московская область (94,0), Забайкальский край (96,8), Кемеровская область – Кузбасс (98,0)
98,1–99,0	9	Республика Тыва (98,1), Костромская область (98,2), Свердловская область (98,3), Чеченская Республика (98,6), Удмуртская Республика (98,7), Ханты-Мансийский АО – Югра (98,8), Калининградская область (98,8), Республика Адыгея (98,9), Пермский край (98,9)

Источник: составлено по: [1, с. 169–172; 3, с. 191–193].

О к о н ч а н и е т а б л . 3

1	2	3
99,1–100,0	58	Тамбовская область (99,2), Республика Марий Эл (99,2), Ненецкий АО (99,2), Челябинская область (99,4), Рязанская область (99,5), Ивановская область (99,5), Белгородская область (99,5), Республика Хакасия (99,5), <i>Российская Федерация</i> (99,6), Тюменская область (99,6), Красноярский край (99,6), Калужская область (99,6), Тульская область (99,6), Республика Татарстан (99,6), Ярославская область (99,7), Республика Северная Осетия-Алания (99,7), Оренбургская область (99,7), Саратовская область (99,7), Краснодарский край (99,7), Республика Башкортостан (99,7), Алтайский край (99,7), Пензенская область (99,7), Самарская область (99,8), Тверская область (99,8), Нижегородская область (99,8), Воронежская область (99,8), Орловская область (99,8), Приморский край (99,8), Архангельская область (99,8), Камчатский край (99,8), Владимирская область (99,8), Республика Мордовия (99,8), Новгородская область (99,8), Курская область (99,8), Ростовская область (99,8), Вологодская область (99,8), Республика Коми (99,9), Республика Карелия (99,9), Республика Бурятия (99,9), Чувашская Республика (99,9), Ульяновская область (99,9), Липецкая область (99,9), Брянская область (99,9), Новосибирская область (99,9), Смоленская область (99,9), Республика Алтай (99,9), Хабаровский край (100,0), Республика Дагестан (100,0), Курганская область (100,0), Амурская область (100,0), Волгоградская область (100,0), Омская область (100,0), Кабардино-Балкарская Республика (100,0), Карачаево-Черкесская Республика (100,0), Магаданская область (100,0), Ставропольский край (100,0), Ленинградская область (100,0), Еврейская АО (100,0), Томская область (100,0)
100,1–103,0	7	Иркутская область (100,1), Республика Саха (Якутия) (100,1), Псковская область (100,1), Кировская область (100,2), Республика Калмыкия (100,8), Чукотский АО (101,2), Астраханская область (102,9)
103,1–115,0	2	Сахалинская область (111,0), Ямало-Ненецкий АО (111,4)

**Большие площади неиспользуемых
сельскохозяйственных земель**

Наряду с сокращением площади сельскохозяйственных земель, распространено *неиспользование их по целевому назначению или использование с нарушением законодательства* Российской Федерации. Признаки этих негативных явлений установлены Постановлением

Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 г. № 1482 [4]⁴.

По состоянию на 1 января 2024 г., по данным субъектов Российской Федерации, площадь неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения составила 41 289,437 тыс. га, или 11,04% по отношению к их общей площади; неиспользуемых сельскохозяйственных угодий — 31 617,954 тыс. га (15,96%); неиспользуемой пашни — 16 937,037 тыс. га (14,58%) [4, с. 40, 43, 46].

Наибольшие площади неиспользуемых сельскохозяйственных угодий находятся в Сибирском и Центральном и федеральных округах, наименьшие — в регионах с почвами высокого плодородия и благоприятными климатическими условиями для ведения сельскохозяйственного производства — в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах (см. табл. 4).

Дифференциация субъектов Российской Федерации по доле неиспользуемых сельскохозяйственных угодий в их общей площади в регионе представлена в таблице 5.

Обращает на себя внимание 100%-ный показатель доли неиспользуемых сельскохозяйственных угодий в Ненецком АО. В абсолютном выражении это составляет всего 102,45 тыс. га — площадь небольшая в общероссийском масштабе (0,32% к общей площади неиспользуемых угодий в Российской Федерации), но тем не менее нуждающаяся в возвращении в хозяйственный оборот. Тем более что в Ямало-Ненецком АО и Чукотском АО, сравнимых с Ненецким АО по сельскохозяйственному потенциалу, неиспользуемых сельскохозяйственных угодий нет. В пяти регионах Центра и Северо-Запада России доля неиспользуемых угодий составляет от 70 до 80%; в 8 регионах — от 48 до 63%. В 43 субъектах Российской Федерации показатель неиспользования сельскохозяйственных угодий уступает среднероссийскому уровню. Вместе с тем в регионах Черноземного Центра и Юга России, вносящих наиболее существенный вклад в продовольственную безопасность страны, особенно по растениеводческим продуктам, доля неиспользуемых угодий составляет менее 1%.

⁴ Признаками неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению являются, во-первых, наличие на 50 и более процентах площади земельного участка зарастания сорными растениями по перечню и (или) древесно-кустарниковой растительностью (за исключением поле- и лесозащитных насаждений, плодовых и ягодных насаждений), и (или) наличие дерна, глубина которого достигает 15 и более сантиметров, и (или) распространение деградации земель. Во-вторых, наличие указанных признаков на 20 и более процентах площади земельного участка, отнесенного в установленном порядке к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям. При этом параметры, указанные в настоящем пункте, считаются признаками неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению, если одновременно с ними отсутствует ведение сельскохозяйственной деятельности на оставшейся площади земельного участка либо ведение такой деятельности менее чем на 25% площади земельного участка (см. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 г. № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/74664078/#block_1000 (дата обращения: 28.07.2025).

Т а б л и ц а 4

Доля субъектов Российской Федерации в общей площади неиспользуемых сельскохозяйственных угодий по стране по состоянию на 1 января 2024, %

Интервалы показателя, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации
Более 4,01	7	Новосибирская область (6,88), Тверская область (5,24), Забайкальский край (4,83), Красноярский край (4,50), Кировская область (4,45), Пермский край (4,25), Омская область (4,18)
4,00–2,01	10	Курганская область (3,99), Псковская область (3,14), Челябинская область (3,03), Смоленская область (2,92), Тюменская область (2,62), Иркутская область (2,56), Амурская область (2,29), Волгоградская область (2,18), Свердловская область (2,13), Вологодская область (2,01)
2,00–1,01	16	Костромская область (2,00), Ярославская область (1,95), Оренбургская область (1,92), Республика Бурятия (1,55), Нижегородская область (1,54), Архангельская область (1,53), Ивановская область (1,41), Республика Хакасия (1,40), Томская область (1,36), Калужская область (1,34), Республика Башкортостан (1,33), Удмуртская Республика (1,27), Новгородская область (1,22), Рязанская область (1,15), Приморский край (1,07), Тульская область (1,05)
1,00–0,51	16	Ульяновская область (0,99), Владимирская область (0,98), Пензенская область (0,91), Астраханская область (0,89), Республика Калмыкия (0,82), Саратовская область (0,80), Республика Марий Эл (0,80), Республика Мордовия (0,76), Калининградская область (0,74), Кемеровская область – Кузбасс (0,70), Республика Крым (0,70), Московская область (0,62), Республика Саха (Якутия) (0,61), Республика Коми (0,59), Ленинградская область (0,58), Брянская область (0,55)
0,50–0,11	13	Орловская область (0,49), Самарская область (0,33), Ненецкий АО (0,32), Республика Тыва (0,32), Кабардино-Балкарская Республика (0,30), Хабаровский край (0,22), Курская область (0,19), Республика Татарстан (0,17), Республика Карелия (0,15), Республика Дагестан (0,14), Камчатский край (0,14), Воронежская область (0,12), Алтайский край (0,11)
0,10–0,01	13	Магаданская область (0,10), Краснодарский край (0,10), анты-Мансийский АО – Югра (0,07), Чувашская Республика (0,06), Ростовская область (0,04), Чеченская Республика (0,04), Республика Алтай (0,04), Еврейская АО (0,04), Тамбовская область (0,04), Сахалинская область (0,03), Мурманская область (0,02), Белгородская область (0,02), Липецкая область (0,01)
0,00	7	Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Ингушетия, Ставропольский край, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО

Источник: составлено по: [4, с. 282–286].

Т а б л и ц а 5

Группировка субъектов Российской Федерации по доле неиспользуемых сельскохозяйственных угодий в их общей площади в регионе по состоянию на 1 января 2024 г.

Интервалы показателя, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации
1	2	3
100,00–70,00	6	Ненецкий АО (100), Тверская область (78,88), Архангельская область (76,53), Псковская область (75,5), Костромская область (73,82), Ярославская область (70,16)
70,01–40,00	8	Республика Коми (62,61), Ивановская область (59,53), Вологодская область (58,05), Пермский край (56,51), Смоленская область (55,71), Новгородская область (54,85), Камчатский край (49,23), Кировская область (48,27)
40,01–30,00	12	Магаданская область (38,97), Калужская область (38,59), Владимирская область (36,66), Республика Марий Эл (35,86), Томская область (34,37), Иркутская область (34,12), Свердловская область (33,87), Калининградская область (32,79), Республика Карелия (32,17), Ленинградская область (31,3), Курганская область (31,22), Амурская область (30,49)
30,01–20,00	13	Красноярский край (28,93), Хабаровский край (28,5), Тюменская область (28,46), Новосибирская область (28,45), Мурманская область (28,33), Республика Хакасия (26,68), Забайкальский край (24,9), Приморский край (24,42), Удмуртская Республика (23,73), Республика Бурятия (22,94), Республика Саха (Якутия) (21,74), Омская область (20,75), Челябинская область (20,4)
20,01–10,00	11	Тульская область (19,8), Нижегородская область (18,04), Московская область (17,49), Рязанская область (16,04), <i>Российская Федерация</i> (15,96), Республика Мордовия (15,96), Ульяновская область (14,99), Кабардино-Балкарская Республика (13,92), Республика Крым (12,93), Ханты-Мансийский АО – Югра (12,49), Сахалинская область (11,09), Брянская область (10,06)
10,01–5,00	7	Пензенская область (9,96), Астраханская область (9,41), Кемеровская область – Кузбасс (9,4), Орловская область (8,16), Волгоградская область (8,02), Республика Башкортостан (6,35), Оренбургская область (5,81)
5,01–1,00	11	Еврейская автономная область (4,69), Республика Калмыкия (4,3), Республика Тыва (3,82), Саратовская область (3,07), Курская область (2,87), Самарская область (2,81), Чувашская Республика (2,12), Чеченская Республика (1,64), Республика Дагестан (1,4), Республика Татарстан (1,26), Республика Алтай (1,14)

Источник: составлено по: [4, с. 282–286].

О к о н ч а н и е т а б л . 5

1	2	3
1,01–0,10	10	Воронежская область (1,00), Краснодарский край (0,75), Республика Адыгея (0,50), Тамбовская область (0,44), Алтайский край (0,33), Республика Северная Осетия-Алания (0,32), Белгородская область (0,26), Карачаево-Черкесская Республика (0,25), Ростовская область (0,17), Липецкая область (0,12)
00,00	4	Республика Ингушетия, Ставропольский край, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО

Процессы деградации сельскохозяйственных земель

Рост антропогенной нагрузки на земли сельскохозяйственного назначения, несоблюдение многими сельхозтоваропроизводителями требований рациональных технологий, учащение неблагоприятных для сельского хозяйства климатических явлений вызывают ухудшение качества сельскохозяйственных земель. Прежде всего следует указать на проблемы *с воспроизводством почвенного плодородия*. Объемы питательных веществ, выносимых из почвы с урожаем сельскохозяйственных культур, превышают объемы, вносимые в почву с минеральными и органическими удобрениями (см. табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Баланс питательных веществ в земледелии Российской Федерации, млн тонн действующего вещества

Год	Вынос питательных веществ	Внесено с удобрениями			Баланс
		всего	с минеральными удобрениями	с органическими удобрениями, растительными остатками, соломой	
2012	8,3	4,34	2,45	1,89	- 3,9
2013	9,4	4,2	2,41	1,79	- 5,2
2014	10,5	4,4	2,41	1,99	- 5,2
2015	9,9	4,3	2,48	1,82	- 5,6
2016	14,9	4,64	2,84	1,80	- 10,3
2017	16,4	4,9	3,1	1,85	- 11,5
2018	14,4	4,9	3,1	1,83	- 9,5
2019	14,0	5,3	3,5	1,84	- 8,7
2020	15,7	5,45	3,6	1,85	- 10,3
2021	14,6	5,5	3,5	1,85	- 9,1

Источник: составлено по: [2, с. 14].

Т а б л и ц а 7

Распространение негативных процессов на почвах
(по результатам обследования Агрохимслужбой Минсельхоза России, 2023 г.)

Федеральный округ	Площадь обследования сельхозугодий, тыс. га	Ветровая эрозия		Водная эрозия		Засоление почв		Переувлажнение почв	
		тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Российская Федерация	7 306,35	719,64	9,85	1 115,41	15,27	214,13	2,93	361,31	4,95
Центральный	1 953,78	39,41	2,02	179,53	9,19	0,00	0,00	49,41	2,53
Северо-Западный	352,75	0,00	0,00	44,44	12,60	0,00	0,00	126,20	35,78
Южный	1 289,81	301,23	23,35	288,19	22,34	34,16	2,65	5,81	0,45
Северо-Кавказский	516,42	154,66	29,95	115,29	22,32	97,92	18,96	86,67	16,78
Приволжский	1 473,64	12,13	0,82	345,44	23,44	13,04	0,88	9,91	0,67
Уральский	487,02	7,58	1,56	6,37	1,31	0,01	0,00	0,20	0,04
Сибирский	1 007,94	173,84	17,25	108,74	10,79	62,60	6,21	81,72	8,11
Дальневосточный	224,99	30,79	13,69	27,41	12,18	6,40	2,84	1,39	0,62

Источник: составлено по: [2, с. 89].

Данные *таблицы 6* свидетельствуют, что вносимых сельхозтоваро-производителями удобрений не хватает для простого воспроизводства плодородия почв, а тем более для его повышения. Причем дефицит в 2016–2021 гг. возрос по сравнению с первой половиной 2010-х гг.

Одновременно следует указать на довольно широкие масштабы распространения различного рода *эрозионных и дефляционных процессов*.

Наиболее распространена водная эрозия (15,27% обследованных площадей) и особенно в Южном, Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах, а также ветровая эрозия (9,85%) и особенно в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах.

Приведенные *таблицах 6 и 7* данные не позволяют, к сожалению, проанализировать динамику, с одной стороны, почвенного плодородия, с другой — неблагоприятных почвенных процессов, т.к. агроэкологический мониторинг почв проводится Агрохимслужбой Минсельхоза России каждый год по особой выборке, *как правило, несопоставимой с выборками предыдущих лет*. Такая ситуация требует организации 5-летних туров почвенного мониторинга с условием, чтобы за этот срок почвенными обследованиями была охвачена вся площадь сельскохозяйственных угодий. В результате появится возможность отслеживать изменения в качественном состоянии сельскохозяйственных земель с 5-летней периодичностью и тем самым иметь надежную информационную базу для соответствующих управленческих решений.

Основные меры по улучшению землепользования в сельском хозяйстве

Завершая статью, выделим несколько стратегических направлений государственной земельной политики.

Первое направление. *Создание благоприятных экономических условий для сельскохозяйственной деятельности.*

При анализе динамики землепользования (см. *табл. 1–3*) отмечалось, что основное сокращение земель сельскохозяйственного назначения, сельскохозяйственных угодий и пашни произошло в 1990-е гг. Тогда радикальная организационная перестройка коллективных хозяйств, уменьшение государственной поддержки отрасли, завоевание внутреннего агропродовольственного рынка импортной продукцией привели к свертыванию хозяйственной деятельности отечественными товаропроизводителями и банкротству многих из них. И наоборот, начиная с нулевых годов XXI в., и особенно после разработки и реализации Приоритетного национального проекта «Развитие АПК» и первой Государственной программы развития сельского хозяйства 2008–2012 гг., отрасль стала привлекательной для инвесторов, сокращение сельскохозяйственных земель стабилизировалось, а посевная площадь возросла с 76 363 тыс. га в 2007 г. до 81 462 тыс. га в 2023 г., в то время как в 1990-е гг. и первой половине 2000-х гг. она снижалась: с 117 705 тыс. га в 1990 г. до 85 419 тыс. га в 2000 г. и до 77 104 тыс. га

в 2006 г.⁵ Эти факты убедительно говорят о том, что создание в сельском хозяйстве благоприятных условий хозяйствования — ключевой фактор роста землепользования.

В силу того, что отрицательная динамика площади земель сельскохозяйственного назначения и сельскохозяйственных угодий продолжается, хотя и не такая интенсивная как 1990-е гг. и в первой половине 2000-х гг., задача улучшения условий сельскохозяйственной деятельности и повышения инвестиционной привлекательности отрасли остается актуальной.

Второе направление. *Устранение неблагоприятных последствий земельной реформы 1990-х гг. и оптимизация размеров землепользования.*

Земельные преобразования 1990-х гг. и их влияние на развитие сельского хозяйства — одна из самых дискуссируемых тем в современной аграрно-экономической литературе. С одной стороны, эти преобразования привели к становлению в России института частной собственности на землю и формированию многоукладности в сельском хозяйстве, созданию правовых основ для развития агропродовольственного рынка, что имело благоприятные долгосрочные последствия. Но, с другой стороны, их радикальный характер и использовавшиеся механизмы приватизации обусловили спад производства и сокращение площади сельскохозяйственных земель, которые в настоящее время вновь приходится вводить в хозяйственный оборот. Кроме этого, распределение сельскохозяйственных угодий на условные земельные доли в 1992–1993 гг. с разрешением их практически ничем не ограниченного оборота, без создания экономических условий для развития новых форм сельскохозяйственных предприятий и крестьянских (фермерских) хозяйств привели:

- к концентрации земельной собственности в руках ограниченного круга землепользователей;
- к увеличению количества не востребованных земельных долей⁶.

По данным на апрель 2025 г., под контролем 75 крупнейших землепользователей находилось 19 млн га сельскохозяйственной земли, в т.ч. компаний, занимающих первые 5 мест в рейтинге крупнейших землевладельцев, — 5 005 тыс. га. Так, «Мираторг» контролирует 1 380 тыс. га, «Агрокомплекс» имени Н.И. Ткачева — 1 230 тыс. га, «Продимекс» — 900 тыс. га, «Русагро» — 815 тыс. га, ГАП «Ресурс» — 680 тыс. га⁷.

⁵ См.: Российский статистический ежегодник. 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008, с. 448; Российский статистический ежегодник. 2024: стат. сб. / Росстат. М., 2024, с. 392.

⁶ В соответствии со ст. 12.1 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ, не востребованной земельной долей может быть признана земельная доля, принадлежащая на праве собственности гражданину, который не передал ее в аренду или не распорядился ею иным образом в течение трех и более лет подряд.

⁷ Крупнейшие владельцы сельскохозяйственной земли в России на 2025 год. URL: <https://www.befl.ru/upload/iblock/2de/2ded2e17d53361177c41a9538582f1b3.pdf> (дата обращения: 05.08.2025).

Очевидно, что акцент на развитии крупного производства позволил в относительно короткий срок наполнить внутренний рынок отечественным продовольствием. Однако одновременно это привело к монополизации агропродовольственного рынка. Многие средние и малые сельскохозяйственные организации, а также крестьянские (фермерские) хозяйства были вынуждены уменьшить масштабы хозяйственной деятельности или обанкротились. В итоге, несмотря на рост землепользования крупнейших компаний, общая площадь сельскохозяйственных земель сокращается.

Другим следствием неэффективной земельной и аграрной реформы стал рост количества невостребованных земельных долей, владельцы которых не располагали экономическими возможностями организовать собственный агробизнес. Так, в начале земельной реформы (1992 г.) в результате реорганизации коллективных хозяйств около 12 млн граждан (работники и пенсионеры реорганизованных колхозов и совхозов, а также сотрудники учреждений социальной сферы села) получили в счет земельных долей почти 115 млн га земли. Однако многие дольщики не распорядились своей собственностью, владельцы многих земельных долей или их наследники остаются неизвестными. По состоянию на 1 января 2015 г. количество невостребованных земельных долей, внесенных в списки в целом по Российской Федерации, составило 1 806 351 ед. (около 15% от общей численности дольщиков), площадью 18,15 млн га (15,8% долевой земли) [5, с. 23].

Органы местного самоуправления ежегодно вели работу по выявлению и составлению списков собственников невостребованных долей и передаче участков в счет этих долей через судебные процедуры в муниципальную собственность. По состоянию на 1 января 2024 г. количество невостребованных земельных долей, внесенных в списки в целом по Российской Федерации, составило 1 206 435 ед. (на 32% меньше по сравнению с 2015 г.) площадью 11 143,865 тыс. га (на 39%) [4, с. 32]. Таким образом, за 9 лет обращено в муниципальную собственность около 7 млн га земли, однако эта работа еще не закончена: около 4 млн га продолжают числиться за невостребованными долями.

Неудовлетворительные темпы объясняются не только сложностью процедур по оформлению участков и дефицитом кадастровых инженеров (в результате, по информации Минсельхоза России, остаются неосвоенными средства, выделяемые из федерального бюджета на выделение участков), но и невысоким спросом на муниципальные земли со стороны потенциальных пользователей. Дело в том, площадь участков, выделяемых в счет невостребованных долей, как правило, невелика и может быть востребована малым и средним агробизнесом, который с трудом развивается в сельском местностях.

Нерешенность проблемы невостребованных земельных долей вынудило правительство признать, что с 1 января 2025 г. земли в счет невостребованных долей будут автоматически (без решения суда)

становиться муниципальными⁸. Это конечно, кардинально упрощает юридические процедуры, но еще более актуализирует необходимость стимулирования развития малых форм хозяйствования в АПК.

Подытоживая, подчеркнем, что оптимизация землепользования в сельском хозяйстве предполагает, с одной стороны, ограничение дальнейшей концентрации земли в крупных хозяйствах (прежде всего в агрофирмах и агрохолдингах), а с другой – стимулирование развития средних и малых сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств. Ограничительными мерами могут выступать введение более жестких экологических нормативов сельскохозяйственной деятельности (например, по концентрации сельскохозяйственных животных на единицу площади); ограничение максимальных размеров аренды сельскохозяйственных угодий (в настоящее время лимитировано только приобретение их в собственность); требование дробления землепользования при распродаже крупного хозяйства в случае его банкротства. Развитию малого и среднего агробизнеса будет способствовать рост его бюджетной поддержки и улучшение сбыта продукции средних и малых хозяйств за счет вертикальной сельскохозяйственной кооперации.

Третье направление. *Нормирование рационального использования сельскохозяйственных земель.*

В настоящее время в стране де-факто отсутствует системное государственное нормирование использования земель сельскохозяйственного назначения, включая экологические требования к обеспечению плодородия. Это не позволяет осуществлять эффективный контроль за землевладельцами и арендаторами земельных участков в части выполнения ими установленной законодательством обязанности «осуществлять производство сельскохозяйственной продукции способами, обеспечивающими воспроизводство плодородия земель сельскохозяйственного назначения, а также исключаящими или ограничивающими неблагоприятное воздействие такой деятельности на окружающую среду» (см. ст. 8 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»).

В соответствии со ст. 14 упомянутого закона, государственное нормирование плодородия земель сельскохозяйственного назначения осуществляется в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Однако ни федеральный центр, ни регионы в полной мере это требование законодательства не выполнили.

По нашим оценкам, к настоящему времени только 20 субъектов Российской Федерации установили конкретные требования к зем-

⁸ В соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 декабря 2022 г. № 507-ФЗ.

лепользованию сельскохозяйственных товаропроизводителей⁹, а количественно измеряемые нормативы — и того меньше. В частности, в Ростовской области в 2016 г. приняты нормативы плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения в разрезе внутриобластных сельскохозяйственных зон по степени эродированности почв, средне-взвешенному содержанию гумуса, подвижного фосфора, обменного калия, реакции почвенного раствора. В Краснодарском крае в 2004 г. определена (также в разрезе зон) нормативная урожайность. В Белгородской области с 2014 г. сельскохозяйственные товаропроизводители должны осваивать проекты по адаптивно-ландшафтной системе земледелия и охране почв. В других регионах прописаны требования по использованию севооборотов, ведению паспортов полей и т.д. За несоблюдение этих требований определены конкретные меры ответственности. Но в остальных регионах такая работа не проводится.

Кроме того, на федеральном уровне не определены параметры нормативов землепользования, которые бы служили ориентиром (рекомендациями) при разработке соответствующих нормативов. Отчасти это обусловлено отсутствием научного обоснованного сельскохозяйственного районирования страны. Проведение такого районирования и разработка дифференцированных по районам нормативов сельскохозяйственного землепользования — насущная задача аграрной науки.

Необходимо также воссоздание в составе Минсельхоза России государственной землеустроительной службы, неправомерно переданной в начале земельной реформы Государственному комитету Российской Федерации по земельным ресурсам и землеустройству, ликвидированному в 2000 г. с одновременной приватизацией землеустроительных институтов.

Четвертое направление. *Стимулирование эффективного использования сельскохозяйственных земель.*

Учитывая существенную роль земли как главного средства производства в сельском хозяйстве в обеспечении продовольственной безопасности, государство стимулирует рациональное землепользование. С 2022 г. реализуется Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельхозназначения и развития мелиоративного комплекса, рассчитанная до 2031 г.¹⁰ Цель программы — ввести в оборот

⁹ Общие обязательства сельскохозяйственных производителей по использованию земли установлены в нормативно-правовых актах Республики Башкортостан, Республики Адыгея, Республики Дагестан, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Крым, Краснодарского края, Ставропольского края, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Ивановской, Кировской, Костромской, Ленинградской, Московской, Оренбургской, Ростовской, Сахалинской, Ульяновской областей.

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400773886/?ysclid=mdygu22zth662320884> (дата обращения: 05.08.2025).

13,2 млн га сельскохозяйственных земель; за первые 3 года программы освоено 2 млн га¹¹.

В рамках программы, кроме компенсации капитальных затрат по освоению земель, выделяются субсидии на проведение гидромелиоративных, культуртехнических, агролесомелиоративных и фитомелиоративных мероприятий, а также мероприятий в области известкования кислых почв на пашне.

Вместе с тем следует отметить, что в федеральном бюджете отсутствуют (за некоторыми исключениями) целевые субсидии на приобретение сельскохозяйственными товаропроизводителями минеральных удобрений¹²; такие субсидии выплачиваются, как правило из бюджетов субъектов Российской Федерации по мере их финансовых возможностей.

Не предоставляются также федеральные субсидии на освоение почвозащитных и ресурсосберегающих технологий, биологических методов защиты сельскохозяйственных культур от вредителей и болезней, сохранение биоразнообразия и другие экологические цели, в т.ч. на достижение в сельском хозяйстве углеродной нейтральности. По оценкам экспертов, в настоящее время почвозащитные технологии применяются всего на площади 6 млн га, т.е. на 5% пашни [2, с. 82].

В странах ЕС практика поддержки почвозащитного, экологически ориентированного земледелия существует. С природно-ландшафтными требованиями увязано предоставление до 30% погектарной поддержки; 25% прямых выплат зарезервировано для добровольного применения экологических схем землепользования.

Кроме того, в целях повышения почвенного плодородия и развития почвозащитного земледелия необходим переход к субсидированию покупки минеральных удобрений из федерального бюджета, а также предоставление погектарной поддержки сельхозтоваропроизводителям, осваивающим почвозащитные технологии.

Список литературы

1. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2023 г. М.: Росреестр, 2024. 194 с.
2. Материалы совместного заседания межведомственного координационного совета РАН по исследованиям в области агропромышленного производства и комплексного развития сельских территорий и Комитета Совета

¹¹ Дмитрий Патрушев: Сельхозгодья будут защищены от необоснованного выбытия из оборота. URL: <http://government.ru/news/55621/> (дата обращения: 05.08.2025).

¹² В 2025 г. федеральные субсидии на приобретение минеральных удобрений получали только сельхозтоваропроизводители ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей; субъекты малого предпринимательства Сибирского и Дальневосточного федеральных округов; производители льна-долгунца и (или) технической конопли, масличных культур; субъекты малого предпринимательства — производители картофеля и овощей; сельхозтоваропроизводители, занимающиеся виноградарством и виноделием. Автор благодарит ведущего научного сотрудника ВИАПИ им. А.А. Никонова, канд. экон. наук Е.А. Гатаулину за предоставление приведенных данных.

Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию. М.: Российская академия наук, 2023. 94 с.

3. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2007 г. М.: Росреестр, 2008. 269 с.

4. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 г. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2024. 414 с.

5. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2014 г. М.: Минсельхоз России, 2015. 235 с.

References

1. Gosudarstvennyi (natsional'nyi) doklad o sostoianii i ispol'zovanii zemel' v Rossiiskoi Federatsii v 2023 g. [State (National) Report on the Status and Use of Land in the Russian Federation in 2023]. Moscow, Rosreestr, 2024, 194 p. (In Russ.).

2. Materialy sovместnogo zasedaniia mezhvedomstvennogo koordinatsionnogo soveta RAN po issledovaniiam v oblasti agropromyshlennogo proizvodstva i kompleksnogo razvitiia sel'skikh territorii i Komiteta Soveta Federatsii po agrarno-prodovol'stvennoi politike i prirodopol'zovaniu [Proceedings of the Joint Meeting of the Interdepartmental Coordinating Council of the Russian Academy of Sciences for Research in the Field of Agro-Industrial Production and Integrated Development of Rural Areas and the Federation Council Committee on Agrarian and Food Policy and Environmental Management]. Moscow, Rossiiskaia akademiia nauk, 2023, 94 p. (In Russ.).

3. Gosudarstvennyi (natsional'nyi) doklad o sostoianii i ispol'zovanii zemel' v Rossiiskoi Federatsii v 2007 g. [State (National) Report on the Status and Use of Land in the Russian Federation in 2007]. Moscow, Rosreestr, 2008, 269 p. (In Russ.).

4. Doklad o sostoianii i ispol'zovanii zemel' sel'skokhoziaistvennogo naznachenii Rossiiskoi Federatsii v 2023 g. [Report on the Status and Use of Agricultural Land in the Russian Federation in 2023]. Moscow, FGBNU "Rosinformagrotekh", 2024, 414 p. (In Russ.).

5. Doklad o sostoianii i ispol'zovanii zemel' sel'skokhoziaistvennogo naznachenii Rossiiskoi Federatsii v 2014 g. [Report on the Status and Use of Agricultural Lands in the Russian Federation in 2014]. Moscow, Minsel'khoz Rossii, 2015, 235 p. (In Russ.).

PRIORITIES AND MECHANISMS OF LAND POLICY IN RUSSIAN AGRICULTURE

One of the main competitive advantages of Russia's agriculture is its high availability of land resources, which does not exclude the need for careful land management and the implementation of rational land use policies. The article shows the negative dynamics of agricultural land in Russia from 1990 to 2023 and in most regions of the Russian Federation from 2007 to 2023. It highlights the widespread occurrence of soil deflation and the withdrawal of agricultural land from economic circulation. A number of measures are proposed to overcome these negative processes, including addressing the adverse consequences of the 1990s land reform, optimizing the size of land use by economic entities, regulating the use of agricultural land, and promoting the use of mineral fertilizers and soil-protective technologies

Keywords: agricultural land, farmland, land reform, incentives for rational land use, state support for soil-protective farming, region.

JEL: O10, Q10, Q24, Q28, R52

Дата поступления — 06.08.2025

Принята к печати — 27.08.2025

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

академик РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель;
«Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова» — филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
аграрной экономики и социального развития сельских террито-
рий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики
сельского хозяйства» / Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1,
г. Москва, 107078.

e-mail: av_petrikov@mail.ru

PETRIKOV Alexander V.

Academician RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head;
All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics. A. A. Nikonov —
branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific
Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories —
All-Russian Research Institute of Agricultural Economics” / 21, Building 1,
Bolshoy Kharitonevsky Lane, Moscow, 107078.

e-mail: av_petrikov@mail.ru

Для цитирования:

Петриков А.В. Приоритеты и механизмы земельной политики в сель-
ском хозяйстве России // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3 (119). С. 117–135.
DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-117-135>

А.А. КОРНЮХИН, Г.Ю. ГАГАРИНА

ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Современные вызовы экономического развития угледобывающих регионов требуют перехода от реактивного управления к проактивному стратегическому планированию, основанному на адаптации к технологическим изменениям и глобальной рыночной конъюнктуре. Это подразумевает создание долгосрочных сценариев развития, не просто учитывающих историческую специализацию региона, но и трансформирующих ее в систему устойчивых драйверов роста в соответствии с новыми технологическими парадигмами и внешними изменениями. Ключевая задача — синхронизация отраслевых приоритетов с глобальными трендами. В условиях изменения глобальной рыночной конъюнктуры важным аспектом становится адаптация стратегического планирования к новым условиям как с точки зрения инвестиций в инновации, инфраструктуру и человеческий капитал, так и с точки зрения поддержки конкурентных преимуществ отраслей специализации. В статье исследуются структурные проблемы экономики угледобывающих регионов России, обусловленные высокой зависимостью от экспорта сырья, волатильностью доходов и прочими рисками моноотраслевой специализации. На основе анализа данных о добыче, бюджетной устойчивости, проблемах и возможностях регионов выявлены ключевые системные вызовы. Предложены стратегические направления развития региональной экономики, фокусирующиеся на их диверсификации, модернизации инфраструктуры, стимулировании инноваций и развитии несырьевых секторов. Особое внимание уделено методологии стратегического планирования для управления диверсификацией, в частности, применению адаптивных стратегических методов к реализации структурных изменений.

Ключевые слова: угледобывающие регионы, стратегическое планирование, диверсификация экономики, транспортная инфраструктура, устойчивое развитие.

JEL: R11

Введение

Опыт России в развитии региональной специализации уникален во многом благодаря реализации плановой системы и использованию метода экономического районирования в советский период. Государство целенаправленно определяло специализацию каждой республики и региона, исходя из национальных стратегических приоритетов (индустриализации, освоения ресурсов восточных регионов и др.) и конкурентных преимуществ отдельных территорий, что заложило долгосрочный каркас социально-экономического развития региональных экономик. В рыночных условиях немобильные факторы отраслевой специализации продолжают играть роль структурного базиса экономик некоторых регионов, что требует осознанного стратегического управления специализацией для минимизации рисков.

Определение отраслевых приоритетов в контексте стратегического планирования позволяет оптимизировать ресурсное распределение и перенаправить доходы добывающего сектора на финансирование долгосрочных драйверов роста — инноваций, развития человеческого капитала и технологической модернизации. Этот процесс должен быть формализован в стратегиях социально-экономического развития с ключевыми показателями эффективности (КПЭ) и источниками финансирования.

Согласно позиции авторов, эмпирические данные свидетельствуют о превалировании ресурсно-ориентированной модели развития. При такой модели компании, расположенные в регионах с сырьевыми активами, максимизируют краткосрочную ренту от экспорта первичных ресурсов, что в масштабе региона формирует зависимость экономики от данной деятельности. Как следствие, снижается устойчивость экономики к экзогенным шокам и деформируются ее структурные пропорции.

В России наиболее ярким образом это проявляется в субъектах, специализирующихся на добыче ископаемого сырья. Ресурсно-ориентированная модель развития сохраняет высокую волатильность социально-экономических показателей даже при наличии централизованных механизмов перераспределения бюджетных ресурсов, поскольку их стабильность напрямую зависит от рыночной конъюнктуры ключевого сырьевого товара. При негативных рыночных условиях обозначенная зависимость субъекта Российской Федерации, ориентированного на сырьевые рынки, не только усиливает волатильность экономики, но и блокирует диверсификацию, делая региональные социально-экономические системы заложниками сложившейся конъюнктуры. Во многом по этой причине регионам, ориентированным на добычу полезных ископаемых, требуется подход в долгосрочном социально-экономическом развитии, *отличный* от регионов с более диверсифицированной экономикой или специализирующихся на прочих, менее подверженных рыночным колебаниям, отраслях.

Особое место в этой группе субъектов Российской Федерации принадлежит угледобывающим регионам, у которых ключевой структурный вызов состоит в слабой диверсификации экономик, моноотраслевой направленности и высокой зависимости от экспорта угля на международные рынки, что ограничивает устойчивость долгосрочных программ развития.

Специфика угольной промышленности

В 2023 г. Россия занимала 2-е место в мире по запасам угля, включая антрациты и коксующиеся марки. На угольные теплоэлектростанции (68 действующих) пришлось 22,5% расхода топлива и 14% генерации электроэнергии¹. Вклад отрасли во внутренний валовой продукт составил менее 1%, в экспортные доходы — 4%². В 2022 г. 82% угля в стране добывалось открытым способом (тенденция к росту из-за большей рентабельности и безопасности), для коксующегося угля эта доля была 38%³.

Традиционно добыча угля считается одним из основных элементов тяжелой промышленности, в т.ч. являясь важным компонентом производственной цепочки стали. Согласно оперативным данным сервиса ЕМИСС, в 2023 г. было произведено 25,8 млн т кокса на основе каменноугольного сырья⁴. Российская сталелитейная отрасль полностью обеспечена российским коксом.

В 2023 г. в России было добыто 438 млн т угля (при совокупной мощности отрасли 500 млн т), в т.ч. 189 млн т было направлено на внутренние нужды (включая 70 млн т для ТЭС и ЖКХ)⁵.

Помимо прямых эффектов, угольная промышленность существенно влияет на транспортную отрасль: угольные грузы — самые массовые на российских железных дорогах. В 2023 г. они составили 28% от общего объема перевезенных грузов во всех направлениях, а в экспортном сообщении — 45%⁶. В структуре портовой перевалки российских терми-

¹ Расход условного топлива на электростанциях и котельных, по видам топлива. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62004> (дата обращения: 29.06.2025).

² Кузнецова Е.А., Васюков Д.А., Умрихин А.А. и др. Будущее угольной индустрии: экспортный потенциал России до 2050 года. URL: <https://yakovpartners.ru/publications/coal-industry-overview-russia-s-export-prospects-through-2050/> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2022 году. URL: <https://rosnedra.gov.ru/activity/documents/gosudarstvennyy-doklad-2022/> (дата обращения: 29.06.2025).

⁴ Производство основных видов продукции в натуральном выражении с 2017 г. (в соответствии с ОКПД2). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58636> (дата обращения: 11.07.2025).

⁵ Гулиев И.А. ТЭК России: итоги года 2023 и ожидания 2024. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/tek-rossii-2023/> (дата обращения: 03.07.2024).

⁶ Перспективы экспорта угля в Азиатско-Тихоокеанский регион: оценка ИПЕМ. URL: <https://ipem.ru/content/perspektivy-eksporta-uglya-v-aziatsko-tikhookeanskiy-region-otsenka-ipem/> (дата обращения: 29.06.2025).

налов уголь и кокс (в т.ч. нефтяной, но его доля традиционно существенно меньше угольного) составили 23% от общего тоннажа⁷. Практически весь объем, переваленный в морских портах (за исключением снабжения углем отдаленных территорий Арктики), направляется на экспорт.

При этом имеют место проблемные области, способные оказать существенное воздействие на ситуацию в угольной отрасли и экономике регионов размещения ее предприятий.

Наблюдается *тренд на снижение доли угольной генерации в суммарной выработке электроэнергии*. Он обусловлен газификацией страны и последующим переходом некоторых ТЭС на природный газ, а также усилением законодательных ограничений в целях охраны окружающей среды, усиления процесса декарбонизации [1, с. 27].

Фиксируется *сильная зависимость от внешних рынков*. Из России в 2023 г. экспортировалось 196 млн т угля (3-е место в мире по объему вовлеченных запасов), что составляет 45% объема добычи. Это создает очевидные риски волатильности доходов экономической системы.

Особое место занимает отдаленность угольных бассейнов от морских портов, а также *дефицит пропускной способности железных дорог* из-за резкой переориентации на восток после введения санкций западными странами. Отмеченный дефицит – серьезное препятствие для развития угледобывающей отрасли, поскольку практически весь объем добытого угля, за редким исключением, *перевозится по железным дорогам*.

Еще одна проблема – неравномерность размещения производительных сил угледобывающей промышленности по территории Российской Федерации, а также то, что большая часть угля различных типов добывается в Кузнецком бассейне, расположенном на юге Западной Сибири (см. рис. 1).

Проблема эта не новая, но ее усугубляет главный тренд изменения региональной структуры угледобычи последних 5 лет – *рост доли Дальневосточного федерального округа* в общероссийском объеме (см. рис. 2). Это обусловлено близостью дальневосточных месторождений к ключевым зарубежным рынкам, а также сложностью газификации этих регионов.

И, наконец, существует риск *сворачивания добычи угля под давлением глобальной декарбонизации* [2, с. 23] во многом в результате усилий научного сообщества и международных организаций, а также популяризации мнения об архаичности угольной генерации [3, с. 102].

⁷ Динамика грузооборота морских портов России. URL: <https://morcenter.ru/analytysc> (дата обращения: 03.07.2024).

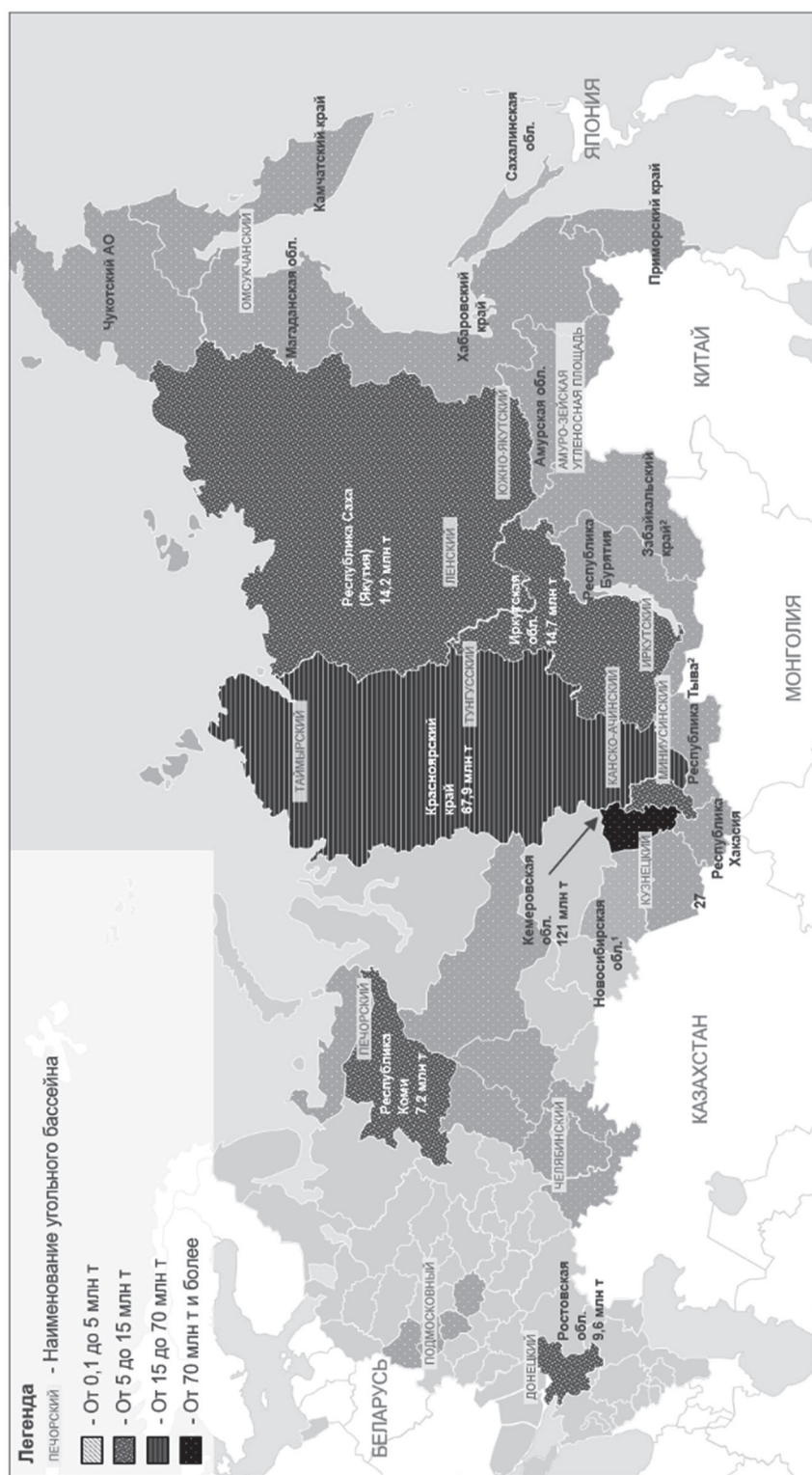

Рис. 1. Объем добычи угля по субъектам Российской Федерации в 2022 г., в млн т

Источник: составлено по: [4].

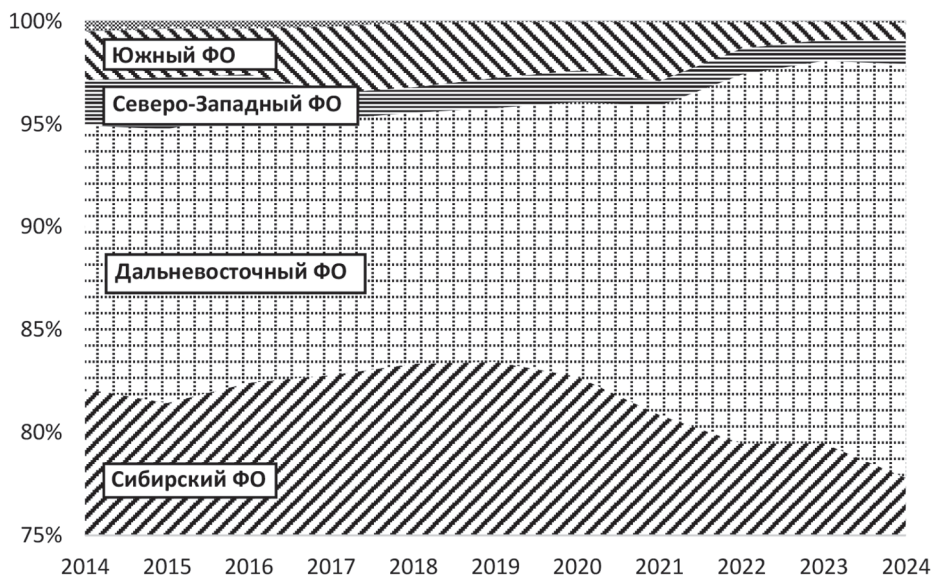

Рис. 2. Доля федеральных округов в погрузке каменного угля на железные дороги в 2014–2024 гг., в %

Источник: составлено по: [5].

При этом, несмотря на глобальные декларации о декарбонизации и отказе от традиционного топлива, мировое потребление угля продолжает расти, снижаясь лишь в кризисные периоды (2015–2016, 2020 гг.)⁸. Основной прирост потребления приходится на развивающиеся страны, в первую очередь на Китай, обладающий самыми крупными запасами в мире, и Индию, также имеющую значительные запасы угля (ввод ТЭС на угле в Индии опережает развитие добычи в стране)⁹.

Основные проблемы зависимости экономики регионов от угледобычи

Степень влияния угледобычи на внутренний региональный продукт (ВРП) регионов — лидеров добычи варьируется в зависимости от уровня отраслевой диверсификации и направления грузопотоков угля. Ввиду отсутствия в данных федеральной службы государственной статистики информации о структуре ВРП (на момент написания статьи были доступны только сводные данные по добывающему сектору) для оценки вклада угольной промышленности в региональную экономику были использованы данные о выручке компаний, структурированной по отраслям и субъектам Российской Федерации. Они представлены

⁸ Глобальная энергетика возвращается к угольной генерации. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/04/26/919731-globalnaya-energetika-vozvraschaetsya-k-ugolnoi-generatsii> (дата обращения: 24.06.2025).

⁹ Уголь 2023: анализ и прогноз до 2026 года. URL: <https://www.iea.org/reports/coal-2023> (дата обращения: 01.04.2025).

в *таблице 1*, отражающей долю регионов в добыче угля (в натуральном выражении), а также их вклад в национальный отраслевой экспорт. На основе финансовой отчетности компаний и стоимости экспорта рассчитаны показатели, отражающие зависимость региона от добычи угля и его экспорта.

Т а б л и ц а 1

Показатели оценки зависимости экономики регионов от добычи угля, %

Регионы добычи угля	Доля в добыче, 2022	Доля в экспорте, 2023	Доля выручки угольщиков в общей выручке региона, 2023	Доля экспорта в выручке угольной отрасли, 2023
Кемеровская область	47	58	44	56
Красноярский край	11	1	1	5
Республика Саха (Якутия)	8	4	21	81
Республика Хакасия	6	7	50	76
Забайкальский край	4	2	2	36
Новосибирская область	4	3	4	н/д
Иркутская область	4	2	1	70
Сахалинская область	3	7	7	н/д
Республика Бурятия	2	4	29	75
Хабаровский край	2	3	3	75
Приморский край	2	1	0,4	22
Республика Коми	2	—	6	—

Источник: составлено по: [6; 7; 8]; не включены регионы с объемом добычи менее 5 млн т в 2022 г.

Анализ данных о степени зависимости регионов от угледобычи, отраженных в *таблице 1*, выявил следующее:

- наибольшая зависимость характерна для Республики Хакасии (доля выручки угледобывающих компаний в общей выручке региона — 50%) и Кемеровской области (44%);
- значительная зависимость наблюдается в Республике Бурятии (29%) и Республике Саха (Якутия) (21%);
- в остальных угледобывающих регионах доля выручки угольного сектора не превышает 10%. Наибольшие объемы добычи в этой группе приходятся на Сахалинскую область и Республику Коми.

Примечательно, что в Республике Коми в последние годы добыча сворачивается ввиду высокой себестоимости (условия Крайнего Севера, шахтный способ добычи и др.), в то время как Сахалинская область увеличивает добычу и экспортный потенциал, что подтверждает тезис о развороте угольной промышленности на восток.

Фактором, осложняющим ресурсную зависимость регионов, выступает *ориентация большей части из них* (за исключением Красноярского края и Республики Коми) *на экспортные рынки*, что делает их зависимыми от колебаний международной рыночной конъюнктуры и ставит под угрозу устойчивое развитие. При этом сокращение угольных генерирующих мощностей, обеспечивающих локальную генерацию, может усилить эту зависимость, вынуждая регионы в большей степени полагаться на внешние рынки.

Бюджеты Кемеровской области и Республики Хакасии в значительной степени зависят от угольной отрасли. Поскольку финансовые результаты угольных компаний этих регионов напрямую подвержены колебаниям конъюнктуры международного рынка угля. Эта зависимость оказывает существенное влияние на объемы налоговых и неналоговых поступлений в их региональные бюджеты. Так, бюджет Кемеровской области в 2024 г. был исполнен с дефицитом в 70,6 млрд руб., что, по заявлениям ТАСС, связано с падением доходов угольной отрасли¹⁰.

Для проверки гипотезы *о высокой чувствительности доходов угледобывающих регионов к ситуации на внешних рынках* был проведен анализ динамики бюджетных поступлений в сопоставлении с изменениями экспортных цен и финансовых показателей компаний сектора угледобычи. Сопоставление данных *рисунков 3 и 4* выявляет существенное сокращение доходов бюджетов Кемеровской области и Республики Хакасии, которое синхронно происходит на фоне падения экспортных цен на уголь.

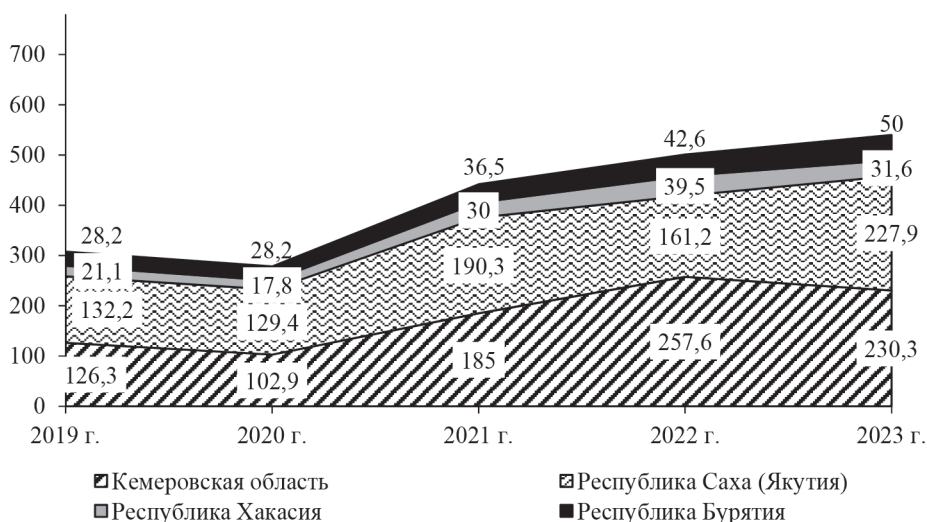

Рис. 3. Налоговые и неналоговые поступления в бюджеты субъектов Российской Федерации, в млрд руб.

Источник: составлено по: [9].

¹⁰ Бюджет Кузбасса в 2025 году недополучил 8,3 млрд рублей из-за кризиса в угольной отрасли. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23443647> (дата обращения: 06.09.2025).

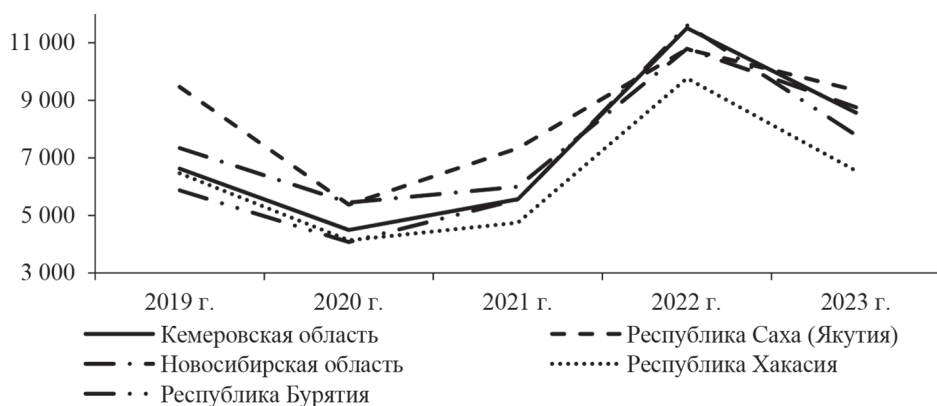

Рис. 4. Средневзвешенная стоимость тонны угля в экспорте по субъектам Российской Федерации, в руб.

Источник: составлено по: [10].

Как показано на рисунке 5, падение цен сопровождалось неустойчивым финансовым положением угледобывающих предприятий этих регионов. Данные рисунка 4 (отражающего снижение экспортных цен в 2020 и 2023 гг.) подтверждают, что в 2020 г. угледобывающие компании Кемеровской области, Хакасии и Бурятии получили убыток. В отличие от указанных регионов, угледобывающие компании Республики Саха (Якутия) и Новосибирской области в 2020 г. совокупно убытка избежали. Более того, предприятия Якутии, несмотря на негативную рыночную конъюнктуру, смогли увеличить чистую прибыль относительно 2019 г. Этому способствовали выгодное экономико-географическое положение относительно экспортных рынков, что позволило *снизить транзакционные издержки*, и ориентация на добычу технологических марок угля, которые котируются на рынке выше энергетических и менее подвержены ценовым колебаниям.

Рис. 5. Чистая прибыль угледобывающих предприятий по субъектам Российской Федерации, в млрд руб.

Источник: составлено по: [8].

Кроме прямого влияния на бюджеты и валовый региональный продукт, высокой зависимостью от угольной отрасли характеризуется и рынок труда этих территорий. Прямым следствием бюджетной нестабильности и колебаний конъюнктуры становится сокращение занятости в угледобыче и смежных секторах, что представляет собой критическую социально-экономическую проблему для монопрофильных регионов.

Угольная промышленность традиционно выступает ключевым работодателем в части регионов. Так, в 2024 г. ее доля в общей занятости достигала 29,3% в Кемеровской области, 16,2% в Хакасии, 11% в Новосибирской области, 5,5% в Республике Бурятия и 5,3% в Республике Саха (Якутия)¹¹. При этом в большинстве регионов темпы роста численности работников в отрасли, за исключением временного оживления в 2022 г. из-за пиковых цен, последовательно отстают от других секторов экономики.

Тревожным индикатором нарастания кризисных явлений служит резкое сокращение вакансий: к июню 2025 г. в Кемеровской области их число уменьшилось в 2,1 раза по сравнению с августом 2024 г.¹², что наблюдалось даже на фоне пока еще стабильной общей численности персонала.

Таким образом, экспортная ориентация угольной отрасли делает уязвимым не только бюджетно-налоговый баланс регионов, но и стабильность их социальной сферы, которая напрямую зависит от доходов предприятий, занятых в добыче и смежных отраслях.

Ограничения Восточного полигона и ухудшение ценовой конъюнктуры на мировых рынках в условиях санкций создают ключевые риски для угледобывающих регионов, ограничивая их экспортный потенциал и экономическую стабильность. Из *рисунка 6* следует, что на I кв. 2024 г. для экспортеров поставки были прибыльны только в направлении восточных портов и сухопутных пограничных переходов. Согласно расчетам консалтинговой компании «ТеДо», на конец I квартала 2025 г. поставки через порты Дальнего Востока за рамками долгосрочных контрактов стали убыточны¹³.

На этом фоне недостаточная мощность железнодорожных путей и логистических узлов приводит к *невозможности полной реализации экспортного потенциала угледобычи*. Долгосрочный план ОАО «РЖД» по расширению инфраструктуры, предусматривающий поэтапное увеличение пропускной способности¹⁴, пока не решает текущих проблем, создавая узкие места в наиболее востребованной цепочке поставок.

¹¹ Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций с 2017 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58699> (дата обращения: 06.09.2025).

¹² В Кузбассе на 40% сократилось количество вакансий в угольной отрасли. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24806835> (дата обращения: 06.09.2025).

¹³ Экспорт энергоугля из России стал убыточен даже через Дальний Восток. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/04/24/1106342-eksport-energouglya-iz-rossii-stal-ubitochen> (дата обращения: 30.06.2025).

¹⁴ Восточный полигон РЖД «радует» задержкой. URL: <https://vgudok.com/lenta/vostochnyy-poligon-rzhd-raduet-zaderzhkoy-zheleznodorozhniki-vynuzhdenno-sdvigayut> (дата обращения: 30.06.2025).

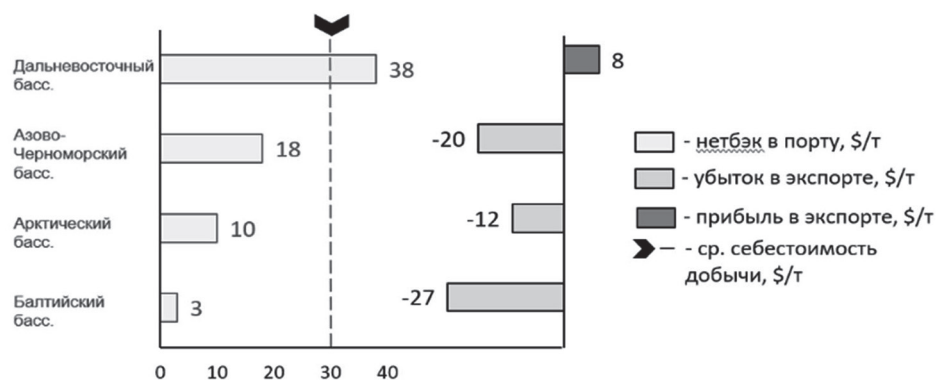

Рис. 6. Доходность экспортных поставок угля калорийностью 5 500 ккал, на условиях «франко-борт» в I кв. 2024 г., в долл./т

Источник: [11].

Из анализа следует, что на фоне глобальных энергетических трансформаций и турбулентности ценовой конъюнктуры экспортоориентированные угледобывающие регионы России сталкиваются с комплексом системных вызовов, требующих пересмотра подходов к их стратегическому развитию.

Перспективы преодоления угольной зависимости российскими регионами

Стратегии социально-экономического развития регионов, в большей степени зависящих от экспорта угля, акцентируются:

- на их зависимости от конъюнктуры угольных рынков;
- включают стратегические подходы к решению проблемы и нивелированию рисков;
- уделяют особое внимание ключевым направлениям диверсификации экономики.

Анализ стратегий ключевых угледобывающих регионов России, отраженный на *таблице 2*, выявил как признание долгосрочных рисков зависимости от угольной отрасли и соответствующие трансформационные механизмы, так и реактивный характер большей части из них.

Примером проактивного подхода служит Кемеровская область. В ее стратегии социально-экономического развития четко указано на зависимость экономики от угледобычи, а также утвержден план диверсификации экономики на 2021–2026 гг. Этот документ ставит измеримые цели: к 2026 г. планируется создать 13,3 тыс. новых рабочих мест в несырьевых секторах (машиностроение, химическая промышленность, туризм) и привлечь 376,4 млрд руб. внебюджетных инвестиций¹⁵.

¹⁵ Приказ Минэкономразвития России от 5 июля 2021 г. № 410 «Об утверждении плана мероприятий по диверсификации экономики Кемеровской области – Кузбасса на 2021–2026 годы» в редакции приказа от 22 февраля 2023 г. № 117.

Т а б л и ц а 2

Сравнительный анализ стратегий регионов Российской Федерации в части признания зависимости от угольной промышленности и методов их диверсификации

Регион	Признание зависимости в региональной стратегии	Стратегические подходы	Направления диверсификации	Наличие соответствующих целей и КПЭ
Кемеровская область	<ul style="list-style-type: none"> Прямое упоминание зависимости от угольной отрасли; признана зависимость от мировых цен на уголь 	Комбинация максимизации выгод от экспорта угля и постепенной диверсификации	Угледобыча, сельское хозяйство, туризм, машиностроение	Разработана программа диверсификации экономики. Цель: создание 40 тыс. рабочих мест в новых отраслях
Республика Хакасия	<ul style="list-style-type: none"> Зависимость не упомянута напрямую; подчеркнута монопрофильность экономики; ключевой риск: неблагоприятная конъюнктура сырьевых рынков 	Проблема угольной зависимости на второстепенном уровне; приоритет – инфраструктура и инвестиции	Туризм, логистика, АПК, инновации в традиционных отраслях, развитие энергоемких производств	<ul style="list-style-type: none"> Декларативный характер КПЭ; конкретные измеримые цели отсутствуют
Республика Саха (Якутия)	<ul style="list-style-type: none"> Прямая зависимость не упомянута; отмечены высокая доля экспортных добывающих отраслей и риск ухудшения конъюнктуры сырьевых рынков 	<ul style="list-style-type: none"> Максимизация выгод от сырьевой отрасли; развитие несырьевой экспортно ориентированной экономики 	Развитие АПК, ЛПК, туризма, сферы высоких технологий, диверсификация сырьевой базы	<ul style="list-style-type: none"> Стратегическая цель: рост экспорта несырьевых неэнергетических грузов (ННЭ) и услуг
Республика Бурятия	<ul style="list-style-type: none"> Зависимость не упомянута напрямую; указано, что экономика базируется на минерально-сырьевой базе и существует риск неблагоприятной рыночной конъюнктуры 	Комбинация модернизации сырьевой базы, развития пердела и туризма	Туризм, логистика, IT, машиностроение, кластеризация АПК и ЛПК, развитие инновационных производств	<ul style="list-style-type: none"> Четкий план диверсификации отсутствует; КПЭ: кратный рост ННЭ, увеличение доли экспорта продукции обрабатывающих отраслей

Источник: составлено по: [12; 13; 14; 15].

Аналогично, Республика Коми имеет программу диверсификации, ключевым приоритетом которой признано развитие несырьевых отраслей. План предусматривает создание 3,8 тыс. рабочих мест и привлечение 89,7 млрд руб. инвестиций в альтернативные секторы, в т.ч. переработку породных отвалов, лесную промышленность и добычу цветных металлов¹⁶.

В рассмотренных документах обоих регионов используются единые механизмы интеграции в стратегическое поле — целевые показатели, инфраструктурное обеспечение и межрегиональное сотрудничество, но контекст разработки этих программ различается. Стратегия Республики Коми во многом обусловлена наличием угольных моногородов и общей тенденцией к сворачиванию угледобычи в регионе. В то же время для Кемеровской области концепция разрабатывалась с учетом высокого экспортного потенциала с целью упреждения связанных с углем рисков.

Ситуация в других угледобывающих регионах выглядит немного иначе. Стратегии республик Саха (Якутия) и Бурятии прямо не указывают на критическую зависимость от угольной промышленности, хотя и подчеркивают ключевую роль минерально-сырьевого комплекса в их экономиках. Параллельно в них декларируется цель развития перерабатывающих отраслей (глубокой переработки сырья), однако конкретные измеримые программы представлены менее детально. В отличие от них стратегия Республики Хакасии, несмотря на признание рисков снижения цен на сырье, не содержит конкретных шагов по диверсификации экономики. В конце 2024 г. была принята индивидуальная программа социально-экономического развития Республики Хакасии на 2025–2030 гг.¹⁷ Программа формально соответствует целям диверсификации через развитие промышленных парков и туризма, но не содержит конкретной цели и дорожной карты для перехода к несырьевой модели. Таким образом, признание рисков (как в Якутии, Хакасии, Бурятии) не трансформируется в стратегии в конкретные адаптивные механизмы.

Таким образом, показатели эффективности, отраженные в стратегиях (например, кратный рост экспорта ННЭ в Бурятии, создание 40 тыс. рабочих мест в Кемеровской области), не предусматривают механизмов корректировки при кардинальных изменениях внешней среды (санкционном давлении, волатильности цен, сдвигах в глобальных цепочках добавленной стоимости) или внутренних условий. Это не позволяет внести коррективы в их приоритеты, методы поддержки и целевые индикаторы как реакцию на изменения технологических парадигм (энергопереход, цифровизация) и геополитической конъюнктуры (санкции и изменения в глобальной логистике).

¹⁶ Приказ Минэкономразвития России от 5 июля 2021 г. № 409 «Об утверждении плана мероприятий по диверсификации экономики Республики Коми на 2021–2026 годы».

¹⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2024 г. № 3874-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Хакасия на 2025–2030 годы».

Как результат, существуют серьезные ограничения по преодолению следующих угроз развития рассматриваемых субъектов Российской Федерации.

Во-первых, многоукладность. В четырех субъектах Федерации (Кемеровская область, Республика Хакасия, Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия) доля угледобычи в структуре ВРП превышает критический уровень. Это создает риски социально-экономической дестабилизации при колебаниях спроса на уголь. Отсутствие диверсификации экономики усугубляется зависимостью от экспорта сырья (по данным ФСГС, в 2024 г. более 50% угольных компаний работали в убыток из-за критически низких цен и ограничений логистики¹⁸).

Во-вторых, транспортные ограничения. Ограниченность пропускной способности Восточного полигона препятствует наращиванию добычи и экспорта даже в условиях прогнозируемого роста спроса. Переориентация грузопотока на уголь в ущерб другим грузам (грузам в контейнерах, металлам, удобрениям) приводит к потерям в отраслях с высокой бюджетной эффективностью. Дополнительным барьером остается нехватка сухогрузного флота, что ограничивает использование Северного морского пути (СМП) как альтернативного маршрута, даже при наличии ледокольного обеспечения.

В-третьих, низкая глубина переработки: угледобывающие регионы сохраняют сырьевую модель. Лишь малая часть продукции проходит дальнейший передел в производстве материалов на основе углерода.

В-четвертых, низкая доля инновационных производств. Развитие моноотраслевых территорий ориентировано на экстенсивное наращивание добычи, а не на внедрение инновационных технологий. Это снижает конкурентоспособность на фоне развития перерабатывающих отраслей и перехода части развитых стран к зеленой энергетике.

В-пятых, экологическая нагрузка. Накопленный ущерб от добычи угля, включая нарушение земель и загрязнение водных ресурсов, требует масштабной рекультивации и строительства очистных сооружений.

Для преодоления названных проблем угледобывающих регионов предлагается реализовать следующие направления стратегического развития.

Первое. Развитие высокомаржинальных инновационных отраслей, в т.ч. с помощью поддержки перерабатывающих производств, формирование высокотехнологичных кластеров, центров цифровизации и роботизации. Создание инновационных фондов и технопарков должно сопровождаться механизмами быстрой переориентации в ответ на технологические тренды [16, с. 8].

Второе. Решение инфраструктурных проблем. Инвестиции в расширение пропускной способности Восточного полигона и развитие СМП, включая создание арктического флота судов большой вместимости

¹⁸ О финансовых результатах деятельности организаций в I полугодии 2024 года. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/132_28-08-2024.html (дата обращения: 01.07.2025).

(типа *Capesize* и выше)¹⁹. Внедрение системы квотирования грузопотока для оптимального удовлетворения потребности отраслей в рамках динамичного транспортно-экономического баланса.

Третье. Создание углехимических производств, включая выпуск графита, карбидов и т.д. позволит увеличить маржинальность базового сектора. Примером может служить Китай, где существенная часть угля используется в химической промышленности, что подтверждает перспективность такой модели [7, с. 92–95].

Четвертое. Формирование фондов развития компетенций, грантовая поддержка стартапов, создание отраслевых исследовательских институтов. Программы переобучения научные изыскания должны оперативно адаптироваться к возникающим запросам трансформирующейся экономики.

Пятое. Внедрение системы гарантированного финансирования рекультивации, строительства очистных сооружений и т.д. (резервирование средств на специальных счетах на этапе лицензирования)²⁰.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что современные вызовы, стоящие перед угледобывающими регионами России, носят глубинный структурный характер и обусловлены высокой зависимостью от конъюнктуры глобальных сырьевых рынков, волатильностью доходов и рисками моноотраслевой специализации. В этих условиях реактивные меры управления оказываются несостоятельными. Единственно возможным ответом становится переход к проактивной модели стратегического планирования, нацеленной не на сохранение, а на трансформацию исторической специализации в систему устойчивых драйверов роста.

Казалось бы, при частом пересечении направлений стратегического развития рассмотренных регионов необходим дифференцированный подход, учитывающий как конкурентные преимущества регионов, так и риски каждого субъекта Российской Федерации. Например, в части антикризисных дорожных карт для всех экспортных угледобывающих регионов будет актуально увеличение пропускной способности Восточного полигона. При этом для наиболее удаленных от портов регионов (Кемеровская область, Республика Хакасия) актуально субсидирование части транспортных расходов или квотирование сухопутных провозных мощностей при неблагоприятной ценовой конъюнктуре.

Ключевой элемент такой трансформации — диверсификация экономики, основанная на синхронизации региональных приоритетов

¹⁹ Расчеты, проведенные авторами, показывают, что при высоких эксплуатационных затратах судов соответствующего ледового класса и затрат на ледокольную проводку экономически целесообразны отправки партиями от 60 тыс. т.

²⁰ Рекультивацию в Кузбассе сдерживает отсутствие четких «правил игры» и недостаточность госрегулирования. URL: <https://www.interfax-russia.ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

с глобальными трендами. В качестве стратегических направлений можно выделить:

- стимулирование инноваций и развитие высокотехнологичных несырьевых секторов, создающих добавленную стоимость;
- модернизация инфраструктуры как основы для развития угольной отрасли и инновационных отраслей;
- системное развитие человеческого капитала, ориентированное на опережающую подготовку кадров для нужд перспективных отраслей экономики.

Однако смена экономической модели развития региона требует значительных инвестиций, поддержки федерального центра и десятилетий для адаптации экономики региона и социума к новым условиям. Часто меры диверсификации, предлагаемые в региональных стратегиях (инновации, туризм, переработка), носят долгосрочный характер и требуют значительных инвестиций в условиях бюджетных ограничений [17, с. 141–176].

Таким образом, эффективная трансформация угледобывающих регионов невозможна без реализации комплексного подхода, интегрирующего инфраструктурные, технологические и институциональные преобразования. Стратегическое планирование, фокусирующееся на управлении диверсификацией, позволит создать гибкую, адаптивную систему, способную к постоянной корректировке в ответ на изменения внешней среды. Это обеспечит не только преодоление текущих структурных дисбалансов, но и формирование устойчивой и конкурентоспособной экономической модели, готовой к вызовам глобальной энергетической трансформации.

Список литературы

1. Малышев Ю., Ковальчук А., Рожков А. Угольная отрасль: поиск ориентиров в эпоху перемен // Энергетическая политика. 2021. № 2 (156). С. 18–29.
2. Осокина Н.В., Жернов Е.Е. Проблемы адаптации угольной отрасли России в перспективе декарбонизации мировой экономики // Уголь. 2023. № 7 (1169). С. 20–24.
3. Нехорошков В.П., Соколова Д.А. Влияние тенденций декарбонизации на развитие угольной промышленности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 6-2. С. 112–120.
4. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2022 году // Федеральное агентство по недропользованию. URL: <https://rosnedra.gov.ru/activity/documents/gosudarstvennyu-doklad-2022/> (дата обращения: 29.06.2025).
5. Производство основных видов продукции в натуральном выражении с 2017 г. (оперативные данные в соответствии с ОКПД2) // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57783> (дата обращения: 17.02.2025).
6. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2022 году // Федеральное

агентство по недропользованию. URL: <https://rosnedra.gov.ru/activity/documents/gosudarstvennyu-doklad-2022/> (дата обращения: 29.06.2025).

7. Саенко В.В. Угольная отрасль России: вызовы и современные тенденции развития. URL: http://jeees.ru/2021/04/24/_угольная-отрасль-россии-вызовы-и-совр/ (дата обращения: 02.04.2025).

8. СПАРК-Интерфакс // Интерфакс. URL: <https://spark-interfax.ru/system/#/analysis/FIRMS/0/0> (дата обращения: 04.09.2025).

9. Электронный бюджет: официальный портал // ГИИС «Электронный бюджет» Минфина России. URL: <https://budget.gov.ru/Бюджет/Доходы/Исполнение-бюджета-по-видам-доходов> (дата обращения: 22.04.2025).

10. Таможенная статистика // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 04.09.2025).

11. Топливо времени: трансформация или стагнация угольной отрасли: аналитический отчет // Технология доверия. URL: <https://data.tedo.ru/publications/Fuel-of-Time-transformation-or-stagnation-of-the-coal-industry.pdf> (дата обращения: 04.09.2025).

12. Закон Кемеровской области – Кузбасса от 26 декабря 2018 г. № 122-ОЗ (ред. от 04.10.2024) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/550305101> (дата обращения: 02.06.2025).

13. Закон Республики Бурятия от 18 марта 2019 г. № 360-VI (ред. от 23.12.2024) «О Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/553221182> (дата обращения: 02.06.2025).

14. Закон Республики Саха (Якутия) от 19 декабря 2018 г. 2077-3 № 45-VI (ред. от 18.06.2020) «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/553221182> (дата обращения: 02.06.2025).

15. Закон Республики Хакасия от 12 февраля 2020 г. № 01-ЗРХ (ред. от 22.07.2022) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/406165064> (дата обращения: 02.06.2025).

16. Архипова Л.С., Гагарина Г.Ю. Инновации в экономике и динамика пространственного развития // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. № 5. С. 56–73.

17. Стародубровская И., Лободанова Д., Борисова Л., Филюшина А. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 248 с.

References

1. Malyshev Yu., Koval'chuk A., Rozhkov A. Ugol'naya otrasl': poisk orientirov v epohu peremen [Coal Industry: Search for Landmarks in the Era of Change], *Energeticheskaya politika* [Energy policy], 2021, No. 2 (156), pp. 18–29. (In Russ.).

2. Osokina N.V., Zhernov E.E. Problemy adaptatsii ugol'noi otrasli Rossii v perspektive dekarbonizatsii mirovoi ekonomiki [Problems of Adaptation of the Coal Industry of Russia in the Perspective of Decarbonization of the Global Economy], *Ugol'* [Coal], 2023, No. 7 (1169), pp. 20–24. (In Russ.).

3. Nekhoroshkov V.P., Sokolova D.A. Vliyanie tendentsii dekarbonizatsii na razvitie ugol'noi promyshlennosti [The Influence of Decarbonization Trends on the Development

of the Coal Industry], *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and Business: Theory and Practice], 2022, No. 6-2, pp. 112–120. (In Russ.).

4. Gosudarstvennyi doklad o sostoyanii i ispol'zovanii mineral'no-syr'evykh resursov Rossijskoi Federacii v 2022 godu [State Report on the State and Use of Mineral Resources of the Russian Federation in 2022], *Federal'noe agentstvo po nedropol'zovaniyu* [Federal Agency for Subsoil Use]. (In Russ.). Available at: <https://rosnedra.gov.ru/activity/documents/gosudarstvennyy-doklad-2022/> (accessed 29 June 2025).

5. Proizvodstvo osnovnykh vidov produkcii v natural'nom vyrazhenii s 2017 g. (operativnye dannye v sootvetstvii s OKPD2) [Production of Main Types of Products in Physical Terms since 2017 (Up-To-Date Data in Accordance with OKPD2)], *Edinaya mezhvedomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema (EMISS)* [Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS)]. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/57783> (accessed 17 February 2025).

6. Gosudarstvennyi doklad o sostoyanii i ispol'zovanii mineral'no-syr'evykh resursov Rossijskoi Federacii v 2022 godu [State Report on the State and Use of Mineral Resources of the Russian Federation in 2022], *Federal'noe agentstvo po nedropol'zovaniyu* [Federal Agency for Subsoil Use]. (In Russ.). Available at: <https://rosnedra.gov.ru/activity/documents/gosudarstvennyy-doklad-2022/> (accessed 29 June 2025).

7. Saenko V.V. Ugol'naya otrasl' Rossii: vyzovy i sovremennye tendencii razvitiya [The Coal Industry of Russia: Challenges and Modern Development Trends]. (In Russ.). Available at: <http://jeees.ru/2021/04/24/угольная-отрасль-россии-вызовы-и-совр/> (accessed 02 April 2025).

8. SPARK-Interfaks, *Interfaks*. (In Russ.). Available at: <https://spark-interfax.ru/system/#/analysis/FIRMS/0/0> (accessed 04 September 2025).

9. Elektronnyi byudzheth: oficial'nyi portal [Electronic Budget: Official Portal], *GIIS «Elektronnyi byudzheth» Minfina Rossii* [GIIS “Electronic Budget” of the Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: <https://budget.gov.ru/Бюджет/Доходы/Исполнение-бюджета-по-видам-доходов> (accessed 22 April 2025).

10. Tamozhennaya statistika [Customs Statistics], *Federal'naya tamozhennaya sluzhba* [Federal Customs Service]. (In Russ.). Available at: <https://customs.gov.ru/statistic> (accessed 04 September 2025).

11. Toplivo vremeni: transformaciya ili stagnaciya ugol'noi otrasli: analiticheskii otchet [Fuel of Time: Transformation or Stagnation of the Coal Industry: Analytical Report], *Tekhnologiya Doveriya* [Technology of Trust]. (In Russ.). Available at: <https://data.tedo.ru/publications/Fuel-of-Time-transformation-or-stagnation-of-the-coal-industry.pdf> (accessed 04 September 2025).

12. Zakon Kemerovskoi oblasti – Kuzbassa ot 26 dekabrya 2018 g. N 122-OZ (red. ot 04.10.2024) “Ob utverzhdenii Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoi oblasti – Kuzbassa na period do 2035 goda” [Law of the Kemerovo Region – Kuzbass of December 26, 2018 No. 122-OZ (as Amended on 10/04/2024) “On Approval of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Kemerovo Region – Kuzbass for the Period up to 2035”]. (In Russ.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/550305101> (accessed 02 June 2025).

13. Zakon Respubliki Buryatiya ot 18 marta 2019 g. N 360-VI (red. ot 23.12.2024) “O Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Buryatiya na period do 2035 goda” [Law of the Republic of Buryatia of March 18, 2019 No. 360-VI (as Amended on 23.12.2024) “On the Strategy for the Socio-Economic Development of the Republic of Buryatia for the Period up to 2035”]. (In Russ.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/553221182> (accessed 02 June 2025).

14. Zakon Respubliki Saha (Yakutiya) ot 19 dekabrya 2018 g. 2077-Z N 45-VI (red. ot 18.06.2020) "O Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Saha (Yakutiya) do 2032 goda s celevym videniem do 2050 goda" [Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of December 19, 2018 2077-Z No. 45-VI (as amended on June 18, 2020) "On the Strategy for Socio-Economic Development of the Republic of Sakha (Yakutia) until 2032 with a Target Vision until 2050"]. (In Russ.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/553221182> (accessed 02 June 2025).

15. Zakon Respubliki Hakasiya ot 12 fevralya 2020 g. N 01-ZRH (red. ot 22.07.2022) "Ob utverzhdenii Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Hakasiya do 2030 goda" [Law of the Republic of Khakassia of February 12, 2020 No. 01-ZRH (as Amended on July 22, 2022) "On Approval of the Strategy for Socio-Economic Development of the Republic of Khakassia until 2030"]. (In Russ.). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/406165064> (accessed 02 June 2025).

16. Arhipova L.S., Gagarina G.Yu. Innovacii v ekonomike i dinamika prostranstvennogo razvitiya [Innovations in the Economy and Dynamics of Spatial Development], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo"* [Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law"], 2016, No. 5, pp. 56–73. (In Russ.).

17. Starodubrovskaya I., Lobodanova D., Borisova L., Filyushina A. Strategii razvitiya staropromyshlennykh gorodov: mezhdunarodnyi opyt i perspektivy v Rossii [Development Strategies for Old Industrial Cities: International Experience and Prospects in Russia]. Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 2011, 248 p. (In Russ.).

WAYS TO SOLVE THE PROBLEMS OF DEVELOPING THE ECONOMY OF THE COAL-MINING REGIONS OF RUSSIA

Current challenges in the economic development of coal-mining regions necessitate a transition from reactive management to active strategic planning based on adaptation to technological changes and global market conditions. This involves the creation of long-term development scenarios that not only account for the region's historical specialization but also transform it into a system of drivers for sustainable growth in line with new technological paradigms and external changes. A key task is to synchronize sectoral priorities with global trends. Within the context of the changing world market conditions, a crucial aspect is the adaptation of strategic planning to new realities, both from the perspective of investing in innovation, infrastructure, and human capital, and from the standpoint of supporting the competitive advantages of specialized industries. The article examines the structural problems of the economies of Russia's coal-mining regions, which are caused by high dependence on raw material exports, income volatility, and other risks associated with mono-industrial specialization. Based on an analysis of data on production, financial stability, challenges, and opportunities in these regions, key systemic challenges have been identified. Strategic directions for the development of the regional economy are proposed, with an emphasis on diversification, infrastructure modernization, innovation stimulation, and the development of non-resource sectors. Particular attention is paid to the methodology of strategic planning for managing diversification, specifically the application of adaptive strategic methods to implement structural changes.

Keywords: coal-mining regions, resource dependence, strategic planning, adaptability, economic diversification, transport infrastructure, sustainable development.

JEL: R11

Дата поступления — 07.09.2025

Принята к печати — 22.09.2025

КОРНЮХИН Андрей Алексеевич

главный специалист блока стратегического планирования;
ПАО «ТрансКонтейнер» / Оружейный пер., д. 19, г. Москва, 125047.
e-mail: KornyukhinA@trcont.ru

ГАГАРИНА Галина Юрьевна

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой национальной и региональной экономики;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.
e-mail: Gagarina.GYu@rea.ru

KORNYUKHIN Andrey A.

Chief Specialist of the Strategic Planning Department;
PJSC “TransContainer” / 19, Oruzheyniy Lane, Moscow, 125047.
e-mail: KornyukhinA@trcont.ru

GAGARINA Galina Yu.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of National and Regional Economics;
Federal State Budgetary Institute of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.
e-mail: Gagarina.GYu@rea.ru

Для цитирования

Корнюхин А.А., Гагарина Г.Ю. Пути решения проблем развития экономики угледобывающих регионов России // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3 (119). С. 136–155. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-136-155>

Я.В. ТРОФИМОВА

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К КОНКРЕТИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ*

В условиях санкционного давления преодоление диспропорций в концентрации финансов на региональном и муниципальном уровнях бюджетной системы — одна из задач финансовой безопасности. Вместе с тем до сих пор нет категориально-терминологического единства относительно понятия «финансовая безопасность» в отечественных научных исследованиях и законодательстве в силу его междисциплинарного характера, сложности категории и относительной новизны, зависимости от специфики субъектов безопасности, неопределенности смежных терминов, заинтересованности органов власти и хозяйствующих субъектов прежде всего в практическом аспекте безопасности. Многообразие трактовок понятия приводит к дальнейшему расширению понятийно-категориального аппарата, субъективности методик оценки, недостаточной обоснованности путей обеспечения финансовой безопасности. В статье представлено авторское понимание эволюции концепции финансовой безопасности на примере отечественных исследований. Выделены основные трактовки понятия финансовой безопасности и дана оценка существующей классификации подходов. Предложена собственная систематизация подходов к понятию финансовой безопасности. Показана трансформация концептуальных основ финансовой безопасности.

Ключевые слова: финансовая безопасность, экономическая безопасность, регион, устойчивость, угрозы.

JEL: H30, H56, H61, H77

* Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00571-25-00 на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг.

В условиях геополитической нестабильности и усиления экономического давления на Россию¹ на региональном и муниципальном уровнях сохраняются диспропорции в концентрации финансов². Несмотря на федеральную финансовую помощь, в ряде регионов не хватает средств для решения социальных вопросов³, разрыв между муниципалитетами сохраняется и даже усиливается [1, с. 25], что делает территории уязвимыми для внутренних и внешних угроз финансовой безопасности. Необходимость нивелирования угроз безопасности обусловила рост научно-практического интереса к теме финансовой безопасности территорий.

Однако до сих пор в отечественном законодательстве понятие финансовой безопасности *отсутствует*. В теории же сложились различные точки зрения относительно сущности данной категории, ее объектов и субъектов, характеристик, способов обеспечения.

Отсутствие единого подхода к понятию финансовой безопасности обусловлено рядом причин.

1. Безопасность, включая финансовую составляющую, в России стала темой дискуссий относительно недавно (с середины 1990-х гг., для сравнения в США — с 1930-х гг.).

2. Понятия «безопасность», «угроза», «риск» не имеют достаточной нормативной определенности [2].

3. Междисциплинарный характер категории безопасности допускает ее рассмотрение с позиций экономики, права, международных отношений, социологии, политологии.

4. Понятие безопасности связано с защитой от угроз, уязвимостей, рисков, которые дифференцированы в зависимости от субъектов безопасности и существенно изменяются с течением времени под влиянием внешних и внутренних факторов [3; 4].

5. Заинтересованность органов власти и хозяйствующих субъектов в практическом аспекте безопасности приводит к превалирующему развитию эмпирических исследований. Теория безопасности остается слабо разработанной⁴, что приводит к попыткам увязать ее с общей теорией устойчивости социально-экономических систем, теорией интересов, теорией экосистем, теорией институционализма, теорией рисков [2; 4; 5; 6; 7].

¹ В начале 2025 г. количество санкций достигло 28 595 ед. (см.: Луцюк К. Путин подсчитал количество введенных против России санкций. URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/18/putin-podschital-kolichestvo-vvedennyh-protiv-rossii-sanktsiy/> (дата обращения: 01.09.2025).

² Так, в 2025 г. донорами выступали лишь 30% регионов (26 из 89) (см.: Приказ Минфина России от 15 ноября 2024 г. № 494 «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации»).

³ Ряд регионов в 2025 г. получили возможность списания до двух третей задолженности по бюджетным кредитам и использования высвободившихся средств на решение социальных задач (см.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июля 2025 г. № 1853-р).

⁴ Вопрос о существовании собственно «теории безопасности» до сих пор дискусионен [3].

Многообразие трактовок расширяет понятийно-категориальный аппарат, в т.ч. путем заимствования западной официальной терминологии (уязвимости, слабости, устойчивость, угрозы, шоки и т.д.)⁵. Отсутствие единства относительно понятия и теории безопасности приводит к субъективности методик оценки: авторы предлагают собственный инструментарий, как правило, не обосновывая либо слабо обосновывая выбор показателей и пороговых значений, не учитывая взаимосвязи показателей, не принимая во внимание то, что восприятие одних и тех же параметров в зависимости от парадигмы может быть прямо противоположным⁶.

Достижение объективности в методиках и результативности эмпирических исследований требует разработки единого понятийно-категориального аппарата финансовой безопасности.

Эволюция понятия финансовой безопасности

Становление законодательной базы экономической безопасности России в середине 1990-х гг.⁷ сопровождалось одновременным развитием теоретико-методологической основы экономической безопасности, составной частью которой стала финансовая безопасность. В государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации 1996 г. была отмечена необходимость достижения *устойчивости финансовой системы* и выделены параметры ее оценки (уровень дефицита бюджета, стабильность цен, нормализация финансовых потоков и расчетов, устойчивость банков и национальной валюты, защищенность вкладчиков, состояние золотовалютного запаса, фондового рынка, долга и платежного баланса, условия инвестирования). При этом определение понятия «финансовая безопасность» не было дано.

Заметный вклад в разработку теоретических положений финансовой безопасности в рамках экономической безопасности внесли исследования Института экономики РАН, Совета по изучению производительных сил Министерства экономического развития, научных и высших учебных заведений под руководством академика РАН В.К. Сенчагова (Б.В. Губин, А.О. Полюнев и др.) [8], а также Уральского отделения РАН (А.А. Куклин, А.И. Татаркин, В.И. Яковлев, Д.С. Львов и др.) [9; 10].

Результаты исследований Московской школы В.К. Сенчагова были апробированы на уровне страны и регионов, Уральской – применительно

⁵ Директива ЕС 2024/1760 от 13 июня 2024 г. о комплексной проверке корпоративной устойчивости (см.: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=OJ%3AL_202401760 (дата обращения: 01.09.2025), заявления политиков об уязвимости стран ЕС в результате введения санкций против России и необходимости поиска слабостей других стран для введения санкций (см.: URL: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/IfW-Publications/fis-import/3547aff4-8bf2-4014-b02b-50cc0304fa0c-KWP_2295.pdf/ (дата обращения: 01.09.2025)).

⁶ Например, утечка капитала и умов с позиций либеральной и консервативной доктрин [5].

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)»; Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 1996 г. № 1569 «О первоочередных мерах по реализации Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)».

к регионам Урала. Данные подходы определяют финансовую безопасность как основу экономической и национальной безопасности страны, неотъемлемую часть экономического благополучия государства [10, с. 94].

Финансовая безопасность рассматривается **Московской школой с позиции основного субъекта безопасности** — государства — гаранта существования власти и институтов (см. таблицу), только государство позволяет «учесть наибольший спектр деструктивных процессов», имеет «наивысший уровень реальных полномочий исполнительной власти по воздействию на факторы дестабилизации» [8, с. 582], а также способно принимать политические решения [3]. Применительно к экономической безопасности регионов ранга территориальных зон и экономических районов бюджетно-финансовые отношения при оценке безопасности становятся второстепенными.

Определение финансовой безопасности территории (страны и региона)

Понятие	Определение	Автор, источник
1	2	3
<i>Субъект-объектный подход</i>		
Финансовая безопасность страны	Особое состояние финансово-банковской системы, когда <i>государство</i> может в определенных пределах гарантировать общеэкономические условия функционирования государственных учреждений власти и рыночных институтов	Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005
Финансовая безопасность страны	Способность <i>органов государственной власти</i> обеспечить политическими, правовыми, экономическими и организационными методами и средствами безопасное функционирование всех сфер общественной и экономической деятельности, где обращаются финансы	Корнилов М.Я. Экономическая безопасность России: основы теории и методологии исследования: учебное пособие. М.: РАГС, 2011
Финансовая безопасность страны	Способность <i>государства</i> в мирное время и при чрезвычайных ситуациях адекватно реагировать на внутренние и внешние отрицательные финансовые воздействия	Экономическая безопасность: учеб. пособие / под ред. Н.В. Манохиной. М.: ИНФРА-М, 2019
<i>Узкая трактовка</i>		
Финансовая безопасность страны	Государство сохраняет себя как суверенного участника международных отношений благодаря <i>банковской системе</i>	Охапкин В.П. О роли финансовой безопасности банковской системы в экономической безопасности государства: методологические основы решения // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 3. С. 182–189

Источник: составлено автором.

Продолжение табл.

1	2	3
Финансовая безопасность страны	Состояние <i>банковской системы</i> государства, являющееся гарантией нормальной работы государственных и негосударственных учреждений	Смоленская С.В. Национальная безопасность России: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2021
<i>Подход с точки зрения предупреждения внутренних и внешних угроз</i>		
Финансовая безопасность страны	Такое состояние финансовой системы, при котором обеспечивается <i>стабильное функционирование</i> системы связей и отношений как между нерегиональными субъектами хозяйствования, так и с мировым рынком	Авдийский В. И., Дадалко В.А. Теневая экономика и экономическая безопасность государства. М.: Альфа-М, 2010
Финансовая безопасность региона	Состояние защищенности финансовой системы региона, включающей бюджетный, социальный, финансовый, производственный сегменты, от внешних и внутренних <i>угроз</i> , нарушающих ее <i>устойчивость</i>	Никулина Н.Л., Синенко А.И. Диагностика финансовой безопасности региона // Управленец. 2013. № 4 (44). С. 54–60
Финансовая безопасность страны	Высшая ценность при условии гарантий <i>стабильности и устойчивого роста</i> в регионах	Гапоненко В.Ф., Маргиев З.В. Экономическая и финансовая безопасность как важнейшая функция государства в современных условиях // Вестник московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 165–169
Финансовая безопасность страны	Состояние защищенности финансовой системы Российской Федерации, основанное на <i>финансовой устойчивости государства</i> , которое позволяет осуществлять непрерывное и достаточное финансовое обеспечение всех его полномочий и функций посредством формирования публичных фондов денежных средств, включая золотовалютные резервы	Кучеров И.И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 69–79
Финансовая безопасность страны	Обеспечение <i>стабильного суверенного развития</i> финансовой системы страны	Сутягин В. Ю., Радюкова Я. Ю., Беспалов М. В., Сергеева Н. В. Финансовый фактор обеспечения экономической безопасности России // Экономика промышленности. 2019. Т. 12. № 3. С. 323–333

О к о н ч а н и е т а б л .

1	2	3
Финансовая безопасность страны	Определенный уровень <i>независимости, стабильности и стойкости</i> финансовой системы страны в условиях влияния на нее внешних и внутренних дестабилизирующих факторов, которые составляют <i>угрозу</i> финансовой безопасности	Каранина Е.В. Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации, личности): монография. Киров: ВятГУ, 2016
<i>Правовой подход</i>		
Финансовая безопасность страны	Создание условий функционирования финансовой системы, при которых предельно мала возможность перераспределения финансовых потоков в <i>незакрепленные законодательными нормативными актами сферы их использования</i> ; до минимума снижена возможность явного <i>злоупотребления</i> финансовыми средствами	Кочергина Т.Е. Экономическая безопасность. Ростов н/Д.: Феникс, 2007
Финансовая безопасность страны	Обеспеченное посредством проведения <i>специальных мероприятий</i> уполномоченными органами государства состояние защищенности элементов финансовой системы, предполагающее ее устойчивость	Кучеров И.И., Поветкина Н.А., Акопян О.А. Институты финансовой безопасности. М.: Норма, 2017

Под финансовой безопасностью понималось такое состояние финансово-банковской системы, при котором *государство может в определенных пределах гарантировать* общеэкономические условия функционирования государственных учреждений власти и рыночных институтов. В качестве основных структурных звеньев финансовой безопасности рассматривался федеральный бюджет, бюджеты регионов, консолидированный бюджет, финансовый рынок, государственный долг, платежный баланс, финансы корпораций и домашних хозяйств [8, с. 73].

Одновременно подчеркивается, что введение термина финансовой безопасности нацелено на анализ факторов: 1) *устойчивости* финансово-банковской системы; 2) вызывающих *угрозы и слабые места* в функционировании финансово-банковской системы.

На уровне регионов вводилось понятие «*экономическая безопасность*» — способность субъектов Федерации противостоять кризисным ситуациям, вызываемым воздействиями внешних и внутренних факторов на научно-производственный и ресурсный потенциалы, их структуру, сферу обращения, институциональную инфраструктуру, социальную сферу, уровень и качество жизни людей [8, с. 610]. Оценку кризисных ситуаций предлагалось проводить в разрезе производственного потенциала региона, занятости и уровня жизни населения региона, *финансовой устойчивости региона*, научно-технического потенциала, экологии и демографических процессов территории. Понятие «финансовая устойчи-

вость» региона не раскрывается, но выделяются оценочные показатели устойчивости: бюджетная обеспеченность региона, степень зависимости от трансфертов, совокупные финансовые результаты деятельности предприятий, степень обеспеченности региона ресурсами [8, с. 633].

Уральской школой использовалось понятие «*экономическая безопасность территории*» как состояние защищенности экономических, политических, экологических, правовых и иных потребностей общества и его граждан. В оценке экономической безопасности, наряду с инвестиционной, производственной, научно-технической, внешнеэкономической, энергетической безопасностью, выделяется *финансовая безопасность*, иначе — *устойчивость финансовой системы территории*. Под устойчивым развитием понимается гарантированное достижение целевых установок [9, с. 59]. Устойчивость на уровне региона — это сбалансированность четырех факторов: социально-политического, правового, природно-экологического и экономического [9, с. 7]. Финансовая безопасность исследуется на уровне территориальных образований Российской Федерации (область, республика, экономический район), а также промышленных узлов, городов, крупных районов, моногородов. Вводятся параметры оценки финансовой безопасности территории (дефицит бюджета территории к ВВП территории, кредиторская задолженность предприятий к ВВП территории, сальдированная прибыль предприятий к ВВП территории) [9, с. 24–25], которые хотя и характеризуют безопасность, но не могут полноценно заменить само понятие финансовой безопасности.

Таким образом, Московской и Уральской школами были заложены основы субъект-объектного подхода, а также подхода к оценке предупреждения угроз финансовой безопасности путем достижения устойчивости финансовой системы территории⁸.

Наряду с данными работами появились исследования, в которых понятие финансовой безопасности не применялось. Но в оценке экономической безопасности страны анализировались:

- бюджетная, денежная (инфляционная), валютная, налоговая подсистемы [11];
- либо основные секторы экономики: государство, нефинансовые предприятия, финансовый сектор, сектор домашних хозяйств, «внешний мир» (внешняя торговля) [12];
- или статические (открытость экономики, инвестиционная политика, состояние внешнего долга, состояние торгового баланса) и динамические критерии (устойчивость платежного баланса и внешнего долга) [13], т.е. финансовая безопасность подразумевалась как важнейший аспект экономической безопасности.

С начала 2000-х гг. финансовая безопасность — *самостоятельный объект исследования*, требующий собственной терминологии и методологии.

⁸ Следует отметить возможность использования одним и тем же автором нескольких подходов (см., например, [8]).

Появляются преимущественно эмпирические разработки, продолжающие субъект-объектный подход с акцентом на финансовую безопасность региона, федерального округа, предприятия, отдельных подсистем (валютной, налоговой, бюджетной и т.д.) [14; 15; 16; 17], вплоть до ее отождествления с состоянием банковского сектора экономики (узкая трактовка финансовой безопасности)⁹.

Активно разрабатывается подход с точки зрения предупреждения угроз безопасности путем достижения и поддержания устойчивости (стабильности) объекта безопасности; уточняются классификации опасностей и угроз финансовой безопасности [18]. При этом под финансовой устойчивостью подразумевается, непрерывное и достаточное финансовое обеспечение полномочий и функций государства [19], под стабильностью — наличие долгосрочного видения развития финансовой системы и ее инфраструктуры [20].

Финансовая безопасность становится объектом исследования не только экономистов. В работах юристов начала 2000-х гг. финансовая безопасность представлена как *создание условий функционирования финансовой системы с правовой точки зрения* [21]. Финансовая система в целом, ее звенья, структурные элементы, основные свойства (целостность, упорядоченность, устойчивость, распределительный характер) в зависимости от степени интенсивности угрожающей опасности рассматриваются как объекты охраны, объекты повышенной охраны и объекты особой охраны [22], требующие определенных мер обеспечения или защиты [23].

В последнее десятилетие появился ряд исследований, авторы которых, обобщая накопленный теоретический и эмпирический материал, выделяют ресурсно-функциональный, статический и нормативно-правовой подходы к финансовой безопасности [24; 25; 26].

Подходы различаются объектами. При первом подходе это уровни хозяйствования (государство, экономический район, регион, отрасль, финансово-промышленная группа, предприятие, домохозяйство, личность); при втором — финансовые подсистемы страны или региона (налоговая, бюджетная, банковская, инвестиционная, инфляционно-ценовая, валютная; страховой и фондовый рынки); в рамках третьего — возможные правонарушения и меры защиты в финансовой сфере.

Предпринята попытка предложить *единое определение финансовой безопасности*.

При ресурсно-функциональном подходе финансовая безопасность (вне зависимости от объекта исследования) интерпретируется как защищенность финансовых интересов субъектов и обеспеченность финансовыми ресурсами. При «статике» финансовая безопасность — это состояние подсистем, характеризующееся сбалансированностью,

⁹ Смоленская С.В. Национальная безопасность России: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2021.

стойкостью к внутренним и внешним угрозам, способностью предупредить внешнюю финансовую экспансию, обеспечить эффективное функционирование национальной экономической системы и экономический рост [24]. Однако вопросы сбалансированности, стойкости к угрозам могут рассматриваться не только на уровне отдельной подсистемы, но и применительно к стране, хозяйствующему субъекту и т.д. (например, см.: [9]). А вопросы защищенности интересов находятся скорее в поле правового аспекта безопасности. Поэтому в последующих работах единое определение финансовой безопасности уже не встречается [25; 26].

В данную классификацию авторы добавляют новые позиции, например, финансовая безопасность как совокупность научных знаний, подсистема национальной безопасности, экономический и политический курс страны [27]. Подобное расширение классификации допустимо, но оно не имеет практической значимости с точки зрения разработки методики оценки финансовой безопасности.

Теоретические положения финансовой безопасности оказались наиболее разработанными при ресурсно-функциональном подходе. Так, представители теории финансовой безопасности подчеркивают: избегая предельной централизации и децентрализации, для расширения финансовой базы реального сектора экономики в условиях кризиса¹⁰ необходимы концентрация и усиление федеральной власти [8, с. 321], при стабилизации ситуации — сокращение государственного воздействия из центра [8, с. 555]. Для обеспечения самостоятельности бюджетов разного уровня на федеральном уровне важна опора на отечественные экономические и финансовые потоки [10, с. 94], на региональном уровне — на собственные финансовые ресурсы. Компрадорская модель развития капитализма постсоветской России продемонстрировала большую уязвимость от внешних воздействий [29, с. 371]. А ориентация на дотационный механизм ослабила заинтересованность местных органов власти в поиске и развитии собственных источников доходов.

Систематизируя *основные подходы* к финансовой безопасности (см. таблицу), можно выделить¹¹, во-первых, финансовую безопасность с позиции права; во-вторых, финансовый аспект экономической безопасности (понятие финансовой безопасности отсутствует, оцениваются отдельные подсистемы в рамках экономической безопасности); в-третьих, субъект-объектный подход, включающий:

- финансовую безопасность с позиции основного субъекта безопасности — государства, либо региона;
- финансовую безопасность с позиции объекта безопасности, в т.ч. страны, территориального образования, предприятия, личности;
- подсистемы (налоговой, валютной, бюджетной и т.д.);

¹⁰ О необходимости усиления федеральной власти в условиях мобилизационной экономики см.: [28].

¹¹ В предлагаемой нами классификации ресурсно-функциональный подход и «статика» — составные части субъект-объектного подхода.

- узкую трактовку финансовой безопасности (отождествление безопасности с одной из финансовых подсистем).

Также, в-четвертых, можно выделить подход с точки зрения предупреждения внутренних и внешних угроз финансовой безопасности.

Кроме того, следует отметить работы, в которых приоритеты социально-экономического развития страны (экономический рост, расширенное воспроизводство) определяются как приоритеты финансовой безопасности¹², что значительно расширяет область исследования, затрудняя выработку методики оценки безопасности.

Выводы

Таким образом, теоретические положения финансовой безопасности развивались параллельно со становлением законодательной базы экономической безопасности страны. Данный процесс не завершен, хотя в последние несколько лет появились работы, пытающиеся обобщить накопленный теоретический и практический материал в исследовании финансовой безопасности.

Понятие финансовой безопасности страны изначально вводилось как особое состояние финансово-банковской системы. Вместо термина «финансовая безопасность территории» применялось определение финансовой устойчивости (устойчивости финансовой системы территории). Термин «финансовая безопасность территориального образования» (региона, области и т.д.) как синоним устойчивости стал использоваться в уральском подходе, однако его формулировка возникла позднее. Одновременно разрабатывались методики оценки устойчивости финансовой системы страны и территорий.

Многообразие подходов к понятию финансовой безопасности имеет объективный характер, обусловленный междисциплинарным характером этого понятия, сложностью категории, ее относительной новизной, зависимостью от различных факторов, неопределенностью смежных терминов, заинтересованностью органов власти и хозяйствующих субъектов прежде всего в практическом аспекте безопасности. Отсутствие собственной теории безопасности привело к попыткам обосновать ее с позиций теории устойчивости социально-экономических систем, институционализма, теории интересов, теории рисков, теории экосистем. Ретроспектива исследований позволяет систематизировать, выделить подход с позиции права, экономической безопасности, субъект-объектный подход, а также подход с точки зрения предупреждения угроз.

¹² См., например, Уразгалиев В.Ш. Финансовая безопасность: учебник для вузов. М.: изд-во Юрайт, 2025. 228 с.

Список литературы

1. Трофимова Я.В. Институт дотаций в России // Вопросы теоретической экономики. 2025. № 3 (28). С. 25–37.
2. Сильвестров С.Н., Побываев С.А., Кузнецов Н.В., Котова Н.Е. Лапенкова Н.В. Формирование системы управления рисками в зарубежной практике // Вопросы экономики и права. 2017. № 8. С. 21–23.
3. Афонцев С.А. Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности // На страже экономики. 2020. № 2 (13). С. 27–44.
4. Экономическая безопасность России: теоретическое обоснование и методы регулирования / под ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой. М.: Институт экономики РАН, 2023. 361 с.
5. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 22–41.
6. Корнилов М.Я. К вопросу об обеспечении экономической безопасности в современной России // Вестник РУДН, серия Государственное и муниципальное управление. 2016. № 2. С. 5–19.
7. Быков А.А., Каранина Е.В. О подходах к обеспечению социально-экономической безопасности // Проблемы анализа риска. 2022. Т. 19. № 2. С. 8–9.
8. Экономическая безопасность России / под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. 895 с.
9. Татаркин А.И., Львов Д.С., Куклин А.А., Мызин А.Л., Богатырев Л.Л., Коробицын Б.А., Яковлев В.И. Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территории. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та. 1999. 276 с.
10. Сидорова Е.Н., Татаркин Д.А. Оптимизация финансовых потоков регионов как фактор повышения их безопасности // Экономика региона. 2012. № 2. С. 94–104.
11. Илларионов А.И. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 1. С. 35–59.
12. Енин Ю. И., Журавлев В. А. Финансовая безопасность страны // Белорусский экономический журнал. 1999. № 3. С. 67–77.
13. Мойсейчик Г. И. О совершенствовании методики анализа и прогнозирования агрегированных компонентов платежного баланса и управления внешним долгом // Белорусский экономический журнал. 2005. № 2 (31). С. 53–67.
14. Абдулаева З. З. Финансовые аспекты обеспечения экономической безопасности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 4 (17). С. 19–25.
15. Папехин Р.С. Факторы финансовой устойчивости и безопасности предприятия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2007. 22 с.
16. Безуглова М. А. Современные проблемы финансовой безопасности России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2008. № 6. С. 28–32.
17. Хочуев В. А. Оптимизация налогового администрирования как фактор повышения налоговой безопасности // Налоговая политика и практика. 2009. № 8-1. С. 12–14.
18. Громова А.С., Воробьева И.П. Источники опасностей и основные угрозы экономической безопасности бюджетной политики // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317. № 6. С. 29–33.

19. Кучеров И.И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 69–79.
20. Сутягин В.Ю., Радюкова Я.Ю., Беспалов М.В., Сергеева Н.В. Финансовый фактор обеспечения экономической безопасности России // Экономика промышленности. 2019. Т. 12. № 3. С. 323–333.
21. Кочергина Т.Е. Экономическая безопасность. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 445 с.
22. Моргунов О.В. Криминологические аспекты мер безопасности в финансовой системе: монография. М.: Проспект, 2020. 302 с.
23. Кондрат Е. Н. Финансовая безопасность Российской Федерации: понятие и сущность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 6 (287). С. 162–168.
24. Каранина Е.В., Бледных О.И. Финансовая безопасность как составляющая концепции экономической безопасности государства // The Genesis of Genius. 2016. № 1. С. 94–99.
25. Каранина Е.В. Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации, личности): монография. Киров: ВятГУ, 2016. 240 с.
26. Петровская М.В., Сорокина Л.Н., Мартынович С.Н. Оценка и прогнозирование финансовой безопасности в национальной экономике. М.: Дашков и К, 2023. 116 с.
27. Ермакова Э.Р. Научные подходы к определению категории «финансовая безопасность» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 9. С. 1712–1730.
28. Трофимова Я.В. Германский путь к фискальному федерализму // Экономическая политика. 2025. Т. 20. № 1. С. 106–124.
29. Корнилов М.Я. Выбор Россией новой экономической модели — модели высокотехнологического развития — предопределен! // Экономика высокотехнологичных производств. 2021. Т. 2. № 4. С. 369–388.

References

1. Trofimova Ya.V. Institut dotatii v Rossii [Institution of Subsidies in Russia], *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki* [Issues of Theoretical Economics], 2025, No. 3 (28), pp. 25–37. (In Russ.).
2. Sil'vestrov S.N., Pobyaev S.A., Kuznecov N.V., Kotova N.E. Lapenkova N.V. Formirovanie sistemy upravleniya riskami v zarubezhnoi praktike [Formation of a Risk Management System in Foreign Practice], *Voprosy ekonomiki i prava* [Economics and Law Issues], 2017, No. 8, pp. 21–23. (In Russ.).
3. Afoncev S.A. Konceptual'nye osnovy analiza nacional'noi i mezhdunarodnoi ekonomicheskoi bezopasnosti [Conceptual Foundations for the Analysis of National and International Economic Security], *Na strazhe ekonomiki* [On Guard of the Economy], 2020, No. 2 (13), pp. 27–44. (In Russ.).
4. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: teoreticheskoe obosnovanie i metody regulirovaniya [Economic Security of Russia: Theoretical Basis and Methods of Regulation], edited by A.E. Gorodeckii, I.V. Karavaeva. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 2023, 361 p. (In Russ.).
5. Glaz'ev S.Yu., Lokosov V.V. Ocenka predel'no kriticheskikh znachenii pokazatelei sostoyaniya rossiiskogo obshchestva i ih ispol'zovanie v upravlenii social'no-ekonomicheskim razvitiem [Assessment of the Critical Values of Indicators of the

State of Russian Society and Their Use in Managing Socio-Economic Development], *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, No. 4 (22), pp. 22–41. (In Russ.).

6. Kornilov M.Ya. K voprosu ob obespechenii ekonomicheskoi bezopasnosti v sovremennoi Rossii [On the Issue of Ensuring Economic Security in Modern Russia], *Vestnik RUDN, seriya Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie* [RUDN University Bulletin, Public and Municipal Administration series], 2016, No. 2, pp. 5–19. (In Russ.).

7. Bykov A.A., Karanina E.V. O podhodah k obespecheniyu social'no-ekonomicheskoi bezopasnosti [On Approaches to Ensuring Socio-Economic Security], *Problemy analiza riska* [Risk Analysis Problems], 2022, Vol. 19, No. 2, pp. 8–9. (In Russ.).

8. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii [Economic security of Russia], edited by V.K. Senchagov. Moscow, Delo, 2005, 895 p. (In Russ.).

9. Tatarkin A.I., L'vov D.S., Kuklin A.A., Myzin A.L., Bogatyrev L.L., Korobitsyn B.A., Yakovlev V.I. Modelirovanie ustojchivogo razvitiya kak uslovie povysheniya ekonomicheskoi bezopasnosti territorii [Modeling Sustainable Development as a Condition for Increasing the Economic Security of the Territory]. Ekaterinburg, Ural University Publishing House. 1999, 276 p. (In Russ.).

10. Sidorova E.N., Tatarkin D.A. Optimizaciya finansovyh potokov regionov kak faktor povysheniya ih bezopasnosti [Optimization of Financial Flows of Regions as a Factor in Increasing Their Security], *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2012, No. 2, pp. 94–104. (In Russ.).

11. Illarionov A.I. Kriterii ekonomicheskoi bezopasnosti [Criteria of Economic Security], *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 1998, No. 1, pp. 35–59. (In Russ.).

12. Enin Yu. I., Zhuravlev V. A. Finansovaya bezopasnost' strany [Financial Security of the Country], *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal* [Belarusian Economic Journal], 1999, No. 3, pp. 67–77. (In Russ.).

13. Moiseichik G. I. O sovershenstvovanii metodiki analiza i prognozirovaniya agregirovannykh komponentov platazhnogo balansa i upravleniya vneshnim dolgom [On Improving the Methodology for Analyzing and Forecasting Aggregated Components of the Balance of Payments and External Debt Management], *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal* [Belarusian Economic Journal], 2005, No. 2 (31), pp. 53–67. (In Russ.).

14. Abdulaeva Z. Z. Finansovye aspekty obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti regiona [Financial Aspects of Ensuring Economic Security of the Region], *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Economic Transformation], 2008, No. 4 (17), pp. 19–25. (In Russ.).

15. Papekhin R.S. Faktory finansovoi ustoichivosti i bezopasnosti predpriyatiya. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Factors of Financial Stability and Security of the Enterprise. PhD econ. sci. abstract diss.], Volgograd, 2007, 22 p. (In Russ.).

16. Bezuglova M. A. Sovremennye problemy finansovoi bezopasnosti Rossii [Modern Problems of Financial Security in Russia], *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [News of the Irkutsk State Economic Academy], 2008, No. 6, pp. 28–32. (In Russ.).

17. Hochuev V. A. Optimizaciya nalogovogo administrirovaniya kak faktor povysheniya nalogovoi bezopasnosti [Optimization of Tax Administration as a Factor in Increasing Tax Security], *Nalogovaya politika i praktika* [Tax Policy and Practice], 2009, No. 8-1, pp. 12–14. (In Russ.).

18. Gromova A.S., Vorob'eva I.P. Istochniki opasnostei i osnovnye ugrozy ekonomicheskoi bezopasnosti byudzhethnoi politiki [Sources of Dangers and Main Threats to the Economic Security OF Budgetary Policy], *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [News of Tomsk Polytechnic University], 2010, Vol. 317, No. 6, pp. 29–33. (In Russ.).

19. Kucherov I.I. Slagaemye finansovoi bezopasnosti i ee pravovoe obespechenie [Components of Financial Security and its Legal Support], *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, No. 6, pp. 69–79. (In Russ.).

20. Sutyagin V. Yu., Radyukova Ya. Yu., Bepalov M. V., Sergeeva N. V. Finansovyi faktor obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Financial Factor in Ensuring Economic Security of Russia], *Ekonomika promyshlennosti* [Industrial Economics], 2019, Vol. 12, No. 3, pp. 323–333. (In Russ.).

21. Kochergina T.E. Ekonomicheskaya bezopasnost' [Economic Security]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2007, 445 p. (In Russ.).

22. Morgun O.V. Kriminologicheskie aspekty mer bezopasnosti v finansovoi sisteme [Criminological Aspects of Security Measures in the Financial System]. Moscow, Prospekt, 2020, 302 p. (In Russ.).

23. Kondrat E.N. Finansovaya bezopasnost' Rossiiskoi Federacii: ponyatie i sushchnost' [Financial Security of the Russian Federation: Concept and Essence], *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2009, No. 6 (287), pp. 162–168. (In Russ.).

24. Karanina E.V., Blednyh O. I. Finansovaya bezopasnost' kak sostavlyayushchaya koncepcii ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstva [Financial Security as a Component of the Concept of Economic Security of the State], *The Genesis of Genius* [The Genesis of Genius], 2016, No. 1, pp. 94–99. (In Russ.).

25. Karanina E.V. Finansovaya bezopasnost' (na urovne gosudarstva, regiona, organizacii, lichnosti) [Financial Security (at the Level of the State, Region, Organization, Individual)]. Kirov, Vyatka State University, 2016, 240 p. (In Russ.).

26. Petrovskaya M.V., Sorokina L.N., Martynovich S.N. Ocenka i prognozirovanie finansovoi bezopasnosti v nacional'noi ekonomike [Assessment and Forecasting of Financial Security in the National Economy]. Moscow, Dashkov i K, 2023, 116 p. (In Russ.).

27. Ermakova E.R. Nauchnye podhody k opredeleniyu kategorii “finansovaya bezopasnost'” [Scientific Approaches to Defining the Category of “Financial Security”], *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2017, Vol. 13, No. 9, pp. 1712–1730. (In Russ.).

28. Trofimova Ya.V. Germanskii put' k fiskal'nomu federalizmu [The German Path to Fiscal Federalism], *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2025, Vol. 20, No. 1, pp. 106–124. (In Russ.).

29. Kornilov M.Ya. Vybor Rossiei novoi ekonomicheskoi modeli – modeli vysokotekhnologicheskogo razvitiya – predopredelen! [Russia's Choice of a New Economic Model – a Model of High-Tech Development – is Predetermined!], *Ekonomika vysokotekhnologichnykh proizvodstv* [Economy of High-Tech Production], 2021, Vol. 2, No. 4, pp. 369–388. (In Russ.).

THE MAIN APPROACHES TO SPECIFYING THE CONTENT OF FINANCIAL SECURITY OF TERRITORIES

In the context of sanctions pressure, overcoming imbalances in the concentration of finance at the regional and municipal levels of the budget system is one of the tasks of financial security. At the same time, there is still no categorical and terminological unity regarding the concept of «financial security» in Russian scientific research and legislation due to its interdisciplinary nature, the complexity of the category and relative novelty, dependence on the specifics of security entities, uncertainty of related terms, and the interest of authorities

and business entities primarily in the practical aspect of security. The variety of interpretations of the concept leads to a further expansion of the conceptual and categorical apparatus, the subjectivity of assessment methods, and the lack of validity of ways to ensure financial security. The article presents the author's understanding of the evolution of the concept of financial security using the example of domestic research. The main interpretations of the concept of financial security are highlighted and an assessment of the existing classification of approaches is given. A proprietary systematization of approaches to the concept of financial security is proposed. The transformation of the conceptual foundations of financial security is shown.

Keywords: financial security, economic security, region, threat, stability.

JEL: H30, H56, H61, H77

Дата поступления – 03.09.2025

Принята к печати – 19.09.2025

ТРОФИМОВА Ярослава Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора экономической безопасности Института социально-экономических исследований;

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук / пр-т. Октября, 71, г. Уфа, 450054.

e-mail: tro1@mail.ru

TROFIMOVA Yaroslava V.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Senior Research of Fellow of the Institute of Socio-Economic Research;

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences / 71, Oktyabrya Av., Ufa, 450054.

e-mail: tro1@mail.ru

Для цитирования:

Трофимова Я.В. Основные подходы к конкретизации содержания финансовой безопасности территорий // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3 (119). С. 156–170. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-156-170>

Ю.Е. ГАВРИЛЕНКО

ИНДЕКС УСЛОВИЙ ТРУДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЗАНЯТОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Проблема неравенства и нестабильности условий труда остается одной из ключевых в социально-экономическом развитии России. Существенные различия в заработной плате, продолжительности рабочего времени и социальной защищенности работников формируют не только разрыв в уровне жизни, но и усиливают территориальную поляризацию. Пандемия COVID-19 и последующие экономические шоки продемонстрировали, что традиционные показатели занятости недостаточны для всесторонней оценки реального положения на рынке труда. В статье рассматривается разработка и апробация интегрального индекса условий труда, позволяющего комплексно оценить занятость и социально-экономические различия в регионах России. Особое внимание уделяется вопросам верификации индекса: оценке внутренней согласованности через коэффициент Кронбаха, а также сравнению равновесных и альтернативных схем агрегирования, включая метод главных компонент (Principal Component Analysis, PCA). Расчеты показали наличие трех устойчивых кластеров регионов: ядро с благоприятными условиями труда (Москва, Санкт-Петербург, сырьевые регионы Севера и Дальнего Востока), срединный пояс индустриально развитых субъектов Центрального и Приволжского округов, а также периферийная зона Северного Кавказа и юга Сибири, где сохраняется низкий уровень заработной платы, высокая дифференциация доходов и значительная доля неформальной занятости. Особый интерес вызывают регионы с колебательными траекториями, демонстрирующие миграцию между группами. Их динамика отражает чувствительность индекса к изменениям экономической конъюнктуры и институциональных условий. Сравнение базовой и PCA-взвешенной версий индекса условий труда показало высокую степень согласованности ($\rho \approx 0,80-0,83$), но также выявило зоны нестабильности. Полученные результаты подтверждают, что индекс условий труда может использоваться как аналитический инструмент для мониторинга условий труда, оценки рисков и выработки адресных мер государственной политики в сфере занятости и социальной защиты.

Ключевые слова: занятость, индекс условий труда, рабочее время, заработная плата, регион, альфа Кронбаха, PCA.

JEL: C38, J30, J81

Анализ влияния условий труда на занятость приобретает особую значимость в периоды системных кризисов. Пандемия *COVID-19* в 2020 г. привела к резкому сокращению отработанных часов, росту дистанционной занятости и дифференциации по заработной плате. В 2022–2024 гг. наблюдалось постепенное восстановление. Однако межрегиональные различия сохранились. Для комплексной оценки в статье предложен «Индекс условий труда» (ИУТ), интегрирующий количественные и качественные характеристики.

Методика расчета индекса условий труда

Вопросы условий труда на протяжении последних десятилетий занимают центральное место в социально-экономических исследованиях. Наличие благоприятных условий труда — не только фактор производительности и конкурентоспособности экономики, но *и важнейшая характеристика качества жизни населения*. В данном исследовании предложена адаптированная методика расчета интегрального ИУТ, позволяющая одновременно учитывать как количественные, так и структурные параметры рынка труда.

Методологически ИУТ представляет собой *композитный индекс, агрегирующий несколько ключевых показателей*. В отличие от простых характеристик, интегральный показатель позволяет уловить многомерную природу трудовых условий, включая их институциональные и региональные особенности [1]. В настоящей версии индекса учитываются три компонента: фактическое рабочее время, реальная заработная плата и коэффициент дифференциации заработной платы. Компонента, отражающая долю дистанционной занятости, была исключена. Это решение связано как с ограниченной доступностью сопоставимой статистики, так и с тем, что дистанционный труд характеризует скорее организационную гибкость, чем базовые условия труда.

Рассмотрим подробнее компоненты ИУТ, включающие:

- продолжительность рабочего времени (H) — среднее количество отработанных часов в неделю на одного занятого (положительно коррелирует с интенсивностью занятости в регионе);
- реальную заработную плату (W_{real}) — среднемесячную начисленную заработную плату, приведенную к постоянным ценам (инфляция учтена через индекс потребительских цен). Высокая реальная зарплата повышает ИУТ;
- коэффициент региональной дифференциации зарплат (V) — показатель неоднородности зарплат внутри региона / между регионами (например, коэффициент вариации или отношение \max/\min). Высокая дифференциация считается негативным фактором (увеличивает социальную нестабильность), поэтому в индексе этот компонент учитывается инверсно.

Решение о направлении влияния (положительное/отрицательное) и о включении именно этих показателей основано на следующей логике:

ИУТ отражает не только количество труда, но и качество и устойчивость условий труда.

Первый этап расчета индекса условий труда — предобработка исходных данных путем приведения номинальных величин к сопоставимым ценам через индекс потребительских цен (ИПЦ):

$$W_{\text{real}} = \frac{W_{\text{nominal}}}{\text{ИПЦ} / 100\%}, \quad (1)$$

где W_{real} — реальная заработная плата;

W_{nominal} — номинальная начисленная заработная плата.

Второй этап — обработка отсутствующих значений в массиве данных. Если данные одного компонента отсутствуют для региона в году, то применяется медианное сглаживание по той же группе регионов (например, по федеральному округу). Альтернативным методом является исключение региона из выборки, если более 50% компонентов отсутствуют.

На третьем этапе производится работа с выбросами. В статье применяется винзоризация (*winsorize*) данных на 1-99% уровне или, при сильной асимметрии, 5-95%. Это ограничивает влияние крайних аномалий без полного их удаления. Винзоризация представляет собой вычисления среднего значения x , стандартного отклонения σ , операции срезки значений временного ряда, выпадающих за уровни $x \pm 4\sigma$, и повторения этой последовательности 3 операций до тех пор, пока значения x и σ не перестанут меняться [2].

Для избавления от эффекта масштаба данные нормализуются с помощью минимаксной нормализации. Общая формула для показателя X :

$$N_x = \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (2)$$

где X_{\min} , X_{\max} — минимальное и максимальное значения показателя по всем регионам и годам.

Для показателя дифференциации заработной платы, оказывающего отрицательное влияние на качество условий труда, использована обратная нормализация:

$$N_v = 1 - \frac{V - V_{\min}}{V_{\max} - V_{\min}} \quad (3)$$

Итоговый интегральный индекс рассчитывался как среднее арифметическое нормализованных значений показателей:

$$IUT_{r,t} = \frac{N_H + N_W + N_V}{3} \quad (4)$$

где r — регион;

t — год наблюдения;

N_H — нормализованное фактическое рабочее время;

N_W — нормализованная реальная заработная плата;

N_V — инвертированный нормализованный коэффициент дифференциации.

Применение равных весов обосновано отсутствием статистически значимых оснований для выделения доминирующего фактора и позволяет избежать субъективности при экспертном определении весов. Подобный подход широко используется при построении международных композитных индексов, включая Индекс человеческого развития ПРООН и индексы социального прогресса [3].

Важно подчеркнуть, что равновесный метод является *отправной точкой*, тогда как для проверки устойчивости результатов используются альтернативные схемы агрегирования.

В соответствии с полученными значениями ИУТ регионы распределялись по трем группам:

1. Группа I (высокий уровень условий труда): $IUT \geq 0,5$;
2. Группа II (средний уровень): $0,4 \leq IUT < 0,5$;
3. Группа III (низкий уровень): $IUT < 0,4$.

Методы верификации показателя

Для проверки надежности использовались методы внутренней согласованности (коэффициент Кронбаха α), а также внешняя валидация через корреляцию ИУТ с показателями уровня занятости, безработицы и бедности. Проведен анализ чувствительности индекса к изменению весов и способу нормализации (z -стандартизация, *PCA*).

Коэффициент Кронбаха (*Cronbach's alpha*, α) — это широко используемая статистическая метрика внутренней согласованности (*reliability*, *internal consistency*) набора показателей (*items*) или индикаторов, предназначенных для измерения одной латентной конструкции. Он показывает, насколько согласованно ведут себя компоненты индекса: если они тесно связаны, α будет высоким и рассчитывается по формуле:

$$\alpha = \frac{k}{k-1} \left(1 - \frac{\sum_{i=1}^k \sigma_i^2}{\sigma_T^2} \right), \quad (5)$$

где σ_i^2 — дисперсия i -го показателя;

σ_T^2 — дисперсия суммарного (композитного) балла $T = \sum_{i=1}^k X_i$;

k — число показателей.

α лежит в диапазоне от 0 до 1 (в некоторых случаях при негативных корреляциях теория допускает отрицательные значения, что указывает на несогласованность компонентов) [4].

Другим методом верификации служит пересчет ИУТ с весами, определенными методом главных компонент (*PCA*). Цель метода *PCA* — преобразовать набор коррелированных переменных в меньший набор новых переменных (главных компонент), которые являются линейными комбинациями исходных показателей.

Первая главная компонента (PC_1) выбирается так, чтобы объяснять наибольшую часть общей вариации данных. Каждая последующая объясняет максимально возможную долю дисперсии при условии

ортогональности к предыдущим. Коэффициенты линейной комбинации показывают вклад каждой исходной переменной в компоненту. Собственные значения отражают долю объясненной дисперсии каждой компонентой.

Пусть имеется матрица данных X , стандартизированная по переменным. Решается задача собственного разложения ковариационной (или корреляционной) матрицы:

$$Cv_i = \lambda_i v_i \quad (6)$$

где C — ковариационная матрица;

λ_i — собственные значения;

v_i — собственные векторы (направления главных компонент) [5].

В данном случае *РСА* позволяет определить, какие показатели (рабочее время, зарплата, дифференциация) вносят наибольший вклад в межрегиональные различия, и на основе этого задать веса для агрегирования.

Таким образом, разработанный интегральный индекс позволяет комплексно оценить условия труда и выявить региональные различия, сочетая преимущества статистической формализации и доступность интерпретации для социально-экономического анализа.

Результаты исследования

Основу информационной базы исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики (далее — Росстат), доступные за период 2018–2024 гг.¹ Использовались:

- среднее фактическое рабочее время (часы в неделю);
- номинальная начисленная заработная плата;
- индекс потребительских цен;
- коэффициент региональной дифференциации зарплат (децильное соотношение доходов).

Для обеспечения межрегиональной и межвременной сопоставимости проведен ряд преобразований по формулам (1)–(3).

Оценим влияние рассматриваемых показателей на ИУТ.

В *таблице 1* показана матрица корреляций показателей. Так, наибольшее влияние на ИУТ оказывает количество отработанных часов, среднюю степень влияния демонстрирует заработная плата, наименьшую связь показывает коэффициент региональной дифференциации зарплат. Между собой выделенные показатели коррелируют слабо (значения меньше 0,5).

¹ Трудовые ресурсы, занятость, безработица. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force

Т а б л и ц а 1

Матрица корреляций показателей

Показатель	IUT	N_H	N_W	N_V
IUT	1	0,735161	0,444689	0,200496
N_H	0,735161	1	0,049743	-0,07511
N_W	0,444689	0,049743	1	-0,51225
N_V	0,200496	-0,07511	-0,51225	1

Источник: рассчитано по: (4), [6].

По формуле (4) был вычислен ИУТ. Результаты расчетов показывают, что в 2020 г. пандемия привела к росту числа регионов с низким ИУТ (четверть субъектов). В 2021 г. начался процесс восстановления, однако наиболее заметен он был в регионах с развитым промышленным производством. В 2023 г. количество регионов с низкими значениями индекса сократилось до минимума (см. табл. 2, рисунок).

Т а б л и ц а 2

Распределение групп с высоким, средним и низким значением индекса условий труда

Группы регионов	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Группа I (высокий)	69	58	14	50	55	66	76
Группа II (средний)	24	33	63	37	36	28	18
Группа III (низкий)	3	5	19	9	5	2	2

Источник: рассчитано по: (4), [6].

Рассмотрим состав выделенных групп подробнее.

В группу I² (высокий ИУТ) устойчиво на протяжении всего рассматриваемого периода входят 14 регионов. Их отличает:

- высокий уровень реальной заработной платы, устойчиво превышающий среднероссийские значения;
- относительно умеренная межотраслевая и межквалификационная дифференциация доходов, что связано с развитостью корпоративных систем оплаты и коллективных договоров;
- снижение нагрузки по фактическому рабочему времени, обусловленное переходом части работников в сектора с более гибким графиком и большей автоматизацией.

² Амурская область, Калужская область, Кемеровская область, Ленинградская область, Московская область, Сахалинская область, Свердловская область, Томская область, Челябинская область, Москва, Санкт-Петербург, Приморский край, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО.

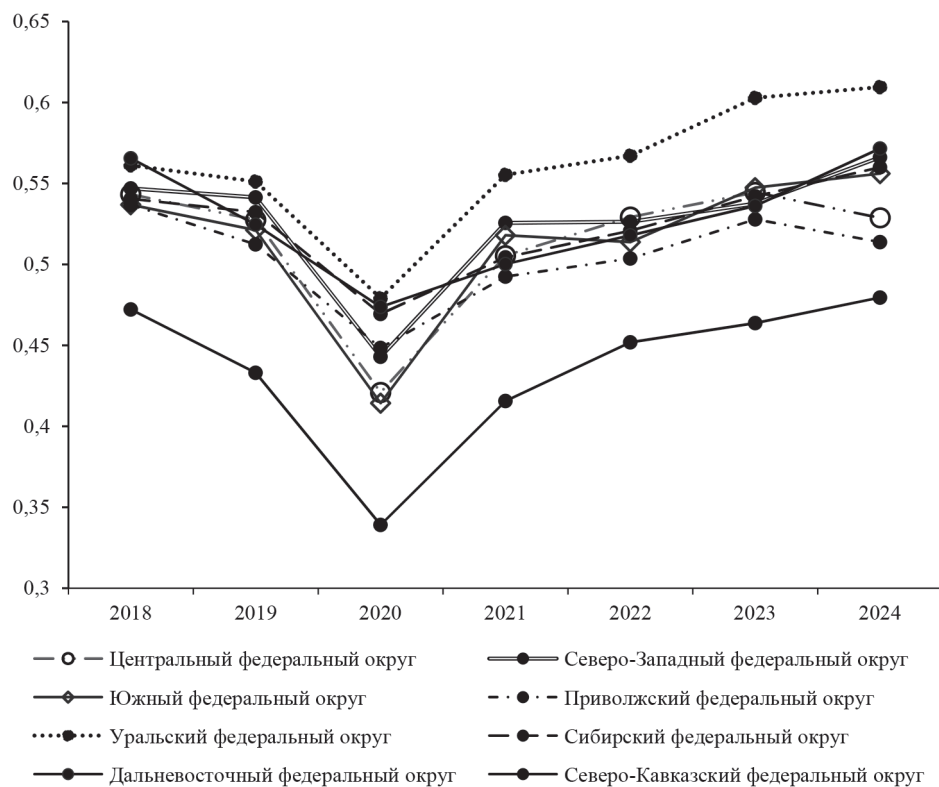

Рис. Динамика ИУТ по федеральным округам

Источник: рассчитано по: (4), [6].

Эти регионы — ядро российской экономики, где концентрация капитала, наличие транснациональных компаний и значительный уровень бюджетных инвестиций формируют благоприятные условия труда. Социальная политика (дополнительные льготы, развитая инфраструктура, высокая обеспеченность жильем и услугами) также поддерживает их лидирующие позиции.

В группу II³ (средний ИУТ) устойчиво на протяжении всего рассматриваемого периода входят регионы Центрального федерального округа, часть Приволжского округа, а также ряд уральских субъектов. Их отличают:

- средний уровень заработной платы, заметно ниже, чем в группе I, но выше, чем в регионах-аутсайдерах;
- сбалансированное рабочее время, близкое к среднероссийскому уровню;

³ Владимирская область, Кировская область, Курганская область, Нижегородская область, Омская область, Орловская область, Самарская область, Тамбовская область, Ярославская область, Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Калмыкия, Республика Мордовия, Забайкальский край, Пермский край.

- умеренная дифференциация доходов, что отражает относительную однородность экономической структуры и наличие диверсифицированных производств.

Эти регионы занимают промежуточное положение в экономическом пространстве страны и представляют собой так называемую середину российской экономики: у них нет сырьевых сверхдоходов, но и не наблюдается крайних форм социально-экономической депривации. Устойчивость позиции во группе II объясняется сохранением индустриального профиля, умеренной ролью аграрного сектора и более развитой инфраструктурой, чем в регионах-аутсайдерах.

В группу III (низкий ИУТ) устойчиво на протяжении всего рассматриваемого периода входят регионы: Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика. Основные характеристики группы:

- низкий уровень заработной платы, зачастую в полтора – два раза ниже среднероссийских значений;
- высокая дифференциация доходов при доминировании неформальной занятости и слабой институциональной защищенности работников;
- удлиненное фактическое рабочее время в неформальном секторе при ограниченном доступе к социальным гарантиям.

Факторы закрепления регионов в группе III: аграрно-сырьевая специфика, слабое развитие промышленности, значительная роль теневой экономики, демографическое давление и низкий уровень бюджетной обеспеченности. Эти регионы формируют устойчивый периферийный кластер российского рынка труда.

Особый интерес представляют регионы, которые в разные годы мигрировали между группами. Их динамика отражает чувствительность индекса к изменениям в отдельных компонентах и структуре весов.

К категории регионов с поступательным улучшением относятся регионы, которые переместились из группы II в группу I⁴. Их позиции укрепились благодаря росту заработной платы в сырьевом секторе, инвестициям в добывающие отрасли и повышению бюджетной обеспеченности. Однако усиление роли показателя дифференциации при *РСА*-взвешивании также вносит вклад в перемещения: сильная поляризация доходов снижает устойчивость к росту в рейтинге.

Некоторые субъекты Центрального и Юго-Западного федеральных округов переместились из группы II в группу III. Это так называемые регионы с поступательным ухудшением⁵. Причины – замедление тем-

⁴ Архангельская область, Астраханская область, Волгоградская область, Вологодская область, Липецкая область, Мурманская область, Псковская область, Республика Коми, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Чеченская Республика, Ненецкий АО.

⁵ Брянская область, Ивановская область, Калининградская область, Костромская область, Курская область, Новгородская область, Новосибирская область, Ульяновская область, Республика Адыгея, Республика Крым, Краснодарский край, Севастополь.

пов роста заработной платы, отставание по уровню производительности, а также усиление бюджетных ограничений после 2020 г.

Значительная часть мигрирующих субъектов Российской Федерации демонстрирует качели между группой II и группой III. Таким образом, их можно назвать *регионами с колебательными траекториями*⁶. Сюда относятся некоторые регионы Поволжья и Урала, где на показатели влияют колебания промышленного выпуска и инвестиционной активности. В отдельные годы рост зарплат и поддержка со стороны федерального бюджета выводят их в более высокую группу, однако при ухудшении конъюнктуры они быстро возвращаются в группу III.

Проверка гипотезы

Для проверки того, насколько три выбранных компонента можно рассматривать как элементы единой шкалы, был рассчитан коэффициент Кронбаха (5). Его значение составило -0,73, что указывает на низкую согласованность. Отрицательное значение α свидетельствует о том, что показатели *варьируют в разнонаправленных плоскостях*. Например, регионы с высоким уровнем заработной платы могут одновременно характеризоваться высокой дифференциацией доходов, что снижает интегральное значение. Данный результат подтверждает, что ИУТ следует трактовать не как одномерную шкалу, а как композитный показатель, агрегирующий разные стороны трудовых условий. Подобная ситуация характерна для многих композитных индексов в социальной статистике.

Для оценки устойчивости индекса были использованы альтернативные методы взвешивания. В экспертной схеме предполагалось, что наиболее важными характеристиками условий труда являются фактическое рабочее время и реальная заработная плата (по 40%), тогда как коэффициент дифференциации играет вспомогательную роль (20%). Данный вариант позволяет проверить чувствительность результатов к усилению роли первичных экономических характеристик.

Для дополнительной проверки устойчивости результатов был выполнен пересчет интегрального ИУТ с весами, определенными методом главных компонент (PCA). На предварительно нормализованных показателях — среднем фактическом рабочем времени (N_H), реальной заработной плате (N_W) и инвертированном коэффициенте дифференциации заработной платы (N_V) — была проведена стандартизация (z-преобразование) и построена ковариационная матрица.

Первая главная компонента (PC_1) объясняет 50,9% общей дисперсии. Полученные коэффициенты линейной комбинации составили: 0,165 для N_H , 0,695 для N_W и -0,699 для N_V . Для построения композитного

⁶ Пензенская область, Саратовская область, Тюменская область, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Алтайский край, Ханты-Мансийский АО — Югра.

индекса были использованы нормированные абсолютные значения этих коэффициентов, что позволило избежать негативных весов и сохранить положительную интерпретацию вклада каждой компоненты. В результате веса составили: для среднего фактического рабочего времени $\omega_H = 0,106$, для реальной заработной платы $\omega_W = 0,446$ и для инвертированного коэффициента дифференциации заработной платы $\omega_V = 0,448$.

Итоговый *РСА*-взвешенный индекс рассчитывался по формуле:

$$IUT_{\text{РСА}} = \omega_H \cdot N_H + \omega_W \cdot N_W + \omega_V \cdot N_V \quad (7)$$

Сравнение полученного индекса с базовой равновесной версией показало высокую согласованность: коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил $\rho \approx 0,80$ по всей выборке и $\rho \approx 0,83$ за 2024 г. Это *подтверждает устойчивость общей картины регионального распределения* [7]. В то же время для отдельных регионов наблюдались существенные сдвиги в позициях. Так, Ненецкий АО поднялся на 401-ю позицию, Республика Саха (Якутия) — на 273-ю, Республика Коми — на 251-ю; напротив, Калининградская область ухудшила свое положение, оказавшись на 335-й позиции, Республика Крым — на 248-й, город Севастополь — на 230-й. Вместе с тем устойчивыми лидерами остаются Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская область. Аутсайдерами — Республика Алтай, Кабардино-Балкарская Республика, Ингушетия, Дагестан и Тыва. Следовательно, общая структура распределения сохраняется.

Таким образом, использование *РСА*-весов подтверждает общую стабильность индекса, однако выявляет регионы, чувствительные к изменению структуры весов. Это указывает на необходимость сочетать несколько методов агрегации при построении интегральных индексов и рассматривать ИУТ как композит, отражающий разные измерения условий труда, а не как строгую одномерную шкалу.

* * *

Проведенное исследование подтвердило значимость интегрального индекса условий труда как инструмента анализа занятости и социально-экономических различий в регионах России. Построенный на основе трех компонентов — фактического рабочего времени, реальной заработной платы и коэффициента дифференциации доходов — индекс позволяет выявить как устойчивые территориальные различия, так и динамику миграции регионов между группами.

Результаты показали наличие *трех четко выраженных кластеров*:

- 1) ядро с благоприятными условиями труда (Москва, Санкт-Петербург, сырьедобывающие регионы Севера);
- 2) середина — индустриально сбалансированные субъекты Центрального и Приволжского округов;
- 3) периферийный пояс Северного Кавказа и Юга Сибири, где сохраняется низкий уровень заработной платы и высокая дифференциация.

Особое внимание привлекают регионы с колебательными траекториями, что свидетельствует о высокой чувствительности их позиций к внешнеэкономическим шокам и институциональным факторам.

Верификация индекса методами Кронбаха и *РСА* подтвердила, что ИУТ является композитным показателем, объединяющим разные измерения условий труда. Сравнение равновесной и *РСА*-взвешенной версий показало высокую степень согласованности, однако выявило и зоны нестабильности. Это указывает на необходимость комплексного подхода в интерпретации результатов.

Таким образом, как мы полагаем, ИУТ может рассматриваться как полезный аналитический инструмент государственной политики в сфере занятости, позволяющий выявлять не только устойчивые различия, но и зоны риска, требующие приоритетной поддержки.

Список литературы

1. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Экономика российских регионов после COVID-19 и в условиях санкции // *Федерализм*. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 98–127.
2. Сугоняев К.В., Радченко Ю.И. «Закон уменьшения отдачи» Спирмена: исследование на масштабных российских выборках // *Психология. Психофизиология*. 2018. № 1. С. 5–21.
3. Зюлина В.В. Влияние индекса человеческого развития на социально-экономическую политику государства // *Известия МГТУ*. 2013. № 1 (15). С. 254–258.
4. Фомина Е.Е. Обзор методов оценки надежности измерительной шкалы в социологических исследованиях // *Экономика. Социология. Право*. 2018. № 4 (12). С. 63–70.
5. Сероштан М. В., Бережная О. В., Дарвиш Ф. Метод главных компонент как инструмент стратегического управления инновациями в сфере малого бизнеса // *Экономические системы*. 2022. № 4. С. 12–25.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016–2024 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
7. Корнилова А.С., Никонова Р.А., Дрягина Д.Р. Метод ранговой корреляции и его применение // *Современные инновации: теоретический и практический взгляд: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции*, Москва, 21–22 января 2018 г. Иваново, 2018. С. 52–53.

References

1. Valentei S.D., Bahtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Ekonomiki rossiiskih regionov posle COVID-19 i v usloviyah sanktsii [Economies of Russian Regions after COVID-19 and under Sanctions], *Federalizm* [Federalism], 2025, Vol. 30, No. 2 (118), pp. 98–127. (In Russ.).
2. Sugonyaev K.V., Radchenko Yu.I. “Zakon umen'sheniya otdachi” Spirmena: issledovanie na masshtabnyh rossiiskih vyborkah [Spearman's “Law of Diminishing

Returns”: A Study on Large-Scale Russian Samples], *Psihologiya. Psihofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology], 2018, No.1, pp. 5–21. (In Russ.).

3. Zyulina V.V. Vliyanie indeksa chelovecheskogo razvitiya na sotsial’no-ekonomicheskuyu politiku gosudarstva [The Impact of the Human Development Index on the Socioeconomic Policy of the State], *Izvestiya MGTU* [Bulletin of Moscow State Technical University], 2013, No. 1 (15), pp. 254–258. (In Russ.).

4. Fomina E.E. Obzor metodov otsenki nadezhnosti izmeritel’noi shkaly v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Review of Methods for Assessing the Reliability of a Measurement Scale in Sociological Research], *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo* [Economics. Sociology. Law], 2018, No. 4 (12), pp. 63–70. (In Russ.).

5. Seroshtan M. V., Berezhnaya O. V., Darvish F. Metod glavnih komponent kak instrument strategicheskogo upravleniya innovatsiyami v sfere malogo biznesa [Principal Component Analysis as a Tool for Strategic Innovation Management in Small Business], *Ekonomicheskie sistemy* [Economic Systems], 2022, No. 4, pp. 12–25. (In Russ.).

6. Regiony Rossii. Sotsial’no-ekonomicheskie pokazateli. 2016–2024 gg. [Regions of Russia. Socioeconomic Indicators. 2016–2024], *Federal’naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

7. Kornilova A.S., Nikonova R.A., Dryagina D.R. Metod rangovoi korrelyatsii i ego primeneniye [The Rank Correlation Method and its Application], *Sovremennyye innovatsii: teoreticheskii i prakticheskii vzglyad, sbornik nauchnykh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 21–22 yanvarya 2018 g.* [Modern Innovations: A Theoretical and Practical View, Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, 21–22 January]. Ivanovo, 2018, pp. 52–53. (In Russ.).

THE INDEX OF WORKING CONDITIONS AND ITS IMPACT ON EMPLOYMENT IN THE REGIONS OF RUSSIA

The problem of inequality and unstable working conditions remains one of the key issues in Russia’s socio-economic development. Significant differences in wages, working hours, and social security of employees not only create a gap in living standards, but also increase territorial polarization. The COVID-19 pandemic and subsequent economic shocks have shown that traditional employment indicators are insufficient for a comprehensive assessment of the real situation in the labor market. The article discusses the development and testing of an integral index of working conditions, which allows a comprehensive assessment of employment and socio-economic differences in the regions of Russia. Special attention is paid to the issues of index verification: assessment of internal consistency through the Kronbach coefficient, as well as comparison of equilibrium and alternative aggregation schemes, including the Principal Component Analysis (PCA) method. The calculations showed the presence of three stable clusters of regions: the “core” with favorable working conditions (Moscow, St. Petersburg, the raw-material regions of the North and the Far East), the “middle belt” of industrially developed subjects of the Central and Volga districts, as well as the “peripheral zone” of the North Caucasus and Southern Siberia, where low wages remain high income differentiation and a significant proportion of informal employment. Regions with oscillatory trajectories demonstrating migration between groups are of particular interest. Their dynamics reflect the sensitivity of the index to changes in the economic environment and institutional conditions. A comparison of the basic and PCA-weighted versions of the working conditions index showed a high degree of consistency ($r \approx 0.80-0.83$) but also revealed

areas of instability. The results obtained confirm that the index of working conditions can be used as an analytical tool for monitoring working conditions, assessing risks and developing targeted public policy measures in the field of employment and social protection.

Keywords: employment, index of working conditions, working hours, wages, region, Cronbach's alpha, PCA.

JEL: C38, J30, J81

Дата поступления — 31.07.2025

Принята к печати — 18.08.2025

ГАВРИЛЕНКО Юлия Евгеньевна

главный эксперт отдела обработки и анализа статистической информации;

Государственное бюджетное учреждение «Аналитический центр» / ул. Новый Арбат, д. 11, стр. 1, г. Москва, 119019.

e-mail: juliagavrilenko97@yandex.ru

GAVRILENKO Iuliia E.

Chief Expert of the Statistical Information Processing and Analysis Department;
State Budgetary Institution "Analytical Center" / 11, Building 1, Novy Arbat St., Moscow, 119019.

e-mail: juliagavrilenko97@yandex.ru

Для цитирования:

Гавриленко Ю.Е. Индекс условий труда и его влияние на занятость в регионах России // Федерализм. 2025. Т. 30. № 3 (119). С. 171–183.
DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-3-171-183>

Требования к оформлению рукописей для авторов журнала «Федерализм»

По структуре. Статья должна быть структурирована, иметь подзаголовки и сноски. Объем рукописи для кандидатов и докторов наук должен составлять — от 40 000 до 50 000 печатных знаков, включая пробелы, для аспирантов — от 20 000 до 25 000 печатных знаков (раздел «Молодые ученые»). Оригинальность текста должна быть не менее 80%.

В сопровождении к статье должны быть **обязательно представлены** (отдельным файлом):

- фамилия, имя, отчество автора (авторов) на русском и английском языках;
- ученая степень, звание, должность, место работы на русском и английском языках, для аспирантов — название вуза;
- e-mail (публикуется в журнале как контактная информация автора);
- аннотация объемом 6—8 строк (100—250 слов) на русском языке; по своей структуре аннотация должна отражать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, раскрывать основное содержание исследования и полученные автором результаты;
- ключевые слова к статье (5—7 слов на русском и английском языках);
- тематический классификатор Journal of Economic Literature (JEL);
- контактный **телефон** с кодом города, почтовый адрес с указанием индекса.

Требования к оформлению статьи. Текст статьи предоставляется в формате WORD (*.doc, *.docx). Основной текст печатается шрифтом Times New Roman 14 обычный, межстрочный интервал — 1,5, выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 1,25 см. Название раздела, пунктов и подпунктов печатается шрифтом Times New Roman 14 полужирный, наклонный, выравнивание по центру. Разделы отделяются от предыдущего раздела одной пустой строкой и от последующего текста также одной пустой строкой.

Ссылки на литературу — затекстовые. Печатаются шрифтом Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал — 1,0. Отступ — 1,25 см. Все ссылки указываются списком в конце статьи, нумерация в списке литературы — по мере упоминания источника в тексте. В тексте, в квадратных скобках, указывается порядковый номер ссылки и страница.

Ссылки на законодательные акты даются постранично. Примечания подстрочные (сквозная нумерация); размер шрифта примечаний — 12 при интервале 1. Нумерация таблиц, рисунков и формул (сквозная). Параметры страницы: верхнее поле — 2,0; нижнее поле — 2,5; левое поле — 2,0; правое поле — 1,5.

Принятые сокращения: год — г. годы — гг.; в том числе — в т.ч.; то есть — т.е.; так как — т.к.; тому подобное — т.п.; тысячи — тыс.; миллионы — млн; миллиарды — млрд; рубли — руб.; доллары — долл.; век — в.

Иностранные слова в тексте статьи выделяются курсивом.

Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Шрифт Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал 1,0. Стремиться к тому, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка (не пользуйтесь символами абзаца для смысловой разбивки строк). Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Не используйте в таблице выделение цветом, он «потеряется» при верстке.

Графики оформляются в черно-белом варианте, предпочтительно делать в Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком) или CorelDraw (не переводите текст в кривые, так как он всегда редактируется. Не импортируйте файлы в графических форматах в файл *.cdg и не экспортируйте файлы *.cdg в другие форматы). По возможности избегайте построения графиков в Word, так как их подготовка к верстке требует большой дополнительной работы. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word. Качество таких материалов в большинстве случаев непригодно для полиграфии.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных *списка литературы*. Один список (для русскоговорящих читателей) оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (*References*) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению. Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References см. на сайте журнала <https://federalizm.rea.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

За достоверность представляемых библиографических данных авторы несут ответственность вплоть до отказа в праве на публикацию.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)

Основан в 1996 г.
Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-74878 от 11 февраля 2019 г.

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования

Подписка по каталогу
Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 72005

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Федерализм» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не
возвращаются.
Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.

Редактор **Б.Ю. Соколова**
Технический редактор **Е.И. Аникеева**

Адрес редакции:
109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8 (495) 800-12-00, доб. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Подписано в печать 30.09.2025.
Формат 70x108 1/16
Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 16,45.
Уч.-изд. л. 14,51.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

Founder
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Founded in 1996
The edition is registered
in the Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI No. FS 77-74878 dated 11 February 2019

The journal was included in the List of leading
scientific journals and publications
of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by “Ural-Press” catalogue.
Index 72005

In case materials from “Federalism” are repro-
duced, the reference to the source is manda-
tory. Materials not accepted for publication are
not returned.
Opinions of editorial council and editorial
board may not coincide with those of the au-
thors of publications.

Editor **B.Iu. Sokolova**
Technical editor **E.I. Anikeeva**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: **8 (495) 800-12-00, ext. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Signed for print 30.09.2025.
Format 70x108 1/16
Printed sheets 11.75. Conv. sheets 16.45.
Publ. sheets 14.51.
Circulation 1,000. Order № .
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University
of Economics,
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.